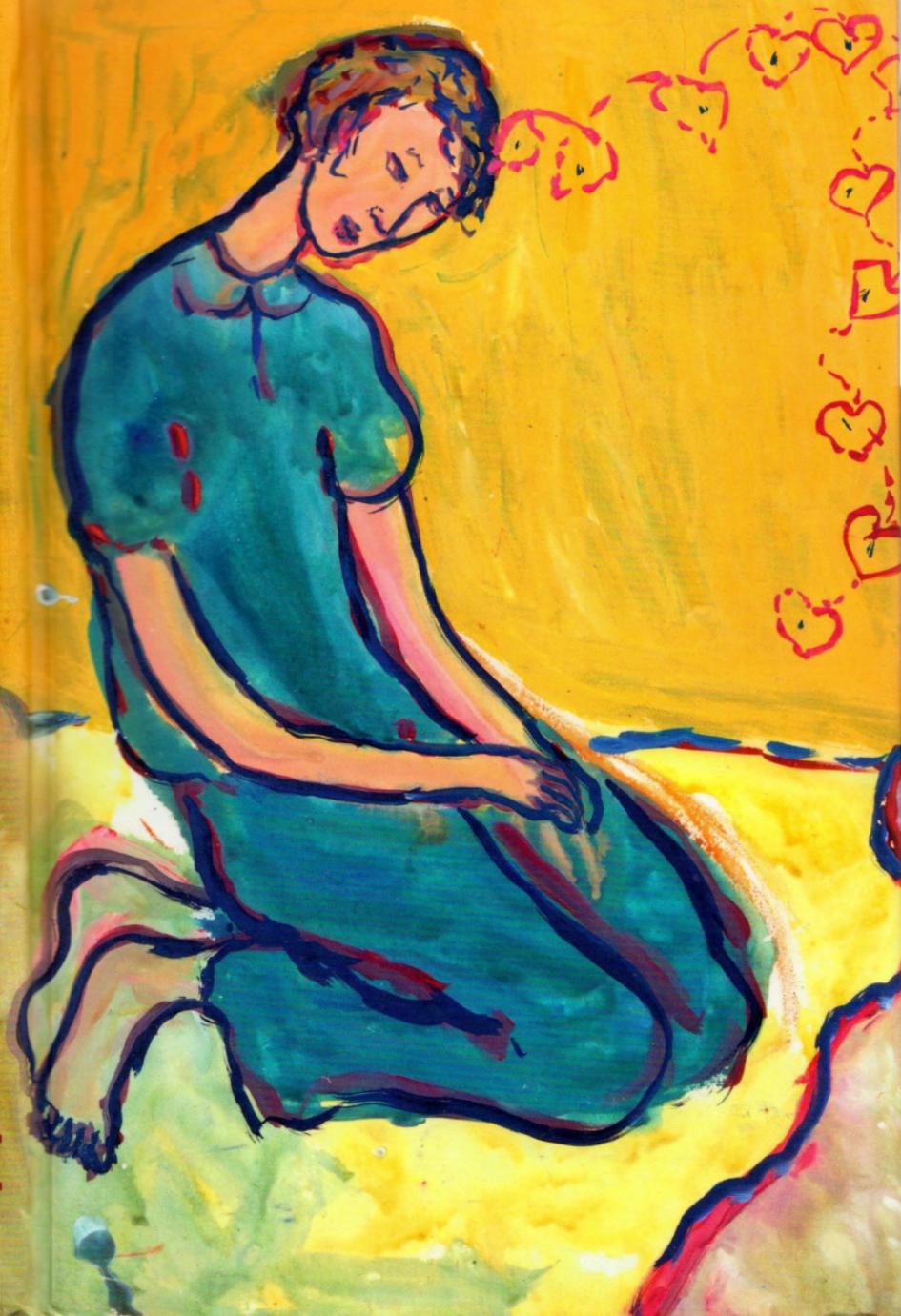

PREMIUM

Шарлотта

Давид Фонкинос

АЗБУКА

Азбука
PREMIUM

ДАВИД ФОНКИНОС

Шарлотта

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Ф 77

David Foerkinos
CHARLOTTE

Copyright © Editions GALLIMARD, Paris, 2014
Cover illustration © Collection Jewish Historical Museum,
Amsterdam
© Charlotte Salomon Foundation
Charlotte Salomon®

Перевод с французского Ирины Волевич

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

11154
11455

ISBN 978-5-389-09929-6

© И. Волевич, перевод, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Тому, кто при жизни не стремится покончить с жизнью, нужна хотя бы одна рука, чтобы отвести от себя отчаяние, внушаемое ему неотвратимой судьбой.

Кафка. Дневники, 19 октября 1921 г.

На этот роман меня вдохновила жизнь Шарлотты Саломон.

Юной немки, убитой в возрасте двадцати шести лет, когда она была беременна.

Моим основным источником стала ее автобиографическая книга «Жизнь? Или Театр?».

Часть первая

1

Шарлотта научилась читать свое имя на могильной плите.

То есть она не первая Шарлотта в семье, —

Первая — тетка, сестра ее матери.

Сестры были очень дружны, вплоть до ноябрьской ночи

тринадцатого года.

Франциска с Шарлоттой вместе пели и танцевали, вместе смеялись,

И в этом не было ничего вульгарного.

В их лучезарной живости таилась доля стыдливости.

Может быть, так повлияла на них личность отца,

Сухого педанта, любителя древностей и искусства.

В его глазах, интереса были достойны одни лишь седые руины.

Их мать отличалась более мягким нравом,

Но в нем затаилась глубокая скорбь:

Ее жизнь была сплошной чередой трагедий.

Позже мы скажем о них.

Пока же вернемся к Шарлотте,

К первой Шарлотте — Шарлотте прекрасной,

С длинными волосами, темными, как ее обещанья.

Все началось с замедления.

Она постепенно все делала дольше — ела, ходила, читала.

Что-то замедлилось в ней,

Словно ее отравила неодолимая меланхолия,

Роковая болезнь, от которой нет избавленья.

Счастье стало далеким, недостижимым, как остров,

оставшийся в прошлом.

Никто не подметил в Шарлотте начала распада.

ДАВИД ФОНКИНОС

Со стороны это было почти незаметно.
Если сравнить двух сестер,
Старшая просто была улыбчивей, чем другая,
Разве что эта, другая, все чаще уходила в раздумья.
А ею тем временем завладевала ночь —
Ночь, которой нужно дожидаться, которая станет последней.

И вот наступил холодный ноябрьский вечер.
Весь дом безмятежно спал. А Шарлотта встала с постели,
Собрала какие-то вещи, словно в дорогу.
Город недвижно застыл, съезжившись в ранней зиме.
Девушке только исполнилось восемнадцать.
Она торопливо пошла к намеченной цели.
Мост.

Мост, который она обожала,
Тайный приют ее мрака,
Станет последним мостом — Шарлотта давно это знала.
В черной безлюдной ночи
Она не колеблясь бросилась вниз,
В омут воды ледяной, превратив свою гибель в мученье.

Тело нашли поутру на речном берегу,
Посиневшее тело.
Родителей и сестру разбудила страшная весть.
Отец замкнулся в скорбном молчании,
Сестра безутешно плакала,
Мать исходила воплями горя.

Назавтра в газетах рассказали о девушке,
По неизвестной причине покончившей с жизнью.
Вот это ужасней всего:
Не просто жестокость — двойная жестокость.
Как же такое случилось?
Для старшей сестры эта смерть — оскорбление дружбы,
Но главное — чувство вины.
Она ничего не заметила, не поняла этой странной медлительности
И теперь укоряла себя в бессердечии.

2

Ни мать, ни отец, ни сестра не пришли на похороны.
Убитые горем, родители прятались от посторонних.
Их тоже, как и сестру, верно, мучил беспомощный стыд,
И любопытные взгляды им были невыносимы.

Так прошло несколько месяцев
В затворничестве, в нежелании выйти на люди —
Долгий период молчанья.
Ибо заговорить означало вспомнить Шарлотту.
Она бы незримо стояла за каждым сказанным словом,
И лишь молчание помогало жить дальше тем, кто остался в живых.
Но однажды Франциска села к роялю, коснулась пальцами клавиш,
Стала наигрывать мелодию и напевать вполголоса.
К ней подошли родители,
Невольно согретые этим лучиком жизни.

Страна вступила в войну. Быть может, так оно лучше:
Хаос — весьма подходящий фон для горя этой семьи.
Это первый всемирный конфликт.
Сараево миг разрушило все империи прошлого.
Людей миллионами гнали на верную смерть.
В длинных траншеях, изранивших землю, вершились судьбы мира.
А Франциска задумала стать сестрой милосердия,
Выхаживать раненых и больных, вытаскивать их с того света.
Главное, чувствовать, что приносишь пользу.
А сейчас ее постоянно мучила собственная ненужность.
Мать ужаснуло решение дочери,
В семье начались пререкания, ссоры.
Идет мировая война, а тут разразилась семейная битва.
Однако Франциска поставила на своем.
Уехала на фронт и сразу же попала на передовую.
Люди считали Франциску отважной,
А девушку попросту уже не страшила смерть.

В самой гуще сражений она повстречала Альберта.
Альберт Саломон — военный хирург,
Молодой, очень рослый и энергичный.
Кажется, даже стоя на месте, он все время куда-то спешил.
Альберт возглавлял полевой лазарет
Здесь, на фронте, во Франции.
Его родители умерли, медицина заменила семью.
Он поглощен своей миссией, остальное ему безразлично,
И женщины в том числе.
Так, он едва заметил новую медсестру,
Тогда как она непрерывно посылала ему улыбки.
К счастью, в ход этой истории вмешалась случайность.
В самый разгар операции Альберт внезапно чихнул.
Из носу потекло, срочно нужен платок,
Но в эту минуту хирург копался в кишках раненого солдата.
Франциска, достав платок, вытерла Альберту нос,
Вот тут он ее и увидел.

Прошел целый год, и Альберт наконец-то, взяв себя в руки,
В бесстрашные руки хирурга,
Явился с визитом к родителям своей нареченной.
Те приняли гостя так холодно, что он просто оторопел.
Зачем он пожаловал?
Ах да... просить руки... их дочери...
Просить чего? — сердито буркнул отец.
Чтобы этот тощий верзила ходил у него в зятях?
Да разве же он достоин высокородной фройляйн Грюнвальд?!
Однако Франциска упорствовала,
Говоря, что безумно в него влюблена.
Трудно проверить, правда ли это,
Но она была не из тех, кто действует по капризу.
После смерти сестры жизнь свелась для нее к главным ценностям.

И в конечном счете родители уступили.
Заставили себя уступить, изголодавшись по радости,
По музыке и улыбкам.
Больше того, даже начали покупать цветы.

В их гостиной давно уже не было ярких красок,
 А цветочные лепестки — символ возврата к жизни.
 Впрочем, на свадьбе они сидели с похоронным видом.

3

С первых же дней Франциска осталась в доме одна.
 Так почему же брак называют *жизнью вдвоем*?
 Муж снова уехал на фронт,
 Война затянулась и кажется вечной,
 Нескончаемой бойней в траншеях.
 Ох, только бы он уцелел!
 Франциска боялась остаться вдовой,
 Она ведь и так...
 А собственно, как называют ту, что лишилась сестры?
 Похоже, этого слова никто еще не придумал.
 Порой словари стыдливо молчат,
 Словно страшатся горя.

Юная новобрачная бродила по огромной квартире
 На втором этаже доходного дома
 В Шарлоттенбурге — *квартале Шарлотты*.
 Это дом № 15 по Виландштрассе, близ Савиньиплац.
 Я часто гулял в тех местах
 И влюбился в них еще до того, как узнал о Шарлотте.
 В 2004 году я задумал роман под названием «Савиньиплац».
 Это слово рождало во мне какие-то странные чувства,
 Волновало меня — сам не знаю, чем именно.

Через квартиру тянулся длинный коридор,
 Чем-то напоминавший Франциске родительский дом.
 Она часто присаживалась там и читала,
 Но сегодня почти сразу захлопнула книгу.
 Борясь с дурнотой, кинулась в ванную,
 Плеснула в лицо холодной водой
 И тут поняла, что с ней происходит.

Альберт оперировал раненого, как вдруг принесли письмо.
Санитар перепугался, увидев, как побледнел хирург.
Моя жена беременна, выдохнул тот наконец.
Теперь Альберт стал куда чаще навещаться в Берлин,
Но остальное время Франциска проводила дома одна,
со своим животом.

Гуляла по коридору, беседуя с будущим чадом, —
Так ей было легче коротать одиночество.
Роды пришлись на 16 апреля 1917 года:
Вот он — день появления нашей героини.
Но пока что она лишь младенец, плачущий без умолку,
Словно он недоволен своим появлением на свет.

Франциска решила назвать дочь Шарлоттой,
в память погибшей сестры,
Но Альберт восстал: девочка не должна носить имя покойной,
И тем более имя самоубийцы!
Франциска спорила, плакала и сердилась:
Ей казалось, сестра возродится в ребенке.
Альберт заклинал жену быть благоразумной.
Увы, он знал, что она далеко не благоразумна,
Но любил в ней даже это невинное сумасбродство,
Эту способность всегда быть разной —
То смиренной, то своенравной, то робкой, а то жизнерадостной.
Он понял, что спорить с ней бесполезно,
Да и кому приятны домашние войны во время войны?
И девочку нарекли Шарлоттой.

4

Какими могли быть первые воспоминания Шарлотты?
О запахах или о красках?
Скорее всего, ей запомнились
Звуки мелодий, что напевала ей мать.
У Франциски был ангельский голос,
Она пела, аккомпанируя себе на рояле.

Шарлотта засыпала под материнское пение
С самого нежного возраста.
Позже она будет переворачивать для мамы страницы нот.
Так первые годы Шарлотты прошли под звуки рояля.

Франциска любила гулять вместе с дочкой.
Она водила ее в зеленое сердце Берлина — Тиргартен,
Островок тишины в городе, еще не очнувшись от поражения.
Малышка Шарлотта боязливо смотрела на солдат-инвалидов.
Как страшны эти руки, что тянутся к ней, —
Руки армии нищих.
Она отводила глаза от их искаженных лиц,
Но стоило ей забрести в чашу леса, она веселела —
Там можно было гоняться за белками.

Потом они с матерью отправлялись на кладбище,
Ибо нельзя забывать о мертвых.
Шарлотте рано пришлось понять, что мертвые — часть их жизни.
Она трогала пальчиком слезы мамы.
Франциска оплакивала сестру так же горько, как в день ее гибели.
Бывают непреходящие горести.
На могильной плите Шарлотта впервые прочла свое имя
И спросила, что же случилось с тетей?
Она утонула в реке.
Разве она не умела плавать?
Нет, это просто несчастный случай.
И Франциска поспешно сменила тему.
Вот и первая сделка с реальностью,
Начало театра.

Альберту не нравились эти походы на кладбище.
Зачем ты так часто ходишь туда с Шарлоттой?
Это мрачное развлечение.
Он просил ее реже водить туда дочку,
Но разве Франциску проверишь?
Он же так мало бывал дома.
Только и думает что о работе, ворчали его тесть и теща.

Но Альберт твердо решил стать самым лучшим врачом:
Если не оперировал, то занимался наукой.

Когда человек так уходит в работу, это выглядит подозрительно:
Похоже, он от чего-то скрывается.

Что это было — страх или только предчувствие драмы?

Франциска все чаще вела себя непредсказуемо.

Альберт подмечал у жены мгновения забытья,
Как будто она временами уставала от себя самой.

Он убеждал себя, что Франциска просто слишком мечтательна, —
Люди часто ищут красивые объяснения

странностям своих ближних, —

Но вскоре у него появились основания для тревоги.

Франциска целыми днями недвижно лежала в постели
И даже не забирала Шарлотту из школы.

Потом как ни в чем не бывало она становилась прежней,

Вдруг, без всякого перехода, забывая о своей летаргии.

Повсюду водила с собою Шарлотту —

В центр города, в парк, в зоосад и в музей,

Ведь нужно гулять и читать, узнавать что-то новое, музицировать.

Возвращаясь к нормальной жизни, она любила

устраивать праздники,

Встречаться с людьми.

Эти званые вечера доставляли радость Альберту,

Приносили ему облегчение.

Франциска садилась к роялю.

Как приятно было смотреть на нее, когда она

что-то неслышно шептала,

Словно беседуя с нотами.

Голос матери нежно ласкал слух и сердце Шарлотты:

Если мама так чудно поет, ничего плохого уже не случится!

Шарлотта, нарядная, точно кукла, стояла в гостиной,

Встречая гостей чопорной, светской улыбкой.

Она ее репетировала с мамой так долго, что скулы свело.

Но где же тут логика?

Сперва мама запирается в спальне и неделями не выходит из дому,
Потом ее вдруг обуревают демон общения.

Но Шарлотте нравилась эта внезапная перемена:

Пусть будет все, что угодно, только не мамина меланхолия.

Лучше уж этот избыток энергии, чем пустота.

Увы, пустота возвращалась к Франциске

Так же необъяснимо, как улетучивалась.

И снова Франциска лежала в постели, измученная пустотой,

Пристально глядя на что-то невидимое в углу спальни.

Эти метаморфозы Шарлотта воспринимала спокойно,

Она даже свыклась с апатией матери.

Может быть, так и рождаются артистические натуры,

Принимающие как должное безумие окружающих?

5

Шарлотте исполнилось восемь. Состояние мамы ухудшилось,

Периоды ее депрессии сделались затяжными.

Она утратила интерес ко всему, считая себя ненужной.

Альберт заклинал жену очнуться, прийти в себя,

Но мрак уже прочно обосновался на их супружеском ложе.

Ты мне нужна, твердил Альберт Франциске.

Ты и Шарлотте нужна, добавлял он потом.

В тот вечер Франциска заснула.

Потом среди ночи внезапно встала.

Альберт, проснувшись, следил за женой,

А та подошла к окну.

Хочу посмотреть на небо, сказала она, чтоб успокоить мужа.

Как часто она говорила Шарлотте, что в небе все краше,

чем на земле,

И добавляла: когда я туда попаду, я тебе напишу

и все-все расскажу.

Потустороннее стало ее наваждением:
Разве тебе не хочется, чтоб твоя мама стала ангелом?
Ведь это было бы так чудесно, не правда ли?
Но Шарлотта молчала.

Ангел...

Одного ангела Франциска знала: это ее сестра.
У той хватило мужества свести счеты с жизнью,
Уйти из нее безмолвно, никому не сказав ни слова.
Вот оно в чем — совершенство жестокости:
Смерть восемнадцатилетней девушки,
Смерть упования.
Франциска верила: в ужасе смерти есть своя иерархия.
Самоубийство женщины-матери — высшая степень этого акта.
Такому в семейных трагедиях отводится первое место.
Кто посмеет оспорить его величие?!

Однажды ночью Франциска встала
Бесшумно, почти не дыша.
На сей раз Альберт не проснулся.

Франциска пробралась в ванную,
Нашла пузырек с опиумом и залпом выпила все.
Хрип разбудил наконец ее мужа,
Он бросился в ванную: дверь была заперта,
Франциска не отвечала.
Горло горело огнем, грудь жгла нестерпимая боль,
А смерть все не шла.
И паника мужа оскверняла ее расставание с жизнью.

Но услышала ли это Шарлотта,
Или девочка крепко спала?
Альберт наконец-то взломал дверь ванной.
Чудом ему удалось к жизни вернуть Франциску —
Доза яда была недостаточно велика.
Но теперь ему стало ясно:
Призрак смерти — уже реальность.

6

Утром Шарлотта спросила, где мама.
Не нужно ее беспокоить, ответили ей.
Ночью маме вдруг стало плохо.
Впервые Шарлотта отправилась в школу, не повидавшись с мамой,
Не поцеловав ее на прощанье.

Франциска будет в меньшей опасности в доме родителей,
Так подумал Альберт.
Оставшись одна, она неизбежно покончит с собой,
Вразумить ее невозможно.
И Франциска вернулась в свою девичью комнату,
В мир своего детства,
Туда, где была так счастлива вместе с сестрой.
В родительском доме Франциска почувствовала себя бодрее.
А мать пыталась скрыть свои страхи:
Старшая дочь решила покончить с собой после гибели младшей —
Неужто это возможно?
Значит, смерть неизбежна?
И она начала искать помощи всюду, где только можно,
Вызвала друга семьи, видного невропатолога;
Тот заверил, что это всего лишь легкий, совсем не опасный психоз,
Избыток эмоций, чрезмерная возбудимость, и более ничего.

Шарлотта, не находя себе места, скучала по матери.
Где мама?
Она заболела гриппом, это очень заразно.
Вам сейчас лучше не видеться.
Мама скоро вернется домой.
Обещанья Альберта звучали не очень-то убедительно.
Он невольно винил больную жену,
Видя смятение дочери.

Однако же навещал каждый вечер Франциску.
Там его ждал ледяной прием.
Родители были уверены: это он виноват в болезни их дочери.

ДАВИД ФОНКИНОС

Дома почти не бывает, день и ночь торчит на работе.
Франциска пыталась покончить с собою в отчаянии
От вечного одиночества.

Вот и нашелся виновный!

А в смерти ее сестры тоже я виноват?! —

хотел воскликнуть Альберт,

Но он сдерживался.

Не глядя на судей, шел в спальню к жене

И у постели больной предавался воспоминаньям,

Все еще питая надежду на благополучный исход.

Франциска, взяв мужа за руку, пробовала улыбнуться.

Наступали минуты покоя, призрак былой любви,

Краткие проблески жизни меж черными мыслями.

К Франциске решили приставить сиделку.

Ей нужен уход — так было сказано посторонним,

Но цель-то, конечно, другая — неусыпный надзор.

Дни Франциски тянулись под пристальным наблюдением,

О Шарлотте она и не вспоминала,

Словно дочери не было больше на свете.

Если Альберт приносил ей детский рисунок,

Отворачивалась к стене.

7

Грюнвальды вечером ели в просторной столовой.

Туда заглянула сиделка и на минутку присела.

Внезапно мать посетила кошмарная мысль:

Франциска в спальне одна, а окно не закрыто...

И, пронзив женщину яростным взглядом,

Мать поспешно вскочила и кинулась в комнату дочери.

С порога она увидела мелькнувшее тело,

Крикнула что есть мочи, но поздно, уже не поспеть.

Внизу раздался глухой звук падения...

Мать, дрожа, устремилась к окну:

На мостовой в луже крови лежала Франциска.

Часть вторая

1

Шарлотта молча встретила страшную весть
О том, что безжалостный грипп унес ее мать.
Она размышляла над словом «грипп».
Такое короткое слово — и все уже кончено...
Правду она узнаёт лишь через многие годы,
Да и то в атмосфере всеобщего хаоса.

А сейчас она утешала отца,
Говоря ему: это не страшно,
Мама давно меня предупреждала.
Теперь она стала ангелом.
Она ведь всегда мечтала оказаться на небесах.
Альберт не знал, что ответить дочери.
Ему хотелось бы думать так же,
Но жестокая правда была налицо:
Жена его бросила одного,
Одного, с их маленькой дочерью.

Воспоминания не давали Альберту покоя:
Франциска еще жила в каждой комнате, в каждой вещи,
Воздух квартиры был тот же, которым дышала она.
Может быть, переставить мебель или уж все разорить дотла?
А лучше и вовсе съехать отсюда.
Альберт заговорил об этом с Шарлоттой, но дочь отказалась.
Ведь мама ей обещала прислать письмо,
Как только окажется на небесах, —
Значит нужно остаться здесь.

Иначе мама нас не найдет, ответила ему девочка.
Она ждала каждый вечер, часами ждала писем от мамы,
Сидя на подоконнике, высматривая почтальона.
Небосвод был мрачен, угрюм.
Может быть, из-за этого мамина весточка к ним не находит дороги?
Так протекали дни, а новостей все не было.

Шарлотта решила пойти на кладбище,
Там ей был знаком каждый камень.
Она подошла к могиле матери:
Не забывай: ты обещала мне все рассказать!
А писем все не было.
Не было ничего.
Это молчание невыносимо.
Отец пытался урезонить Шарлотту:
Мертвые не могут писать письма живым,
И это, может быть, к лучшему.
Мама счастлива там, где она сейчас,
В облаках она будет играть на небесном рояле.
Говорил, сам не зная что,
У него все спуталось в голове.
Наконец и Шарлотта уже поняла, что писем с небес не будет,
И смертельно обиделась на Франциску.

2

Теперь ей пришлось привыкать к одиночеству.
Шарлотта не разделяла чувства отца, —
Тот уходил в себя, с головой погружался в работу,
Что ни вечер сидел в кабинете, уткнувшись в книги.
Кабинет был завален стопками — нет, просто горами книг.
Шарлотта разглядывала отца:
Тот походил на безумца, бормотал какие-то формулы,
Ничто не могло отвлечь его на этом пути к познанию,

Никто — на пути к признанию.
 Он только что стал профессором Берлинского университета —
 Это высшее достижение, сбывшаяся мечта,
 Но, похоже, Шарлотту это не радовало.
 По правде сказать, ей теперь было трудно выразить свои чувства.

В школе Принцессы Бисмарк¹ у нее за спиной шептались:
 Нужно быть с Шарлоттой поласковой: у нее умерла мама.
Умерла ее мама умерла ее мама умерла ее мама...
 К счастью, школьное здание выглядело уютным,
 В нем широкие светлые лестницы. Это место, где боль утихает.
 Шарлотта была довольна, что может ходить туда ежедневно.
 Я тоже долгие годы спустя прошел по этой дороге,
 Прошел много раз, по ее следам,
 Туда и обратно, тем же путем, что маленькая Шарлотта.

И однажды я пришел в ее школу.
 По вестибюлю бегали девочки.
 Мне подумалось: вдруг Шарлотта еще бежит вместе с ними?
 В приемной меня встретила дама — советник по педагогике,
 Очень любезная женщина, она назвалась Герлиндой.
 Я объяснил ей причину моего появления в школе.
 Похоже, она не удивилась,
 Повторила задумчиво следом за мной: Шарлотта Саломон...
 О, конечно, мы знаем о ней.

И вот начался мой долгий визит,
 Обстоятельный, ибо мне было важно буквально все.
 Герлинда превозносила достоинства этой школы,
 Следя за моей реакцией и за моим волнением.
 Но самое главное ждало меня впереди:
 Она предложила осмотреть пособия по естествознанию.
 Зачем?

¹ Средняя школа для девочек в Берлине. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. перев.*)

Да ведь они относятся к тому самому времени.
Вы погрузитесь в атмосферу начала двадцатого века,
В школьный мир Шарлотты, сохранившийся до наших дней.

Мы прошли по темному, пыльному коридору,
Поднялись на чердак, где стояли звериные чучела,
А в банках целую вечность пребывали в спирту насекомые.
Потом на глаза мне попался скелет.
Смерть, неотступный рефрен моих поисков...
Шарлотта уж точно его изучала, объявила Герлинда.
Я стоял перед ним почти век спустя после моей героини,
В свой черед изучая строение человеческого костяка.

Под конец меня привели в превосходный актовый зал.
Группа девочек там позировала для общего классного снимка.
Поощряемые фотографом, они расшалились вовсю,
Давая ему возможность запечатлеть радость жизни.
Я вспомнил увиденный мною снимок класса Шарлотты.
Он был сделан не в этом зале, а в школьном дворе.
Довольно унылый снимок —
Все девочки напряженно уставились в объектив.
Все, кроме одной, —
Глаза Шарлотты были устремлены куда-то в сторону.
На что же она глядела?

3

Какое-то время Шарлотта жила у дедушки с бабушкой,
В детской комнате своей мамы.
Но это вносило смятение в мысли бабушки:
Она начинала путаться во времени.
Внучка с лицом ее старшей дочери...
Внучка, носящая имя младшей...

По ночам, замирая от страха, бабушка часто вставала:
 Ей нужно было убедиться, что Шарлотта спокойно спит.

Шарлотта стала строптивым подростком.

Отец нанимал ей гувернанток, она их усердно третировала,
 Ненавидя всех тех, кто пытался ее воспитывать,
 Особенно фройляйн Штагарт,
 Глупую и вульгарную дылду.

Шарлотта — самая невоспитанная из всех моих подопечных! —
 Сетовала фройляйн.

К счастью, во время одной из экскурсий она свалилась
 в расселину —

Сломала ногу, завопила от боли.

Шарлотта была в восторге: наконец-то пришло избавленье!

Но зато с фройляйн Хазе все пошло совершенно иначе:
 Шарлотта сразу влюбилась в нее.

Поскольку Альберт весь день отсутствовал,
 Фройляйн Хазе практически здесь поселилась.

Когда она мылась, Шарлотта тайком подглядывала за ней.

Ее завораживал пышный бюст гувернантки,

Она никогда не видала таких внушительных грудей.

У ее матери они были совсем малюсенькие.

А у нее самой, интересно, какие будут?

Ей ужасно хотелось узнать, что же все-таки лучше?

На лестнице, встретив соседа-ровесника, она задала ему
 этот вопрос.

Он изумленно воззрился на девочку

И наконец ответил: лучше уж пышные.

Стало быть, повезло фройляйн Хазе, хоть она не так уж красива.

Лицо у нее одутловатое,

И над верхней губой растут волоски,

Чтоб не сказать усы.

С этим Шарлотта вновь обратилась к соседу:

Что лучше — пышные груди плюс усики над губой

Или малюсенькие грудки плюс ангельское личико?
Мальчик сперва помолчал,
Потом серьезно ответил: второй вариант предпочтительней,
А затем удалился, не прибавив ни слова.

С тех пор он всегда конфузился при встрече со странной соседкой,
А Шарлотту, напротив, совершенно утешил его ответ.
Ее успокоил тот факт, что мужчины не смотрят на фройляйн.
Она пылко любила свою гувернантку и боялась ее потерять.
Ей хотелось, чтобы никто не любил фройляйн Хазе —
Никто, кроме нее самой.

4

Первое Рождество без матери.
Только бабушка с дедом, холодные, как никогда.
В гостиной стоит непомерно огромная, пышная елка.

Альберт расстарался — купил самую высокую и красивую,
Конечно, для дочки, но также и в память о покойной жене.
Франциска Рождество обожала,
Могла часами украшать елку.
Для нее это был самый радостный праздник в году.
Но сегодня у елки унылый вид,
Словно она соблюдает траур, как и люди вокруг.

Шарлотта разворачивала подарки,
Изображая под взглядами взрослых
Маленькую счастливую девочку,
Играя роль, как в театре, чтоб разрядить атмосферу
И разогнать грусть отца.
Им больнее всего от тишины.
На Рождество мать часами могла играть на рояле,

Девочка все сильнее страдала от одиночества.
Самая близкая из подружек вдруг изменила ей с Катрин.
Новенькая недавно в их классе, но тотчас же стала
всеобщей любимицей.

Как это ей удается?
Бывают девочки, наделенные даром влюблять в себя окружающих.
Шарлотта боялась остаться покинутой,
Значит лучше ни с кем вообще не сближаться,
Ибо ничто не вечно.
Нужно жить, избегая возможных разочарований.
А впрочем, неправда, это нелепо, —
Стоит взглянуть на ее отца:
Он стал угрюмым анахоретом, отгородившимся от людей.
И тогда Шарлотта заставила его выходить в свет.

На одном из званых обедов он сидел напротив известной певицы.
Она уже записала пластинку, по слухам чудесную.
Ее обожали повсюду в Европе.
К тому же она исполняла в церквях духовную музыку.
Альберт с трудом подбирал слова, он совсем перед ней оробел,
Их беседа то и дело перемежалась паузами.
Будь певица больна, врач бы знал, о чем говорить,
Но, увы, эта дама отличалась прекрасным здоровьем.
И в какой-то момент он пролепетал: вообще, у меня есть дочка.
А Паула (так звали певицу) сказала в ответ: о, это прелестно!

Устав от успеха, она мечтала о встречах с людьми попроще.
Курт Зингер¹, неистовый дирижер, боготворил Паулу,

¹ *Курт Зингер* (1885–1944) — блестящий дирижер Берлинской оперы, музыковед, а также невропатолог. По воспоминаниям Марго Ваксманн-Зингер, дочери Курта Зингера, он был «большим немцем, чем сами немцы», но из-за еврейского происхождения был выброшен из немецкого музыкального мира после гитлеровского переворота. При нацистах, с 1933 по 1938 г., Курт Зингер возглавлял берлинское отделение Еврейской культурной ассоциации (*Jüdischer Kulturbund*). Эта организация, занимавшаяся вопросами культурной жизни немецких евреев, стала смыслом жизни и причиной смерти Курта Зингера.

Ради нее был готов бросить все (то есть супругу),
 Неотступно ее преследовал объяснениями в пылкой любви,
 Силился соблазнить, суля золотые горы.
 Как невропатолог, он врачевал женские нервы
 И, решив ее приворожить, даже прибег к гипнозу.
 Паула чуть было не уступила, но все же отвергла его.

Как-то после концерта, в фойе, подошла к ней супруга Курта
 И в отчаянии плеснула на соперницу яд из флакона —
 Яд, который, видно, сама не решилась принять.
 Эта любовная драма
 Привела певицу в смятенье.
 Паула поняла: нужно как можно скорей выйти замуж,
 Чтобы покончить с тягостным положением.
 В такой ситуации Альберт показался певице спасителем.
 И, кроме того, Паула предпочла руки хирурга рукам дирижера.

Альберт рассказал Шарлотте о своем знакомстве с Паулой.
 Она в восторге упросила отца пригласить певицу на ужин.
 Это будет для них большой честью!
 И он подчинился.
 В тот знаменательный вечер Шарлотта надела самое лучшее платье,
 Единственное свое любимое.
 Помогла фройляйн Хазе готовить ужин и накрывать на стол.
 Сегодня все должно быть безупречно.
 Восемь часов. В дверь позвонили.
 Она, трепеща, отворила.
 Паула вошла с сердечной улыбкой.
 Наверное, ты Шарлотта? — спросила певица.
 Да, это я, хотела ответить девочка,
 Но только кивнула, не в силах заговорить.

Ужин прошел чрезвычайно приятно.
 Паула пригласила Шарлотту на один из своих концертов.
 Добавив: потом ты сможешь даже зайти в гримерную.
 Вот увидишь, там у нас очень красиво.
 Лишь в закулисной жизни есть настоящая правда.

Она говорила так мягко, голос звучал так прелестно,
В ней не было ничего от избалованной дивы, —
Напротив, Паула держалась на удивление просто.
Кажется, все прекрасно, думал Альберт,
Так прекрасно, словно Паула всегда жила в нашем доме.

Ужин окончен. Хозяева упросили Паулу спеть,
И она подошла к роялю.
Сердце Шарлотты не просто билось — оно барабанило в грудь.
Паула долго листала ноты на столике у рояля,
Наконец выбрала Шуберта, одну из его *Lieder*¹,
И поставила ее поверх Баха.

6

Шарлотта начала собирать статьи о своем кумире — Пауле.
Она восхищалась тем, что все обожают певицу,
И с удовольствием слушала аплодисменты в зале,
Гордясь *личным* знакомством с такой знаменитостью,
Упиваясь восторгами публики.
Гром оваций казался ей восхитительной музыкой.
Паула делилась с Шарлоттой любовью своих почитателей,
Показывала их письма, записки, букеты.
Девочку эта дружба странным образом утешала.

Бурный ход событий ускорил течение дней.
Все превратилось в какой-то неистовый вихрь.
Альберт как-то спросил у дочери:
Что ты думаешь о Пауле?
Я ее боготворю! — таков был ответ Шарлотты.
Очень рад, ибо мы хотим пожениться.
Шарлотта бросилась на шею к отцу,
Впервые за долгие годы.

¹ Песни (*нем.*).

Свадьбу справили в синагоге:

Паула, дочь раввина, исповедовала веру предков.

Для Шарлотты иудаизм не имел большого значения,

А если уж честно, совсем никакого.

Ее детство «не отмечено еврейским влиянием»,

Выражаясь словами Вальтера Беньямина¹.

Родители жили как атеисты,

А мать обожала христианские песнопения.

В тринадцать лет Шарлотта внезапно открыла мир своего народа,

Но отнеслась к нему довольно прохладно, как к чему-то чужому.

7

Вторая жена Альберта поселилась в доме на Виландштрассе,

И это преобразило унылые дни Шарлотты.

Безмолвию и пустоте в квартире сразу пришел конец, —

Паула впустила туда культурную жизнь Берлина.

Она приглашала самых известных людей,

Здесь можно было увидеть прославленного Альберта Эйнштейна,

Архитектора Эриха Мендельсона

Или Альберта Швейцера —

Словом, элиту немецкого общества:

Интеллектуалов, артистов, ученых.

Теперь здесь музицировали, пели, пили и танцевали.

Никогда еще жизнь не казалась такой интересной и полной.

Сегодня перед их домом на тротуаре есть позолоченные таблички,

Их называют *Stolpersteine*² — дань памяти депортированным.

В Берлине их много, особенно в Шарлоттенбурге.

¹ *Вальтер Беньямин* (1892–1940) — немецкий философ еврейского происхождения, теоретик культуры, эстетик, литературный критик, эссеист и переводчик.

² Мемориальные таблички с именами жертв холокоста, на стенах или на тротуарах (*нем.*).

ДАВИД ФОНКИНОС

Правда, они не сразу заметны,
Нужно шагать, внимательно глядя под ноги, отыскивая их
среди плит.

На тротуаре у дома номер пятнадцать по Виландштрассе
можно прочесть три имени:

Паула, Альберт и Шарлотта.

Но на стенной табличке значится только одно —
Шарлотта Саломон.

Во время последней поездки в Берлин я ее уже не нашел:
Здание ремонтировали
И табличка Шарлотты исчезла под слоем свежей краски.
Вылизанный фасад стал похож на декорацию для киносъемки.
Застыв на тротуаре, я рассматриваю балкон,
Тот самый, на котором Шарлотта позировала для снимка с отцом.
Этот снимок был сделан примерно в 1925 году.
На нем ей лет восемь-девять. Ясный, веселый взгляд.
И в ней, как ни странно, уже проглядывает что-то женское.
На миг погружаюсь в прошлое,
Предпочитая вспоминать фотографию, а не видеть сей новодел.
Потом наконец решаюсь.
Миновав мостки и рабочих, вхожу, поднимаюсь по лестнице,
Стою на втором этаже, перед дверью квартиры Шарлотты.

Жму на звонок.

Ремонт еще не окончен, и дом пока что пустует,
Но из-под двери квартиры слабо сочится свет,
Как будто там кто-то есть.
Да, явно там кто-то есть,
Однако не слышно ни звука.
Я знаю, что эта квартира просторна.
Звоню еще раз.
Безрезультатно.
В ожидании читаю надписи над звонком.

Похоже, квартиру Шарлотты давно переделали в офис,
Офис фирмы, которая называется *Dasdomainhaus.com*. —
Компания по разработке интернет-сайтов.

Наконец слышу звуки
Приближающихся шагов.
Дверь боязливо приоткрывают,
Выглядывает встревоженная женщина.
Что вам угодно?
Рядом со мной Кристиан Колб, переводчик моих книг
на немецкий.

Он мнется, не решаясь заговорить,
Ну словно язык проглотил.
Я прошу его объяснить цель нашего визита:
Французский писатель... Шарлотта Саломон...
Она захлопывает дверь у нас перед носом.
Стою, буквально остолбенев,
Всего в нескольких метрах от спальни Шарлотты.
Обидно до слез, но не стоит идти напролом.
Мне некуда торопиться.

8

Беседы и споры гостей обогащали Шарлотту,
Она начала читать и читала много и жадно,
Буквально глотая Гёте, Гессе, Ремарка, Дёблина, Ницше.
Пауле казалось, что падчерица слишком замкнута.
Почему она не приглашает друзей?

А Шарлотта стремилась всецело владеть Паулой,
Ходила за ней по пятам на вечерах и приемах,
Злилась, когда с ее мачехой долго болтали другие.
И в день именин Паулы решила ее поразить:

Обегала все магазины, ища самый роскошный подарок,
И наконец отыскала очень красивую пудреницу,
Потратив на нее все карманные деньги.
Шарлотта ужасно гордилась такой удачной находкой:
Теперь, наверно, Паула полюбит ее еще больше.

В день торжества Шарлотта измучилась от нетерпения.
Наконец Паула открыла коробку с ее подарком.
Да, он ей очень понравился,
Но то был один из подарков, в числе многих других,
И Паула благодарила всех одинаково вежливо.
Шарлотта была убита,
Ее душило отчаяние,
Переходящее в бешенство.
Схватив злосчастную пудреницу,
Она с силой бросила ее об пол, прямо перед гостями.
Воцарилась мертвая тишина.
Альберт взглянул на Паулу, ожидая ее реакции.
В глазах певицы сквозил холодный гнев.
Она увела Шарлотту к ней в комнату со словами:
Мы объяснимся завтра.
Я все испортила! — думала девочка.

Они встретились утром на кухне.
Шарлотта пролепетала невнятные извинения,
Пытаясь объяснить свои чувства.
Паула ее утешила, потрепав по щеке,
Довольная тем, что девочка облекла свой проступок в слова.
Паула помнила, какой веселой прежде была Шарлотта,
И не могла понять, что мучит ее теперь.
Альберт объяснил реакцию дочери только банальной ревностью,
Ревностью — и больше ничем.
Ему непонятна вся глубина ее душевных терзаний.
Этот великий врач, увлеченный своей грандиозной миссией,
Сделал много важнейших открытий в области исцеления ран,
И приступы ярости дочери не слишком его занимали.

А Паулу это беспокоило.
 Она сочла, что нужно все рассказать Шарлотте,
 Рассказать всю правду.
 Какую правду? — не понял Альберт.
 Всю правду... о ее матери.
 Нельзя строить жизнь на таком обмане.
 Если она узнает, что все ей лгали, это будет ужасно.
 Нет, мы должны молчать, возразил ей Альберт.
 И добавил: ее дед и бабушка твердо это решили.
 Они не хотят, чтоб она знала правду.

И внезапно Пауле все стало ясно:
 Шарлотта довольно часто ночевала у стариков
 И они непрестанно ее угнетали,
 Упорно напоминая внучке, что лишились своих дочерей.
 Теперь у них есть только Лотхен, стенали они.
 Оттуда Шарлотта всегда возвращалась мрачной.
 Бабушка, разумеется, любила ее безгранично,
 Но в этой любви таилась зловещая черная сила.
 Разве такая женщина может воспитывать внучку,
 Когда ее дочери — обе! — решились на самоубийство?!

9

Итак, Пауле пришлось скрывать от Шарлотты правду,
 Раз уж так пожелали ее родные.
 Но все же она послала бабушке безжалостное письмо:
 Вы убийца своих дочерей.
 Но Шарлотту я вам не отдам.
 Я ее уберегу...

Сраженная наповал, старуха замкнулась в себе.
 Прошлое, как она ни старалась забыть, вновь нахлынуло на нее,
 И она с головой ушла в пучину семейных трагедий.

Во-первых, это, конечно, смерть дочерей,
Но их гибель была лишь финалом череды самоубийств.
Ее брат тоже бросился в воду, из-за неудачного брака.
Кандидат наук. Ему было всего двадцать восемь.
Гроб с покойником выставили в гостиной,
И долгие дни семья спала в одном доме с трупом.
Родные никак не хотели с ним расставаться, —
Квартира должна была стать для него могилой.
Лишь смрад разложения положил конец этой «выставке».
Мать упорно не позволяла вынести сына из дому.
Она соглашалась принять его смерть, но не отсутствие —
Отсутствие тела —
И впала в безумие.
Пришлось нанимать к ней сиделок, дневных и ночных,
Чтоб уберечь несчастную от нее же самой —
Как позже случилось с Франциской
Сразу после первой попытки самоубийства.
История повторялась,
Вновь и вновь повторялась в роковом хороводе смертей.

Бабушка вспоминала те скорбные годы,
Когда приходилось днем и ночью неусыпно следить за матерью.
Иногда она с ней беседовала, стараясь ее утешить,
И это как будто смягчало страдания бедной женщины,
Но безумица вновь и вновь заводила речи о сыне,
Утверждала, что он моряк
И поэтому дома бывает нечасто.
А потом, неожиданно, осознавала действительность,
Жестокою, мучительную, словно ожог,
И тогда кричала, кричала часами.
Восемь лет этой пытки безумием наконец привели ее к смерти,
И родные сочли, что могут спокойно вздохнуть.

Но для бабки Шарлотты на этом несчастья не кончились:
Едва схоронили мать, как убила себя сестра
По неизвестной, необъяснимой причине.

В восемнадцать лет она среди ночи вышла из дому
И бросилась в ледяную реку —
Точь в точь как годы спустя случилось с первой Шарлоттой.
То есть в этой семье история шла по кругу,
Повторяясь снова и снова, в роковом хороводе смертей.

Бабушку потрясла ужасная смерть сестры.
Такого она не предвидела, да и никто не предвидел.
Она начала искать спасительное решение,
И наилучшим выходом стал для нее брак.
Она вышла замуж, стала членом семейства Грюнвальд
И родила, одну за другой, двух дочерей.

Пролетело несколько лет — как ни странно, счастливых.
Но зловещая черная сила внезапно проснулась опять:
Покончила с собой единственная дочь ее брата,
Затем и ее отец, а следом — его сестра.
Значит, спасения нет; значит, все безнадежно.
Гибельная наследственность оказалась всесильной.
Корни семейного дерева изначально подточены злом.

И все же она не считала своих дочерей обреченными.
Ничто не сулило беды во времена их веселого детства.
Они бегали и резвились,
Прыгали, танцевали, смеялись.
Можно ли было подумать...
Шарлотта, за ней Франциска.

Запершись в своей спальне, бабушка продолжала оплакивать
мертвых,
Держа на коленях письмо от Паулы.
Залитые слезами буквы темнели, потом расплывались.
Что, если Паула права?
Это женщина с чистой душой, она и поет как ангел.
Да, Паула сказала правду:
Все, кто жил рядом со мной, уходили в могилу до срока.

ДАВИД ФОНКИНОС

Может быть, я виновата в их смерти?
Значит, придется над этим подумать,
Попробовать уберечь Шарлотту.
Нужно пореже с ней видеться... да, так оно лучше.
Внучка больше не будет у них ночевать,
Это самое главное.
Шарлотта должна жить.
Только... возможно ли это?

Часть третья

1

Шарлотте уже исполнилось шестнадцать лет.
Серьезная, вдумчивая девушка блестяще училась в школе,
Но временами казалось, что она не от мира сего.
Паула считала упрямство главным ее недостатком.
Они с Шарлоттой теперь не очень-то ладили.
Альберт, как всегда, был увлечен медицинскими изысканиями,
И женщины долгие дни проводили наедине
В размолвках, взаимных попреках, что, в общем,
вполне объяснимо.

Шарлотту все чаще одолевали противоречивые чувства:
Она обожала Паулу и... не выносила ее.

Однако не уставала слушать ее пение.
Ходила на все концерты певицы, когда та выступала в Берлине,
С тем же трепетом, что и впервые.
Паула — звезда, величайшая дива среди всех современных.
И на ее выступления собирались толпы людей.
Недавно она записала блестящую версию своей «Кармен».
На одном из концертов Шарлотта сидела в первом ряду.
Паула долго держала финальную ноту,
Последнюю в этом концерте.
Слушатели затаили дыхание.
Звук мягко стихал, переходя в тишину,
А дальше триумф, овация, нет, больше — апофеоз ее славы.
Со всех сторон неслись громкие крики «браво!».
Шарлотта глядела на сцену, усыпанную цветами.

Скоро эти букеты украсят гостиную в их квартире,
Море красных цветов.
И вдруг в это красное море вторгается диссонанс.

Вначале Шарлотта не поняла, что случилось.
Может быть, это своеобразная демонстрация восхищения?
Резкие, грубые выкрики, громкий, пронзительный свист.
Нет, непохоже.
Эти звуки неслись откуда-то сверху,
И непонятно, откуда именно, —
В зале еще стоял полумрак.
Хриплые крики все громче и громче,
Теперь они заглушили овацию.
Пауле все уже ясно, она ушла за кулисы,
Не желая этого слышать,
К чему слушать вопли ненависти?!

Мужчины выкрикивали угрозы и оскорбления,
Веля Пауле убраться отсюда —
Здесь она публике не нужна!
Шарлотта, дрожа, пробралась в гримерку,
Боясь увидеть Паулу раздавленной,
Но нет, певица стоит перед зеркалом
И выглядит сильной, почти бесстрашной,
И это она утешает Шарлотту:
Ничего не поделаешь, с этим нужно свыкаться...
Но ее голос звучал неискренне,
А спокойствие плохо скрывало тревогу.

Они вернулись домой, где их ждал Альберт.
Его ужаснул рассказ о случившемся.
Эта сцена внушила ему физическое отвращение.
Ситуация и впрямь становилась невыносимой;
Кое-кто из друзей собрался покинуть Германию.
Значит, их тоже к этому вынуждают.
Конечно, Паула могла бы петь и в Америке,
Да и Альберт наверняка мог бы найти там работу.

Нет! — сказал он, как отрезал. Это даже не обсуждается.
 Наша родина здесь —
 Здесь, в Германии.
 Нужно быть оптимистом¹ и верить, что ненависть недолговечна.

2

Но в январе тридцать третьего года к власти пришла ненависть.

Паулу лишили права выступать перед публикой.
 Альберту также грозила профессиональная смерть:
 За медицинскую помощь врачам-евреям уже перестали платить.
 У него отобрали лицензию на преподавание,
 А ведь он совершил столько важнейших открытий.
 Репрессии ширились, всюду сжигали книги.
 По вечерам у Саломонов сходились люди —
 Артисты, интеллектуалы, врачи.
 Кто-то из них по-прежнему верил в скорый конец этого шабаша:
 Мол, это всего лишь фатальные следствия кризиса.
 Если страна попадает в беду, начинают искать виноватых.
 Шарлотта слушала эти споры втоптаных в грязь людей.

Курт Зингер тоже сюда приходил.
 Его сместили с поста дирижера Берлинской оперы.
 Мужество и обаяние выдвинули его на передний край.
 Он пытался наладить хоть какие-то связи с нацистами,
 Выступая в защиту изгнанных ими артистов.
 Предложил создать культурную ассоциацию немецких евреев.
 Партийный босс, принявший его, медлил с ответом.
 Он должен бы отказать, но Зингер вызвал его восхищение.
 Разговор прерывался долгими паузами,
 Тишиной, где возможен любой исход —

¹ Американский кинорежиссер австрийского происхождения Билли Уайлдер говорил: «Пессимисты кончили в Голливуде, оптимисты — в Освенциме». (Примеч. авт.)

Окончательный приговор артистам или их новая жизнь.
Всемогущий нацист был властен все запретить,
Но пока он молчал,
Сверля просителя пронизательным взглядом.
Зингер крепился, стараясь не выдать страха, —
Ведь сейчас на кону стояло будущее евреев.

После долгих раздумий нацист взял у Курта петицию
И выдал ему разрешение создать еврейскую ассоциацию.
Курт Зингер рассыпался в благодарностях:
Спасибо, большое спасибо вам, господин...
Артистический мир восторженно славил героя.
В честь этой победы был устроен торжественный вечер.
Как радостно сознавать, что гибель искусства отсрочена!
Актеры, певцы, танцовщики, профессора —
все облегченно вздохнули
Остаться на сцене, творить для них означало — жить.
Пауле теперь не придется молчать,
Ей разрешили устраивать сольные концерты,
Правда только в еврейском театре и для еврейской публики,
В культурном подобии гетто.
Ассоциация просуществует несколько лет,
Хотя ее будут душить запреты, ограничения, строгий надзор.

А в тридцать восьмом году Зингер уехал к сестре в США.
Именно в это время и разразилась *Хрустальная ночь*.
Магазины евреев были разграблены, убиты десятки людей.
Сестра умоляла Курта остаться и жить в Америке —
Это его единственный, невероятный шанс.
Так он спасется от смерти, почти неизбежной.
Вдобавок ему обещали должность в тамошнем университете.
Но нет,
Он обязан вернуться на родину
И спасти все, что может быть спасено, — так он сказал.

Курт вернулся в Европу через Роттердам.
Друзья его уговаривали задержаться хоть здесь,

Ведь культурную ассоциацию все равно уже распустили.
 Возвращаться в Германию тридцать восьмого — верная гибель.
 И Курт, уступив, остался в Голландии.
 Снова начал бороться с помощью музыки и искусства,
 Повсюду давал концерты,
 Но тиски неумолимо сжимались.
 Сколько раз он мог бы бежать и спастись,
 Однако хотел быть рядом с друзьями,
 Служить иллюзорной защитой им всем, таким беззащитным.
 Мужество Курта не знало границ.

На фото он выглядит могучим атлетом с пышной шевелюрой.
 В сорок втором году его отправили в лагерь Терезин,
 Там держали артистов, деятелей культуры и прочих интеллигентов.
 Терезин считался образцовым лагерем,
 Витриной для делегаций из Красного Креста,
 Для посетителей, слепых к тому, что спрятано за витриной.
 Для них там ставили спектакли в знак полного благополучия,
 А Зингер — тот мог даже играть.
 Подняв дирижерскую палочку, он управлял оркестром,
 То есть выжившими музыкантами,
 Которые в эти недели умолкали один за другим
 И умирали, без церемоний.
 У Зингера никого не осталось, кроме двух доходяг-скрипачей,
 Но он до конца продолжал поддерживать умирающих.
 Никто не верил в спасение, кроме него самого.
 И вот наступил тот день, когда он погиб от истощения.
 Смерть настигла его в январе сорок четвертого года.
 Он пал непобежденным.

3

Но пока на дворе еще был тридцать третий.

Шарлотте уже не верилось, что ненависть может утихнуть:
 И дело не в бесноватых вождях, а в целой германской нации, —

Страна подчинилась своре безжалостных палачей.
В апреле они объявили бойкот еврейских товаров,
А потом Шарлотта увидела, как громят еврейские лавки.
Толпы погромщиков злобно скандировали:
Все, кто покупает у грязных евреев, — свиньи!
Трудно представить ужас Шарлотты.

Теперь то и дело вводились новые унижительные законы.
У школьников требовали свидетельства о рождении
Не только отца и матери, но также и их родителей.
Некоторые дети вдруг узнали о своих еврейских корнях,
И от них стали шарахаться, точно от зачумленных:
Это дурная кровь!
Матери запрещали дочкам дружить с одноклассницами-еврейками:
А вдруг еврейство заразно?!
Однако были и несогласные.
Для борьбы с нацистами нужно сплотиться, объявляли они,
Но такое опасно было произносить во весь голос,
Поэтому говорили все тише и тише,
А затем и вовсе умолкли.

Альберт как мог успокаивал дочь,
Но разве слова способны умерить ненависть окружающих?
И Шарлотта совсем замкнулась в себе,
Читала по-прежнему много, а мечтала все реже и реже.
Именно в этот период в ее жизнь вошло рисование.
Страсть к Возрождению ей помогла забыть о своей эпохе.

4

Летом бабушка с дедом отправлялись обычно в поездки.
В этом году они собрались в долгий культурный вояж по Италии
И хотели бы взять с собой внучку.
Несмотря на былые тревоги, Альберт и Паула дали согласие:

Девушка будет счастливей вдали от нависшей над ними угрозы.

Для Шарлотты же эта поездка станет важным этапом.
 Ее старики помешаны на древних цивилизациях,
 На всем, что напоминает античные руины.
 Особенную страсть они питают к мумиям
 И, разумеется, к живописи.
 В Италии Шарлотта расширила свой кругозор,
 Перед нею открылись новые горизонты.
 От некоторых картин она приходит в экстаз,
 Ее сердце колотится, как у влюбленной.
 Лето тридцать третьего года — духовное рождение девушки.

В становлении творческой личности есть ключевой момент,
 Миг, когда начинает звучать собственный голос художника,
 И в нем расплывается стусок эмоций,
 словно кровь в прозрачной воде.

Во время поездки Шарлотта расспрашивала о матери.
 Ощущение ее близости растаяло в дымке прошлого,
 Свелось к обманчивым чувствам, к поблекшим воспоминаниям.
 Девушке грустно думать, что мамин голос и запах почти забылись.
 Бабушка избегала этой слишком больной темы,
 Шарлотта наконец поняла, что лучше не задавать вопросов,
 И загробная жизнь Франциски продолжилась в тишине умолчаний.
 Обстоятельства ее смерти — пока еще тайна для дочери.

А дедушка тешился видом античных шедевров,
 Кои внушали ему неоправданный оптимизм:
 Европа не свергнет себя в новую страшную бойню! —
 Так возглашал он, стоя среди развалин.
 Величие древних цивилизаций ему придавало уверенности.
 Теории он подкреплял беспорядочной жестикуляцией.
 Бабушка преданной тенью ходила за ним по пятам.
 Вид этой нелепой четы вызывал у внучки улыбку:
 До чего ж они оба стары!

Дед шеголяет длинной белой, как у апостолов, бородой,
И ходит он, опираясь на трость, хотя вполне еще крепок.
А бабушка все худеет, вконец отошала.
Как она держится на ногах, ведомо лишь ей одной.

Старики неустанно прочесывали галереи.
Шарлотта совсем обессилела от этой упорной ходьбы,
Но тщетно молила их сделать короткий привал:
Они вознамерились всё рассмотреть в каждом зале.
Шарлотта считала, что эта неутолимая жажда бессмысленна;
Разве не лучше плениться одним, но прекрасным шедевром
И на нем — лишь на нем — сосредоточить вниманье?
Разве не лучше понять совершенство отдельной картины,
Чем вертеть головой направо-налево, так что рябит в глазах?
Ей хотелось остановиться, подумать
И перестать разыскивать то, чего все равно не найдешь.

5

Как тяжело возвращаться в Германию!
После этого лета в мире чудес атмосфера насилия их ужаснула.
Но это реальность, и нужно смотреть ей в лицо.
Старики решили покинуть страну.
Они понимали, что больше сюда не вернуться,
Что их добровольная ссылка станет бессрочной.

Когда-то в Испании они завязали знакомство с Оттилией Мур,
Американкой немецкого происхождения.
Недавно она овдовела, ей досталось большое наследство,
В том числе и усадьба немалых размеров неподалеку от Ниццы.
Там получали приют все, кто бежал от репрессий, особенно дети.
Приезжая в Берлин, Оттилия видела, что там творится,
И предложила чете Грюнвальд поселиться в ее имении,
На неограниченный срок, подчеркнула она.

Оттилия очень ценила их юмор, их эрудицию.
 В ее доме они избегнут неминуемой катастрофы.
 После долгих раздумий они согласились.
 Усадьба в Вильфранш-сюр-Мер и вправду райское место,
 Великолепный сад, экзотические растения,
 Кипарисы, пальмы и оливы.
 Оттилия жизнерадостна и улыбчива,
 Правда несколько экспансивна.

А Шарлотта осталась в Берлине с мачехой и отцом.
 Вернулась в школу, где терпела непрерывные унижения,
 А потом появился новый закон, запретивший евреям учиться,
 И за год до окончания школы ее вынудили уйти.
 И она ушла, забрав свой дневник с пометкой:
Поведение — безупречное.

Теперь Шарлотта с Паулой жили практически взаперти,
 Не очень-то дружно, больше не понимая друг друга.
 Девушка вымещала на мачехе горечь отверженности:
 Ведь Паула единственная, на кого можно было кричать.

Но порой между ними царило согласие.
 Они говорили о будущем.
 Шарлотта буквально бредила рисованием,
мечтала стать художницей.
 Иногда прохаживалась перед зданием Академии,
 Глядя на студентов с папками для рисунков.
 Но потом поднимала голову:
 Над зданием развевался огромный нацистский флаг.

Отец убеждал Шарлотту, что ей не попасть в Академию:
 Еврейская квота ничтожна, из сотни зачислят дай бог одного.
 Он советовал ей записаться в Школу дизайна —
 Там пока еще терпят семитов.
 Как-никак дизайн — это тоже искусство.
 Она станет художником по костюмам.

И Шарлотта нехотя согласилась.

Все равно невозможно сейчас планировать жизнь.

В Школе дизайна Шарлотта училась ровно один день.

Разочарованная, она поняла, что с этим ей не по пути:

Ее призвание — живопись.

И верно, первые же ее картины говорят о ярком таланте.

Альберт решил оплачивать дочери частные занятия.

Он был убежден, что главное в жизни — хорошее образование.

Это залог удачного будущего.

6

Но занятия оказались нудными и бесполезными.

Ее наставница уверяла, что живопись умерла в семнадцатом веке.

Эта женщина, в своем вечном блеклом костюме,

В очках с толстенными линзами, напоминала унылую жабу.

Шарлотта силилась скрупулезно выполнять ее указания —

Ведь отец пожертвовал очень многим, чтобы платить за уроки.

Но до чего же ей было скучно на этих занятиях!

Однажды «жаба» велела Шарлотте нарисовать кактус

И раз за разом бесстрастно стирала ее рисунок:

Число колючек, видите ли, отражено неточно!

Но ведь это не живопись, а фотография.

Шарлотта целыми днями трудилась над натюрмортами,

Анализируя это понятие мертвой натуры¹,

Мертвой, как я сама, думала девушка.

Шарлотте трудно выразить все, что она ощущает,

Однако ее мастерство прогрессирует с каждой картиной.

¹ «Nature morte» буквально переводится с французского как «мертвая натура (природа)».

Она выбрала путь между старым академизмом и современностью, Безмерно восхищена Ван Гогом, открыла для себя Шагала, Боготворит Эмиля Нольде, прочитав его знаменитую фразу: Я люблю те картины, которые словно сами себя написали. А ведь есть еще Мунк, и Кокошка, и Бекман. Живопись захватила Шарлотту, она забыла обо всем остальном. Чего бы это ни стоило, ей нужно поступить в Академию. И Шарлотта готовилась к конкурсу так одержимо, Словно демон в нее вселился. Альберт и Паула тревожились: ее страсть приняла опасную форму, Но Шарлотта, которая прежде считала себя неудачницей, Напротив, вернулась к жизни. Нашла наконец свой истинный путь.

Она привезла свои работы в Академию живописи. Ее стиль заинтриговал профессора Людвига Бартнинга. Он разглядел в юной художнице огромный потенциал И решил добиться того, чтобы ее зачислили. Но в Академию почти не берут евреев. Единственный довод в пользу Шарлотты: ее отец — ветеран войны. Даже в общем кошмаре бывают отдельные послабления. Словом, есть еще крошечный шанс. Значит, нужно представить картины приемной комиссии. Людвиг решил познакомиться лично с юной абитуриенткой. Этот доброжелательный человек боролся
против расистских законов,

И Шарлотта стала его протеже.
 Наверно, он чуял в ней что-то, чем сам был обделен.
 Всю жизнь Бартнинг писал цветы,
 Весьма изысканные цветы,
 Дышавшие благонаравием.

Члены приемной комиссии стояли перед тяжелой дилеммой:
 Талант Шарлотты сам по себе не вызывал сомнений,
 Но принять ее в Академию — это же просто невысказано:
 Для них это слишком рискованно.
 Да какой же тут риск? — возмущался Бартнинг.

Она может растлить наших юных арийских студентов.
Раз еврейка, значит развратная обольстительница.
Бартнинг в ответ сообщил, что лично знаком с Шарлоттой
И гарантирует: она ничем не опасна для их студентов.
Он упорно твердил, что она даже слишком скромна,
Что за угрозой, якобы исходящей от этой девушки,
Комиссия не разглядела ее таланта.
Настойчивость Бартнинга все ж увенчалась победой —
Уникальный случай по нынешним временам!
Шарлотта Саломон, изгнанная отовсюду, принята.
Она будет студенткой Школы изящных искусств.

7

Девушка окунулась в работу с безудержной страстью.
Профессора одобряли ее усердие, ее творческий дар,
Но временами корили за молчаливость.
Интересно узнать, чего от нее хотят?
Ее ведь просили держаться в сторонке, избегать
разговоров с другими.
И все-таки у нее появилась подруга —
Бáрбара, белокурая и хорошенькая, притом чистокровная немка.
До чего ж я красива, хайль Гитлер! — восклицала весело Барбара.
По вечерам они часто вдвоем возвращались с занятий,
И Шарлотта выслушивала откровения новой подруги.
Та рассказывала о своем возлюбленном.
Жизнь казалась ей просто чудесной.
Ах, если б Шарлотта могла хоть недолго пожить, как подруга!

В Академии творческая свобода постепенно сходила на нет.
Власть связывала преподавателей все более строгими правилами.
Нацисты решили обуздать слишком вольные кисти.
То и дело полиция нагло вторгалась в классы
И рыскала по всем углам, вынюхивая запах упадка.

Пора искоренить пресловутое «современное искусство»!
 Как смеют эти мазилы не писать белокурых крестьян!
 Как смеют не восхвалять арийских атлетов, их силу и доблесть!
 Долой небывалых уродов — скорченных призраков Бекмана,
 Мерзкого пачкуна, вождя упадочной живописи!

Немецкий гений Макс Бекман решил покинуть страну
в тридцать седьмом,
 Сразу же после речи Гитлера, произнесенной в Мюнхене
 По случаю открытия Дворца немецкого искусства:
 До того как пришел к власти национал-социализм...
 В Германии царило так называемое современное искусство...
 Что ни год появлялся новый «шедевр» этого современного
искусства!

А нам — нам нужно немецкое искусство
с его бессмертными ценностями!
 Искусство как символ не временной моды, не стиля эпохи,
 Но символ и образ германской нации!
 А что создаете вы?
 Уродов, кретинов, калек,
 Женщин, внушающих лишь омерзение,
 Мужчин, подобных скотам, а не людям,
 Детей, которых — будь они таковыми в жизни —
 Сочли бы проклятием Божьим!

Итак, приговор прозвучал,
 И «упадочное» искусство стало центром широкой ретроспективы.
 Нужно продемонстрировать людям, что именно запрещено любить,
 Нужно воспитывать зрителей, формировать у них правильный вкус,
 И, главное, нужно навек заклеить виновных в этом упадке.
 «Почетное» место отвели Шагалу, Эрнсту и Отто Диксу.
 Толпы зрителей измывались над этой «еврейской мазней».
 После сожженных книг — заплеванные картины.
 Среди шедевров развесили и детские каракули,
 И картины, написанные душевнобольными.
 Так власти обставили казнь современного искусства.

8

Шарлотта встала на сторону художников-отщепенцев.
Ей были интересны новые теории, новые тенденции в живописи.
Она читала книги историка искусств Аби Варбурга.
Когда я об этом услышал, мне сразу все стало ясно.

До того как узнать о Шарлотте, я и сам увлекался Варбургом.
В девяносто восьмом году я прочел в «Либерасьон» статью
Под заголовком «Варбург, операция по спасению...».
Журналист Робер Мажори писал о *таинственной библиотеке*.
Меня привлекло это слово — библиотека.
Оно всегда меня волновало, я с детства такую искал.
Откуда взялось это давнее наваждение —
Не из прошлой ли жизни?

Что-то в имени Аби Варбурга мне не давало покоя.
И тогда я прочел все, что мог, об этом оригинале:
Богатый наследник, старший в семье, он отдал свое состояние
братьям

С условием: покупать все книги, которые он попросит.
Так Аби Варбургу удалось создать потрясающий книжный фонд
И разработать свою теорию расстановки книг,
В частности принцип *добрососедства*:
Книгу, которую вы искали, не обязательно нужно читать.
Лучше взглянуть на ту, что стоит с нею рядом.

Часами ходил он в экстазе, счастливый, меж книжными полками.
На грани безумия, он говорил даже с бабочками.
Впрочем, его не раз помещали в лечебницы,
И тогда он взывал к врачам,
Пытаясь им доказать, что совершенно здоров:
Если я это вам докажу, отпустите меня на волю!
Он умер в двадцать девятом году, но дело его не пропало,
Его продолжили ученики, и в частности Эрнст Кассирер¹.

¹ Эрнст Кассирер (1874–1945) — немецкий философ и культуролог, представитель Марбургской школы неокантианства.

Предчувствуя катастрофу, они спасли эту библиотеку,
 Переправив ее, в тридцать третьем году, из Германии в Лондон.
 Даже книги и те спасались от злобы нацистов.
 Она там находится и поныне, на Уобёрн-сквер.
 Я часто ее посещал.

В июле 2004-го я получил стипендию для литературной поездки.
 Такие поездки называются *Миссией Стендаля*.
 Мне хотелось увидеть Гамбург, побывать в родном доме Варбурга
 И написать о нем книгу.
 Но сперва я решил сопоставить сумбур моих мыслей с реальностью,
 Ибо я непрестанно думал о нем,
 О его личности и эпохе, об истории ссыльной библиотеки.
 Я поехал, твердо надеясь, что меня посетит озарение.
 Увы, ничего такого.
 На что же я уповал, в самом деле?
 Я ведь даже не знал, что намерен искать.

Все больше и больше меня привлекала Германия.
 Я был зачарован ее языком,
 Слушал *lieder* на дисках Кэтлин Ферриер¹.
 Герои многих моих романов говорят по-немецки,
 А некоторые героини преподают этот язык, переводят с него.
 Я плыл по волнам этой зыбкой, зовущей туда интуиции.
 В Германии жили все любимые мною художники,
 Не говоря уже о дизайнерах.
 Я никогда не испытывал особого интереса к мебели,
 А тут буквально влюбился в столы стиля Bauhaus.
 Я ходил в магазин «Conran Shop» лишь затем,
 чтоб на них посмотреть,
 Выдвигал ящики, примеряя к себе, как другие меряют обувь.
 В Берлине я начал любить Берлин.
 Часами сидел в кафе на Савиньиπλαц,
 Листал альбомы живописи в магазинах того же квартала.

¹ *Кэтлин Ферриер* (1912–1953) — выдающаяся английская певица (контральто).

Мне сказали: твое увлечение нынче в моде.
Это правда: все обожали Берлин.
Все, кто меня окружал, хотели бы жить в Берлине.
Но я вовсе не чувствовал себя «модным», —
Скорее уж старым и устаревшим.

А потом однажды, по чистой случайности,
Я открыл для себя картины Шарлотты,
Знать не зная, что мне предстоит увидеть.
Как-то раз я обедал с приятельницей, музейным работником,
И она мне сказала: ты должен прийти к нам на выставку.
Вот и все, что она мне тогда сказала,
Хотя, может быть, и добавила: наверно, тебе понравится,
Но в последнем я не уверен.
Ничто не предвещало дальнейшего.
Она привела меня в зал музея,
И тут это произошло.

Я понял: вот то, что я долго искал,
Вот неожиданный предмет моих смутных пристрастий.
Беспорядочный поиск привел меня в нужное место.
С той минуты, как я открыл «Жизнь? Или Театр?»,
Мне стало понятно: здесь сошлось все, что я так любил
И что волновало меня все эти долгие годы, —
Варбург и живопись,
Немецкая литература,
Музыка и фантазия,
Отчаянье и безумие.
Все было здесь, в этой книге,
В этом взрыве насыщенных красок.

Ощущение близости с чем-то неведомым
И странное чувство, что ты здесь когда-то бывал.
Все это жило на картинах Шарлотты,
И все, что я видел, я словно давно уже знал.

Подруга, стоявшая рядом, спросила:
 Ну как, тебе нравится?
 Я даже не смог ей ответить,
 Волненье сдавило мне горло.
 Наверное, ей показалось, что мне это неинтересно,
 Тогда как...
 Не знаю...
 Я просто бессилён был выразить то, что меня потрясло.

Недавно мне попался рассказ Джонатана Сафрана Фоера.
 Я почти не знаком с работами этого автора,
 Но питаю к нему какое-то глупое расположение:
 Еще бы, ведь мы с ним соседи по книжной полке.
 Каждый находит друзей где может.
 Это другой вариант теории добрососедства.
 Он пишет, как был потрясен, открыв для себя Шарлотту.
 Это случилось в одном амстердамском музее,
 Он тоже увидел ее совершенно случайно.
 В тот день ему предстояла важнейшая встреча,
 Но, стоя перед картинами, он начисто все забыл.
 Я и сам покинул музей в шоковом состоянии.
 Все окружающее вдруг потеряло значение.
 Это крайне редкое чувство — быть всецело плененным,
 Ощутить себя оккупированной страной.
 И с течением дней это чувство не угасало.

Годы шли, я пробовал делать записи,
 Неотрывно исследовал творчество этой художницы,
 Цитировал, упоминал Шарлотту во многих своих романах,
 Пытался начать эту книгу бесчисленное множество раз.
 Но как это осуществить?
 И должен ли я в ней присутствовать?
 И нужно ли делать из этой жизни роман?
 В какую же форму облечь мне мое наваждение?
 И я начинал, примеривался так и эдак и сразу бросал,
 Не в силах сложить хотя бы две фразы подряд.

ДАВИД ФОНКИНОС

Я чувствовал, что застреваю на каждом последнем слове
И уже не могу продолжать,
Ощущая буквально физически странное чувство удушья.
Мне был нужен размеренный ритм, чтоб свободно дышалось.

И однажды я понял, *как* нужно об этом писать.

Часть четвертая

1

Скоро в жизни Шарлотты произошло значительное событие,
И событие это — мужчина.

Альфред Вольфзон.

Невозможно сказать, был он красив или невзрачен:
Такая внешность, как у него, — это вопрос без ответа.
Неоспоримо одно: Альфред притягивал все взгляды.
Ему стоило появиться, как смотрели лишь на него.

А сейчас попытаюсь его описать в процессе ходьбы,
Когда, взмокнув от пота, он идет пешком через весь Берлин.
У него на руках заболевшая мать и сестра-инвалид,
А денег на жизнь взять нигде.

Он не имеет права работать преподавателем пения,
И ему осталось только одно — обратиться в *Kulturbund* —
Ассоциацию взаимопомощи, детище Курта Зингера.
Вот единственный человек, способный ему помочь.

Как всегда опоздав, он ворвался к Зингеру в кабинет,
Бормоча невнятные извинения,
Возбужденно размахивая руками.
Исхудавшее тело болталось в слишком широком пальто.
Несмотря на комичный вид посетителя, Зингер не улыбнулся:
Альфред — незаурядная личность.
Он странен, непредсказуем, но одарен многогранным талантом,
Стал создателем новых теорий в области техники пения.
Голос нужно уметь извлекать из глубин своего существа.
Почему, например, младенцы способны кричать часами,

И при этом их связки ничуть не страдают?
Необходимо определить источник этого свойства,
Безбоязненно погрузившись в то, что заложено в человеке.
Возможно, что все это связано также со смертью.

Альфред вызывал сочувствие, все стремились ему помочь.
Вот и Курт, поразмыслив, придумал решение:
От великой певицы Паулы Саломон ушел педагог по вокалу.
Он работал с ней долгие годы, но теперь отказался,
Поневоле прервал их занятия.
У бедняги не было выбора —
Ему пригрозили расправой, если будет работать с еврейкой.
Их последний урок стал мучительной пыткой,
Они молча расстались в дверях, навсегда.

По прошествии нескольких дней в ту же дверь позвонили.
Вероятно, пришел педагог от Зингера.
Слава богу, хоть раз он вполне пунктуален.
Паула пригласила его войти.
Не успев даже снять пальто и поздороваться,
Альфред воскликнул: какая честь!
Его комплимент был приятен Пауле,
Теперь она слышала комплименты все реже и реже,
Ей почти уже не давали выступать перед публикой,
Лишили права на аплодисменты.
Но все же над голосом нужно работать:
Она ведь вернется на сцену, конечно вернется.

Альфред устремился прямо к роялю,
Обгоняя Паулу, как будто он у себя дома.
Коснулся клавиш и лишь после этого скинул пальто.
Обернувшись к хозяйке, взглянул ей в глаза
И, помолчав, разразился взволнованным монологом:
Вы должны работать со мной, это просто необходимо!
Прежде, в самом начале карьеры, вы пели значительно лучше
Но, привыкнув к успеху, избаловались.
Взять последнюю запись: ужасно! Вы поете как автомат!

Откровенно скажу: исполнение ваше бездушно.
 Вы чертовски талантливы, но этого мало.
 Я намерен сделать из вас величайшую в мире певицу.
 Метод мой — это переворот в искусстве вокала.
 Вы это скоро увидите... то есть услышите...

Он долго еще разглагольствовал перед изумленной Паулой.
 Да что он себе позволяет?!
 Как может так дерзко и самодовольно судить?!
 Однако в его утверждениях крылась толика правды.
 Паула сама ощущала, что относится к музыке
 слишком рассудочно.

Так в чем же тут дело?
 Неужто во всем виновата политика?
 Или долгий успех притупил ее самокритичность?
 Но теперь, когда этот юнец предложил ей помочь, она растерялась.
 Никто до сих пор не бросал ей в лицо столько безжалостных истин.

Альфред между тем рисковал, притом крупно —
 Ведь он очень нуждался в работе.

Это сущее безрассудство — так обращаться с певицей.
 Паула могла б его попросту выгнать.
 Кто он такой, чтобы ее осуждать?
 А он продолжал свою речь, бегая по гостиной
 И заложив руки за спину.
 Когда же он наконец замолчит?
 Паула собралась его прервать, сказав:
 Хватит, я уже поняла,
 То есть ей бы хотелось так поступить, но это, увы, невозможно:
 Похоже, Альфред решил высказать все, что у него накопело,
 Приняв близко к сердцу миссию, которую, кстати, ему
 пока не доверили.
 И Пауле стало вдруг ясно, что возражать просто глупо.
 Каким бы нелепым ни был Альфред, он желает ей только добра,
 Стремится лишь к одному — внушить ей свои убеждения.

Она подняла было руку, желая прервать его речь,
Но тщетно: Альфред продолжал вещать.
Паула даже не все понимала в этом потоке слов.
Эта сцена напомнила ей известный курьез с Бахом.
Наконец-то Альфред заметил воздетую руку Паулы
И внезапно умолк.
Оглушенная всем услышанным, певица сказала
Почти через силу:
Приступим к занятиям завтра же утром.
Жду вас в десять часов.

2

И вот началась напряженная творческая работа.
Каждое утро Альфред и Паула сходились у рояля.
В это время Альберт был занят своими больными,
А Шарлотта писала автопортреты —
Технику автопортрета изучали сейчас в Академии.

Альфред, обаятельный, эксцентричный,
Стал истинным утешением для Паулы.
Его безбрежная эрудиция потрясала,
Их беседы длились часами.
Альфреда буквально преследовал миф об Орфее.
Кстати, он начал книгу на этот сюжет
И неотступно думал о сошествии в адскую бездну.
Возможно ль, чтоб кто-то вернулся из этого хаоса?
Дабы понять его наваждение, мы обратимся в прошлое.

Едва ему стукнуло восемнадцать, Альфреда погнали на фронт
Он хотел сбежать и исчезнуть, но назад пути уже не было:
Все мужчины в то время стали солдатами.
И он угодил в самый ад.
Узнал, что такое страх.
Стоишь в тумане, отступление запрещено,

Дезертирам грозит расстрел,
 А тучи все ниже и ниже.
 Вспученная земля пропахла смердящими трупами,
 Пейзаж напоминал сцену из Апокалипсиса.
 Альфред, как и Отто Дикс, полагал, что война — *дело рук Сатаны*¹.

В атаке poleg почти весь его полк,
 И среди изувеченных тел
 Ему чудилось, будто и сам он давно уже мертв,
 И все же в нем что-то по-прежнему билось упрямо, —
 Да, верно, это биение сердца в груди,
 А уши терзала боль —
 Взрыв повредил барабанные перепонки,
 Но несмотря на это, он смутно услышал чей-то призыв...
 Иль то были предсмертные хрипы?
 Альфред открыл глаза — значит, он еще жив? —
 И увидел рядом с собой умирающего солдата,
 Несчастный молил о помощи.
 Но в этот момент Альфред заметил фигуры вдали:
 Видно, к ним приближались французские пехотинцы,
 Наверное в поисках выживших — чтоб их прикончить.
 Альфред был не в силах помочь товарищу,
 Ничего поделывать не мог.
 Спасти его было нельзя
 И пришлось оставить на месте.
 Он все равно бы погиб.
 Сам он заполз под чей-то труп
 И затаился, едва дыша.

Сколько времени он пролежал под мертвым?
 Этого он не помнил,
 Когда германский патруль подобрал раненых немцев,
 Альфред уже был без сознания.

¹ *Отто Дикс* (1891–1969) — выдающийся немецкий художник-экспрессионист. Во время Первой мировой войны ушел добровольцем на фронт. Война с ее ужасами стала ключевым моментом его живописи.

Его отвезли в Берлин. Очнувшись, он не узнал даже мать.
И в этом беспамятстве прожил год.
Так девятнадцатый год выпал из жизни.
Он утратил дар речи, не выходил из больниц
Вместе с товарищами по несчастью
И лишь много позже решил для себя, что нужно забыть этот ад,
Главное — не оборачиваться, как обернулся Орфей.

Но вдруг в средоточии мрака возникла мелодия,
Тихо, едва различимо, —
Это к нему возвращался голос.
И понемногу Альфред начал петь.
Теперь жизнь и музыка были неразделимы.

И он бросился в пение, чтобы выжить.
Как бросаются в воду, стремясь умереть.

3

Благодаря Альфреду Паула достигла заметных успехов.
Теперь певица всецело ему доверяла,
Позволяла собою командовать, терпела все его грубости.
Он мог ее оборвать посреди исполнения,
Обвинив в нарушении темпа,
А она лишь смеялась в ответ.
Эта миссия захватила его целиком.
Как точнее описать его чувства?
Скажем так: наконец он обрел место в жизни,
Его словно что-то держало в доме Паулы,
А точнее, он влюбился в свою ученицу,
Писал ей пылкие письма, а она ему отвечала:
О мой друг, оставьте все это!
Вы влюблены не в меня, вы любите *быть со мной*.
Отчасти Паула была права:
Альфред просто был счастлив тем, что его сердце бьется.

В тот день Шарлотта вернулась из Академии раньше обычного,
 Ей хотелось увидеть знаменитого педагога.
 Учитель и ученица не слышали, как она входит.
 Паула, стоя перед Альфредом, испускала странные крики,
 А тот возбужденно дирижировал.
 Шарлотта застыла от изумления.
 Еще, еще, еще! — командовал Альфред,
 Но его голос почти заглушали истошные вопли Паулы.
 Шарлотта заткнула уши,
 Не смея показаться, объявить о своем присутствии.
 Но Паула ее заметила, и крики мгновенно стихли.
 А вот и моя Лотта!
 Входи, дорогая, входи.
 Позволь тебе представить господина Вольфзона.
 Нет, Альфреда, просто Альфреда — пусть зовет меня именно так!
 Шарлотта шагнула вперед так робко,
 Что почти не сдвинулась с места.

4

Окончив урок, Альфред заглянул к Шарлотте.
 Она рисовала за своим столом, но застыла при виде гостя.
 Тот все пристально оглядел и спросил:
 Значит, вы занимаетесь в Школе изящных искусств?
 Да.

Да — ее первое слово, обращенное к этому человеку.

Альфред устроил ей настоящий допрос:
 Каких живописцев вы любите больше всего?
 Какой ваш любимый цвет?
 Вам нравится Возрождение?
 Вы помогаете инвалидам?
 Часто ли ходите вы в кино?
 Он говорил слишком быстро, у него просто каша во рту.
 Растерянная Шарлотта отвечала ему невпопад.

На вопрос: вы видели «Метрополис»? — пролепетала:
Сиреневый.

Паула тоже вошла к ней в комнату:

Альфред, дорогой мой, оставьте малышку в покое.

Я люблю ее как родную, не мучайте же ее!

Но он меня вовсе не мучает, вдруг возразила Шарлотта.

Странное дело: она никогда так бурно не реагировала,

Как правило, долго молчала,

Перед тем как облечь свои мысли в слова.

Паула крайне удивлена:

Может быть, это ревность?

Нет, Паула не любит Альфреда,

Напротив, это прекрасно, что он проявил интерес к Шарлотте, —

Девочка видит так мало людей,

Замкнулась в своем рисовании, держится как монашка.

И Паула вышла из комнаты, оставив их наедине.

Альфред изучал рисунки Шарлотты,

А она ощутила, как в нее заползает страх

И что-то дрожит внутри.

Ваш талант выше среднего! — сказал он ей.

Такой комплимент не очень-то лестно звучал,

Но Шарлотта его расценила как высшую похвалу:

Альфред сидит в ее комнате, он проявил к ней внимание!

И вдруг его взгляд привлек один из ее рисунков:

Это что вы здесь изобразили?

Меня вдохновила одна поэма... Маттиас Клаудиус²

Или, скорее, музыка Шуберта к «Смерти и Девушке»³, —

Это моя иллюстрация.

¹ «Метрополис» — немой фильм немецкого режиссера Фрица Ланга, широкомасштабная антиутопия (1927).

² Маттиас Клаудиус (1740—1815) — немецкий поэт и публицист, близкий к литературному движению «Буря и натиск».

³ Франц Петер Шуберт (1797—1828) — выдающийся австрийский композитор, один из основоположников романтизма в музыке. На слова Клаудиуса Шуберт написал песню «Смерть и Девушка» («Der Tod und das Mädchen»), которую включил в одноименный струнный квартет.

Похоже, Альфред взволнован.
 Подумав, сказал ей твердо:
 Смерть и девушка — это мы с вами¹.

Шарлотта вполголоса произнесла мольбу обреченной Девушки:

*Уходи, о призрак жуткий!
 Уходи, скелет с косою!
 Пощади мой возраст юный,
 Не бери меня с собой!*

И Альфред ответил словами Смерти:

*Дай, красавица, мне руку!
 О, к чему твой скорбный стон!
 Я несущ тебе не муку,
 Но благой и мирный сон.*

С минуту они сидели молча.

Потом, не добавив ни слова, Альфред покинул комнату.

Шарлотта встала, выглянула в окно:

Никого. Наконец он вышел на улицу.

Обернется ли он, чтоб взглянуть на нее?

Фу, что за глупая мысль!

Он, наверно, и думать о ней забыл,

Да и зашел просто так, попрощаться, —

Обыкновенная вежливость.

А этот живой интерес к рисункам — как его понимать?

Может, тоже простая учтивость?

Однако он выглядел вполне искренним.

В общем, она не знала, что думать, ничего она больше не знала.

Шарлотта смотрела в окно, провожая взглядом Альфреда.

Он так и не обернулся, уходил, становясь все меньше.

Она неотрывно глядела вслед, пока он был еще виден.

На ходу он тряс головой,

Словно спорил с самим собой.

¹ Немецкое слово «смерть» (Der Tod) — мужского рода.

5

Сегодня после занятий Шарлотта сразу ушла.
Барбаре не удалось ее задержать,
Она осталась одна, и это ее огорчило:
Обычно Шарлотта охотно выслушивала подругу,
Была хранилищем ее откровений.
Барбара все ей могла рассказать о себе, о поцелуях Клауса,
Но при этом ее посещало какое-то странное чувство:
Жизнь Шарлотты довольно тосклива, почему же она ей завидует?
Барбара угадывала в подруге необычную, гордую силу.
Может, это харизма молчащих,
Горькая стойкость отверженных?
У Барбары было все — кроме этой стойкости духа.
Она бросилась вслед за Шарлоттой,
Но та уже была далеко.

Шарлотта отдала б все на свете, лишь бы увидеть Альфреда,
И, не застав его дома, рухнула на кровать.
С той минуты, как он вошел к ней, она стала его рабой —
Рабой его вдохновенного взгляда.
Писала картины, надеясь услышать его похвалу,
Ругая себя за глупость.
Конечно, она с ним виделась, виделась много раз,
Но он лишь здоровался с беглой улыбкой
И ничем не выказывал свой интерес.
Значит, его внимания к ней хватило всего на день?
Что ж, в этом есть своя логика.
Если вас отвергает ваша страна, то чего ожидать от мужчины?

И когда у нее не осталось надежды, вдруг появился Альфред.
Он без стука вошел в ее комнату.
Она вскинула голову.
Надеюсь, не помешал?
Нет-нет, я просто... задумалась.
Я хочу вам кое-что предложить, сказал ей Альфред
Серьезным, почти повелительным тоном.

Она изумленно глядит на него, а он продолжает:
 Так вот, у меня деликатная просьба:
 Я написал одну книгу... скажем, личного свойства.
 Да-да, эта книга лишь обо мне.
 Я думаю, каждое произведение должно говорить о своем творце.
 Кстати, я ничего не имею и против вымысла,
 Но такое пишется для развлечения.
 Ведь люди нуждаются в развлечениях,
 Это им помогает отвлечься от правды.
 Впрочем, как я сказал, все это не важно,
 Главное в том, что мы постигаем суть беспорядка.
 Нет ничего важнее, понимаете?
 Только нам дано назначать подходящий момент для хаоса.
 Только нам дано назначать подходящий момент для смерти.
 Ну а мне остается возможность свободно сходить с ума,
 И вам, наверное, тоже?

Я уверен, что вы меня не подведете,
 И всецело надеюсь на вас.

Альфред помолчал с минуту,
 А Шарлотта готова на все, чего бы он ни пожелал.
 Одно то, что он здесь, у нее, вернуло ей смысл жизни.
 Я хочу, чтоб ты сделала иллюстрации к моему роману,
 Сказал он ей наконец, перейдя внезапно на «ты».
 Не дожидаясь ответа, взялся за свой портфель
 И вынул пачку листков, покрытых каракулями.
 Шарлотта благоговейно взяла у него рукопись
 И бегло просмотрела первые ее строки.
 Потом подняла голову. Альфреда в комнате не было.

6

Шарлотта читала и перечитывала рукопись Альфреда,
 Записывая в блокнот ключевые моменты книги.
 Он рассказывал в ней о том, как лежал под трупом солдата.

Да, забыть можно все на свете, кроме своих наваждений.
Многие эпизоды войны словно навеяны адом,
Но была и странная красота в его описаниях страха.
Шарлотта сама жила в постоянном, хроническом страхе —
Говорила, ходила, дышала, ощущая его в себе.
Ей давно уж заказан доступ в бассейны и парки Берлина.
Целый город, родной ее город, превратился в поле сраженья,
Стал тюрьмой для людей ее крови.

Она приступила к наброскам.
Рисовала часами, круглые сутки,
Посвятив свою жизнь целиком только этой задаче, —
Так хотелось ей оправдать доверие автора книги.
Альфред назначил ей встречу
Через две недели, в кафе у вокзала.
Они встретятся там, чтоб Паула об этом не знала.

В назначенный день Шарлотта слегка тронула губы помадой...
Хотя нет... вдруг он над ней посмеется
За стремление выглядеть женственной?
Она сердито вытерла губы,
Но тут же накрутила снова.
Откуда ей знать, как добиться,
Чтоб мужчина признал ее красоту?!Никто никогда не глядит на нее,
Впрочем, может, она этого не замечает?
Барбара ей однажды сказала, что Клаус находит ее хорошенькой.
Или нет, он сказал не «хорошенькой»,
Он сказал, что «в лице ее много силы».
Непонятно, какой в этом смысл.
Сам Клаус считал такие слова комплиментом.
Барбару он называл красавицей, но... безликой.
Однако Шарлотте его похвалы безразличны —
Ей нужно понравиться только Альфреду.

Она сидела в кафе рядом с Центральным вокзалом.
Назначив свидание здесь, они преступили закон.

Шарлотта ждала, не спуская глаз с больших настенных часов.
Альфред безбожно опаздывал.

Уж не забыл ли он о назначенной встрече?

Или, может, она перепутала день?

А вдруг он совсем не придет?

Наконец он явился, с опозданием на полчаса,

Подошел к Шарлотте прямо с порога, не глядя,

Словно кто-то ему подсказал, где она его ждет.

Сразу заговорил, не успев опуститься на стул, —

Может быть, его фраза уже зазвучала в дверях.

Альфред поднял руку, прося принести ему пиво.

Шарлотту привел в замешательство этот внезапный приход,

А он сидел, озираясь, глядя то вправо, то влево,

Словно его привлекало здесь все, кроме нее.

Официант принес ему кружку, он тут же ее осушил

Жадно, в один глоток, без передышки,

И только потом извинился за опоздание.

Шарлотта пролепетала, что это не важно,

Но Альфред ее даже не слушал.

Он вдруг завел речь о Кафке.

Непонятно, при чем тут Кафка?

Шарлотта, я хотел тебе рассказать, как меня осенило:

Все творчество Кафки основано на удивлении.

Он удивлен превращеньем, процессом¹, самим собой...

Шарлотта не знала, что и ответить.

Она приготовилась к долгой беседе, к анализу книги Альфреда,

Но вовсе не к разговору о Кафке.

Для Кафки у нее не нашлось подходящих слов.

К счастью, он попросил ее показать рисунки.

Шарлотта достала папку, в ней целая кипа набросков.

Альфред, пораженный такой грандиозной работой,

Подумал: уж не влюбилась ли она в меня?

Это могло бы его и порадовать, но, увы,

¹ Отсылка к рассказу Ф. Кафки «Превращение» и к роману «Процесс».

Сегодня что-то мешало ему ликовать.
Он был настроен мрачнее некуда
И считал все эмоции неуместными.
Торопливо просмотрел рисунки Шарлотты
И сказал, что сейчас ему недосуг высказать свое мнение.
Это было попросту унижительно.

Почему он так обошелся с ней?
Ведь обычно он мягок и доброжелателен.
Альфред вскочил, сказав, что ему пора,
На ходу подхватил ее папку с рисунками
И исчез, как и не был,
Не дождавшись, когда Шарлотта встанет из-за стола.
Вот и конец —
Не свидание, а черновик свидания.

Девушка осталась одна. В полном отчаянье встала,
Шатаясь, вышла на улицу.
В Берлине был жуткий холод.
Куда же теперь ей идти?
Она ничего не видела перед собой,
Слезы ей застилали глаза.
Что, если броситься в реку с моста
И погибнуть в холодной воде?
Отчаяние нашептало ей мрачные замыслы.
Умереть, умереть как можно скорей!
Но внезапно в Шарлотте проснулось странное любопытство:
Сначала ей нужно узнать, понравились ли Альфреду рисунки.
Она бы могла на него рассердиться, но нет —
Его мнение ей дороже собственной жизни.

7

Шли дни, а известий все не было.
Шарлотта боялась спросить у Паулы, когда у нее урок.
Нужно терпеть и ждать,

Ведь когда-то он должен вернуться сюда.
Возвращение — это любимый маршрут Альфреда.

И вот наконец-то он здесь.
Шарлотта приходит домой и слышит: Паула поет.
Она бесшумно пересекает гостиную, стараясь им не мешать,
Но и не очень спеша — чтоб ее успели заметить.
Счастье этой минуты стерло всю прошлую боль.
Забыта нелепая встреча в кафе и все остальное,
Есть только восторг: он здесь и она его видит.
Присев у себя на кровать, она ждет, как примерная девочка.

Он отворил ее дверь, вошел, как обычно, без стука
И с порога сказал:
Между нами не может быть церемоний.
Я прошу меня извинить за мою неучтивость в кафе.
Она хочет ответить, что это не важно,
Но не может издать ни звука.

Не нужно ждать от меня ничего.
Ты слышишь?
Шарлотта послушно кивает.
Я никогда ничего не даю, если меня принуждают.
Не выношу даже мысли о том, что меня где-то ждут.
Свобода — таков девиз тех, кто выжил.
И, коснувшись щеки Шарлотты,
Альфред продолжал: спасибо,
Спасибо тебе за твои рисунки.
Правда, они наивны, не точны и не закончены,
Но в них есть залог будущей силы, и мне это нравится.
Глядя на них, я услышал твой собственный голос,
Ощутил что-то вроде ущерба, отклонения,
Даже, может быть, легкий намек на безумие —
Робкое и наивное, мягкое и учтивое, но, безусловно, реальное.
Вот.
Я хотел тебе это сказать.
Мы с тобой, ты и я, — прекрасный дебют!

И он вышел, пожав ее руку.
Он был уверен: Шарлотта всецело ему подчинилась.
Впервые она работала на заказ,
Но, создавая свои рисунки, всем сердцем вживалась в них.
Для девушки это уже поворотный момент.
Тот, кого она полюбила, облек ее вдохновение в Слово,
И это ее привело в экстаз.
Теперь она знала, куда ей дальше идти,
Где спрятаться и уберечься от злобы.
Как страшно признаться себе: я — художник!
Художник...
Она твердит это слово,
Не в силах разумно его объяснить.
А впрочем, не важно,
Слова не всегда достигают намеченной цели,
Их место — на рубежах ощущений,
Где можно блуждать наугад в нереальном пространстве.
Художник живет в бесконечном смятении — это его привилегия.

Шарлотта долго кружила по комнате,
Потом бросилась на кровать, разразившись
бессмысленным смехом.
Теперь ее участь казалась ей сказочной,
Она ощущала себя всемогущей,
И от этого чувства ее лихорадило.
Но ее и впрямь лихорадит, —
Она переполнена счастьем.

А вечером к ней заглянул отец.
Он был встревожен, смерил дочери температуру,
Пульс пощупал — странный, неровный! —
И засыпал ее вопросами:
Ты выходила легко одетой?
Нет.
Съела что-нибудь неподходящее?
Нет.

У тебя неприятности?

Нет.

Тебя кто-то обидел?

Нет, папа.

И Шарлотта его успокаивает, заверив, что ей полегчало:

Это был легкий приступ, все уже хорошо!

Утешившись, Альберт целует дочку

И тут констатирует: жар бесследно исчез!

Странно все-таки, что это с ней?

Наконец он уходит, а Шарлотте не спится,

Уж ей-то понятно, что с нею творится.

8

Шарлотта, конечно, надеялась завоевать Альфреда,

Но надежду ее омрачали сомнения.

Ощущение собственной силы сменялось горьким унынием,

И она надолго впадала в депрессию,

Не веря, что кто-то питает к ней искренний интерес.

Альфред, несомненно, поймет, как она заурядна,

Это вполне очевидно.

Устремит на нее свой пронизательный взгляд,

Раскроет обман и со смехом уйдет навсегда.

Ей хотелось спрятаться под одеяло.

Надежды внезапно сменялись страхами.

Ее ужасала сама перспектива их будущей встречи.

Как страшно его увидеть — и не оправдать ожиданий.

Конечно, он бросит ее. Это предreshено.

И тогда ее ждут страдания.

Как больно!

Неужто все это — любовь?

Пришедший Альфред застал ее в хмуром молчании,

Скованной, замкнутой.

Ты словно за крепостной стеной, сказал он Шарлотте
И, пытаясь ее рассмешить,
Стал рассказывать ей истории — курьезные, дикие, небывалые.
Шарлотта встречала их слабой улыбкой,
Вот и первая брешь в ее обороне:
Давно уж никто не пытался ее развлекать.
Много лет атмосфера в доме — мрачней не бывает.
Каждый вечер отец неумело пытался скрыть унижения дня,
А Паула делала вид, будто мечтает о сцене и о карьере,
О тех временах, когда снова поедет в турне.
В этом смысле Альфред был на них не похож:
Он вернулся из ада, из небытия, —
Кто б поверил, что он еще смеет дышать —
В тридцать восьмом году?!

И опять он назначил ей встречу в том самом кафе.
Значит, им предстояло вторично нарушить запрет —
Ведь евреям нельзя посещать кафе, но это не важно,
Здесь их заповедное место.
Под столами шныряли коты, множество разных котов,
Они терлись о ноги клиентов.
Обстановка — словно во сне наяву,
В клубах дыма сигар посетителей.
Я знаю всех этих котов, сказал Шарлотте Альфред,
Я присвоил им всем имена композиторов.
Этот, шупленький, — Малер, тот, дородный, естественно, Бах.
Слышишь, это мурлычет Вивальди.
И конечно, вон там — мой любимец,
Его имя — Бетховен.
Ты увидишь, он глух как тетеря.
Позови его и посули молока — он даже не обернется.
Смушаясь, Шарлотта подозвала к себе кота,
Но тот вообще на нее не взглянул,
Только сонно шурил глаза.

Альфред продолжал очеловечивать кошек
И по этому поводу вспомнил о Шуберте.

«Смерть и Девушка»... Снова этот квартет.
 Он не сходил у них с языка, не давал им обоим покоя.
 И Альфред завел длинный рассказ о создателе этой музыки.
 Знаешь, Шуберту не везло в отношениях с женщинами,
 Он был маломерок, при этом весьма неуклюжий.
 Столько насочинял, а вот с сексом был не в ладу,
 Так и скончался практически девственным.
 Кое-где в его музыке это легко уловить:
 Начать хоть с венгерских мелодий, — их словно писал

непорочный юнец,

Да и вся его музыка как-то бесплотна.
 Однажды он переспал с проституткой,
 И она заразила его смертельной болезнью.
 Его агония растянулась на годы.
 Бедняга, тебе его жаль?
 Но теперь здесь хотя бы имеется кот, носящий то же имя.
 Как-никак это форма посмертной славы.

Шарлотта в смятении слушала рассужденья Альфреда.
 Конечно, она размышляла о Шуберте,
 Но ей не терпелось при этом разрешить более личный вопрос.
 А ты?
 Что — я?
 А у тебя, Альфред, много ли было женщин?
 Ах, женщины...
 Да, я знавал нескольких...
 Именно так он ей и ответил,
 Довольно уклончиво.
 Потом, встрепенувшись, добавил:
 Да, женщин я знал.
 Сколько точно — сказать не могу.
 Но все они, все до одной, были важны для меня.
 Ведь это не может пройти бесследно —
 Когда рядом с тобой обнаженная женщина —
 Женщина в ожидании поцелуя.
 Я благоговел перед каждой из них,
 Даже будь это бабочка-однодневка.

9

Шарлотта забыла обо всем на свете,
Даже о том, что волнуются близкие.

Наконец она вернулась домой, где ее поджидал отец.

Ну теперь он спокоен или все еще разъярен?

Наверно, и то и другое.

Минуту спустя Альберт разразился криком:

Где ты была?

Хоть подумала бы о нас,

О нашей тревоге, о нашем отчаянии!

Шарлотта виновато понурилась.

Ей известно, что ночью ходить опасно:

Попадешься к патрульным в лапы, могут отправить в лагерь,

Могут избить, изнасиловать, просто прикончить.

Она жалобно попросила прощения, но заплакать не получилось,

Только и выдавила из себя: я шла, замечталась, и вот...

Это глупое объяснение — первое, что пришло ей в голову.

Паула сказала Шарлотте, чтоб разрядить обстановку:

Никогда больше так не делай.

Если хочешь мечтать, мечтай, пожалуйста, дома.

И Шарлотта пообещала им быть осторожней.

Но что же это за жизнь для молодой девушки?

Ей двадцать один год, ей хотелось свободы,

А сейчас каждый вздох, каждый взгляд был под строгим контролем

И любой шаг в сторону смертью грозил.

На самом же деле в тот вечер, счастливая как никогда,

Она обо всем забыла.

Ее не пугала даже тюрьма, лишь бы рядом был Он.

Она обняла отца и вдруг улыбнулась,

Лицо ее радостно вспыхнуло,

Она еле сдержала ликующий смех.

Паула глядела на девушку, не понимая, в чем дело.

Перед нею стояла совсем другая Шарлотта,

Не та, что была молчаливой и замкнутой,
 Что минуту назад готова была разрыдаться.
 Эта — новая — ни с того ни с сего улыбается
 И так искренне просит прощения:

Извините! Я больше не буду!
 Повторив это несколько раз, она убежала к себе.
 А супруги переглянулись
 Удивленно или, скорее, тревожно:
 Ни он, ни она не забыли, что в семье затаилось безумие.

10

Несколько дней спустя влюбленные встретились снова, в Ванзее,
 В этом волшебном предместье Берлина,
 С Большим и Малым озерами.
 Пасмурная погода разогнала гуляющих,
 Так что в данный момент они были совсем одни,
 И Шарлотта к тому же свободна.
 На сей раз она сообщила домашним, что будет в гостях у Барбары.

Они сели вдвоем на скамейку, где сидеть им запрещено.
 Их тела скрывали табличку с этим запретом:
 NUR FÜR ARIER — только для арийцев.
 Но рядом с Альфредом Шарлотте не страшно нарушить закон.
 Она говорит: как мне ненавистна наша эпоха!
 Когда это кончится, сколько же можно терпеть!

Их скамейка стояла напротив виллы Марлир¹,
 И они восхищались изящной архитектурой этого здания.
 20 января сорок второго года здесь соберутся нацистские бонзы

¹ Вилла была построена в 1914 г. архитектором Паулем Баумгартеном для богатого производителя фармацевтических препаратов Эрнеста Марлира, позже продана. В настоящее время на вилле размещается Мемориальный центр холокоста.

Для короткой рабочей встречи под председательством
Рейнхарда Гейдриха.
Историки назовут ее «конференцией в Ванзее».
За каких-нибудь два часа там сформулируют принципы
Окончательного решения,
Определяют методику ликвидации,
Вот и все, господа, всем все ясно.
Сегодня мы потрудились на славу,
А теперь пора перейти в гостиную и слегка отдохнуть,
Там вас ждет прекрасный коньяк,
Который приятно посмаковать с чувством исполненного долга.

Сегодня участники этой встречи смотрят на нас с фотографий.
Они стали бессмертными, или, вернее, забвение им не грозит.
Нынче вилла Марлир — мемориальный музей.
Я побывал там солнечным днем в июле 2004 года.
Вот где можно реально приблизиться к ужасу.
Длинный стол для собраний имеет пугающий вид,
Словно все предметы на нем — соучастники преступления.
Это место навечно пронизано духом убийства.
Значит, вот что такое «кровь леденеет в жилах»;
Прежде эти слова были мне непонятны.
А в тот день я физически ощутил ледяную струю,
От которой и впрямь застывает кровь.

11

Альфред сказал, взяв Шарлотту за руку:
Пойдем, я тебя покатаю на лодке.
Но сейчас, по-моему, хлынет дождь, отвечала она.
Ну и что?
Разве нынче в Германии нужно бояться дождя?
И Шарлотта с Альфредом забрались в лодку,
Позволив ей тихо скользить по водам Большого озера.
Небо хмурилось, свет померк, будто они оказались в чулане.

Шарлотта легла на спину —
 Так приятнее ощущать колыхание волн.
 Хорошо бы уплыть далеко, навсегда!
 Ее поза напоминала Альфреду шедевр Микеланджело —
 Мраморную фигуру под названием «Ночь»,
 Словно здесь, перед ним, явился оригинал.
 А гроза уже подавала голос.
 Мир очистится громом! — шепнул Альфред,
 Наклонившись для поцелуя.

Забывшись в объятии, они ничего не слышали.
 С берега им кричали: возвращайтесь скорей!
 Это безумие — в лодке сидеть под дождем!
 Наконец они оба пришли в себя.
 Вода в их суденышке доходила уже до краев,
 Нужно было скорей выбираться на сушу.
 Шарлотта стала вычерпывать воду руками,
 Альфред энергично работал веслами.
 К счастью, до берега они все же сумели добраться,
 Со смехом вышли из лодки,
 Под испуганным взглядом ее владельца,
 И бегом покинули Ванзее.
 Дождь обратил их в бегство.

12

Она согласилась зайти к Альфреду.
 Промокнув до нитки, они вбежали в его «берлогу»,
 Но девушку не шокировала убогая обстановка
 И груды книг на полу.
 Альфред велел ей снять мокрое платье, иначе она простудится.
 Она разделась без колебаний. Ей казалось, что будет страшно,
 Но нет, все совсем иначе:
 В ней вспыхнула решимость, граничившая с желанием.
 Альфред произнес: Шарлотта...

ДАВИД ФОНКИНОС

Он твердил и твердил: Шарлотта...
О, как приятно ей было услышать свое имя из уст Альфреда!
И снова: Шарлотта... Шарлотта...

Она стоит перед ним обнаженная,
А он осыпает все ее тело, сверху вниз, поцелуями.
Этот путь поцелуев и сладостен, и мучителен,
Их как будто стихийный маршрут, однако, ведет к точной цели
Ведет к посвящению в любовь.
И она, выгнувшись, стонет: да... да...
Любимый... Альфред...

В свой черед он сорвал с себя всю одежду,
И они очутились в постели,
Перейдя из реального мира в иной —
Мгновенно, без всяких раздумий.
Бывает, раздумья приводят к печальным открытиям.
Они тесно сплелись, и это мучительно сладко.
Сладкая мука страсти...
Он любит наготой, готовой ему отдаться.
Воплощением жизни, что истерзано жизнью.
Он может мечтать и творить, петь, писать, говорить, умирать,
Но это — единственный миг, за который не жаль пострадать,
Неумная страсть под покровом невинности.
Все остальное не важно. Их ждет благодать.
Альфред в этом уверен —
Как мужчина и как созидатель.

А она, убежденная в собственной силе, разбита, побеждена,
Ее тело охвачено трепетом,
По лицу пробегают тени.
Это спасается бегством прошлое,
Отступив перед дерзким триумфом любви.
И она отдается с удвоенным пылом —
Так повелело ей счастье.

Часть пятая

1

Но тридцать восьмой — это также и год катастрофы.
Последние упования Шарлотты рассыпались в прах.
Ее ожидало страшное унижение.

Каждый год по весне Академия объявляла конкурс
Студенческих картин на заданный сюжет.
Это был самый торжественный миг в году,
Когда присуждались премии, воздавались почести
лучшим из лучших.

Бартнинг больше, чем прежде, восхищался талантом Шарлотты.
Он рад, что не зря добивался ее поступления в Школу.
За последний семестр она сделала потрясающие успехи,
И дело не в улучшении техники,
Хотя ее графика стала более тонкой и точной.
Профессора поражала дерзкая смелость его протеже:
Шарлотта с помощью техники пыталась найти свой стиль,
Оригинальный, причудливый, страстный и поэтический.
Картины Шарлотты рассказывали и о самой художнице,
Однако ее душевная сила разгадывалась не сразу:
Своеобразие личности было скрыто за буйством красок.
Людвиг как зачарованный смотрел на эти картины.
Таких он давно не видал.
Кроме него, никому не ведомо,
Что в их Академии учится гений.

Этот конкурс был анонимным:
Сперва выбирали картину, лишь потом открывая имя художника.

Члены комиссии, собравшиеся за столом,
Единодушно сошлись на одной из картин.
Сегодня, как никогда, этот выбор был сделан мгновенно.
И вот наступил волнующий миг —
Попытка угадать имя создателя.
Уже прозвучало несколько предположений,
На самом же деле никто и ни в чем не был уверен —
Победитель искусно запутал следы.
Такую манеру нельзя приписать никому из студентов.
Но пора наконец им узнать, кто же автор.
К картине приложен конверт с фамилией.
Преподаватель, открывший его, потрясенно молчит.
Коллеги уставились на него: ну кто же?
Он молча обвел их взглядом, словно желая усилить эффект,
И наконец произнес еле слышно:
Первая премия присуждена Шарлотте Саломон.

Атмосфера гнетущей тревоги.
Присудить победу еврейке? Но это немыслимо!
За конкурсом слишком пристрастно следят,
И тут же пойдут разговоры о еврейском засилье в Школе.
Да и сама победительница окажется на виду
И тотчас же станет мишенью властей,
Рискуя попасть в заключение.

Людвиг Бартнинг проникся серьезностью ситуации.
Кто-то несмело шепнул: может, проголосуем вторично?
Нет, это было бы слишком несправедливо.
Можно лишить ее премии, но не победы,
Так сказал ее смелый защитник Бартнинг.
Он стоял за нее до последнего,
Даже зная, что помощь Шарлотте может стать для него роковой.
Все ведь нынче известно, и от *них* ничего не скроешь.
Тем не менее мужество Бартнинга все-таки победило,
Он своего добился: Шарлотте присудят премию.

Часом позже он подждал Шарлотту в просторном вестибюле И, увидев ее, подозвал к себе.

Шарлотта к нему подошла, как обычно, несмело.

Профессор молчал, не зная, с чего начать.

Казалось бы, для нее есть такая прекрасная новость,

А вид у него убитый.

Наконец он объявил Шарлотте о присуждении премии,

Но не дал ей времени выразить свой восторг,

Омрачив эту новость решением членов комиссии:

Ей не позволят самой получить эту премию.

Шарлотту охватывает двойственное чувство —

Счастье, смешанное со жгучей обидой.

Она давно уже поняла: быть на виду ей нельзя,

Вот уж два года, как она стала призраком, тенью,

Но сегодня... о, как это несправедливо!

Бартнинг сказал, что картина получит награду,

Но премию лучше вручить кому-то другому.

Кому же? — спросила Шарлотта.

Не знаю, ответил профессор.

Ладно, пусть это будет Барбара.

Вот имя, предложенное Шарлоттой, —

Барбара.

Барбара? Ты уверена? — удивился профессор. — Почему же она?

У нее есть все, отвечала Шарлотта, значит пусть получит еще и это.

Три дня спустя Барбара поднялась на сцену.

Три дня подряд Шарлотта плакала безутешно.

Белокурая «победительница», сияя улыбкой,

Приняла незаслуженную награду,

Ничуть не смутившись.

Похоже, Барбара искренне верила, что одержала победу,

Благодарила друзей и родителей.

Ей следовало бы благодарить еще и свою страну —

Так думала униженная Шарлотта, глядя на эту комедию.

В разгар торжества она выбежала из зала.
Людвиг Бартнинг глядел ей вслед.
Он хотел бы ее удержать, хотел бы утешить,
Но она мгновенно исчезла.
Лишь успела расслышать гром аплодисментов,
Покидая Школу изящных искусств.

Шарлотта бежала до самого дома.
Войдя в свою комнату, рухнула на кровать
И поднялась лишь затем, чтобы скомкать свои рисунки,
А некоторые просто порвать на клочки.
Услышав шум, к ней вошла Паула:
Что ты делаешь? Что случилось?
Я никогда не вернусь в Академию, холодно бросила ей Шарлотта.

2

Целыми днями Шарлотта сидела одна.
Все ее мысли витали вокруг Альфреда,
Это стало ее наваждением.
Позже она начнет его рисовать, рисовать одержимо
Лицо своего возлюбленного — десятки, сотни эскизов, —
Вспоминая его слова, каждое его слово.
А настоящее время медленно уходило в безвременье.

После первой их ночи он снова бесследно исчез,
Не подавал о себе никаких вестей,
Не занимался больше с Паулой.
Шарлотте пришлось смириться с его молчанием.
Ведь он ей сказал: никогда ничего от меня не жди.
Но как же ей было трудно!
Терпение кончилось, нет больше сил.
Шарлотта оделась и вышла из дому,
Предупредив Паулу, что идет повидаться с подругой.

Выходить вечерами из дому все так же опасно,
 Есть вероятность встретить патруль,
 Хотя риск был не так уж велик:
 Иногда и улыбка вполне могла заменить документы,
 Особенно если иметь арийскую внешность.
 А судьба наделила Шарлотту
 Светло-русыми волосами и светлыми глазами.
 Если б не эта злосчастная кровь, она бы жила свободно.
 И Шарлотта вышла из дому в ночь.

Вот наконец-то и дом Альфреда.
 Шарлотта с бьющимся сердцем затаилась в сторонке, во тьме.
 Она не войдет, просто хочет взглянуть на него.
 Ведь он никогда не простит ей навязчивость,
 И она обещала ему не навязываться,
 Уважать его право на независимость.
 Но почему он исчез и молчит?
 Может, он лгал, признаваясь в любви?
 Может, их ночь его разочаровала
 И он не осмелился это сказать?
 Да, наверное, так.
 Наверняка это так.
 Быть может, он даже забыл ее имя,
 Которое так любил повторять: Шарлотта... Шарлотта...

И вдруг она различила в окне Альфреда.
 При виде его силуэта она чуть не лишилась чувств.
 В комнате тускло горела свеча.
 Он то появлялся, то исчезал, попадая из света во тьму,
 И это преображало реальность в подобие зыбкого сна.
 Но тут в эту сцену вторгся чей-то другой силуэт —
 Женский. Тоже блуждавший по комнате,
 Словно женщина что-то упорно искала.
 Внезапно она приникла к Альфреду.
 Шарлотта стояла, едва дыша
 И мысленно повторяя: Альфред совершенно свободен.

Он никогда не клялся принадлежать мне вечно.

Я знаю: мы вовсе не пара.

Мы с ним — из другого мира.

И в этот момент хлынул дождь.

Так всегда: стоит им оказаться рядом, как начинается дождь.

Небо хмурится при их встречах.

Шарлотта не в силах сдвинуться с места, спрятаться от дождя.

Альфред, как ей кажется, страшно разгневан,

Сердито хватая женщину за руку

И тащит ее к дверям.

И вот они оба вышли на улицу, остановились рядом с Шарлоттой.

Женщина умоляла его непонятно о чем.

Наверняка говорила, что не может уйти под дождем.

Но Альфред оттолкнул ее — резко, бешено жестикулируя.

Наконец она подчинилась и понуро ушла.

Альфред стоял неподвижно, видно чувствуя облегчение.

Минуту спустя, обернувшись,

Он заметил Шарлотту.

Махнул ей, веля подойти.

Она перешла безлюдную улицу медленным шагом.

Что ты здесь делаешь? — холодно осведомился Альфред,

Заранее зная ответ.

Я хотела тебя увидеть... ты куда-то пропал.

Собиралась тебе написать... Наверно, я зря пришла...

Альфред колебался. Наконец предложил ей войти.

Сердце Шарлотты бешено заколотилось в груди:

Неужели она вернется в свое волшебное царство

В этой убогой каморке,

Где он, может быть, снова обнимет ее?!

А пока она села на краешек стула

И замерла в боязливом смущении.

Извинилась за то, что нарушила уговор,

Явственно ощущая, как он раздражен.

Ах, зачем она только пришла!
Вот теперь все и кончится, а виновата она.
Видно, так уж ей суждено — самой погубить свое счастье.
И все же она не сдалась и спросила Альфреда:
Эта женщина... кто она?
Не задавай мне вопросов, Шарлотта!
Ты слышишь: не делай так никогда,
Никогда!
Но сейчас я тебе отвечу:
Это моя невеста,
Она пришла за своими вещами, вот и все.
Мне кажется, тихо сказала Шарлотта, что ей было очень больно.
А если и так?
Я не обязан вникать в чужие страдания.
И, помолчав, добавил: но ты больше так не делай.
Что ты хочешь этим сказать?
Не приходи тайком, как сегодня.
Если будешь слишком настойчивой, ты меня потеряешь.
Ну прости же, прости! — повторила она
И тут же, расхрабрившись, спросила: а ты ее любишь?
Кого?
Ну... эту женщину...
Не спрашивай ни о чем.
Наша жизнь до того коротка, что времени жаль на подобные сцены.
Впрочем, раз уж ты хочешь знать, мы с ней давно разошлись.
Она явилась ко мне, чтобы взять забытую книгу.
Но даже если бы я с ней жил, все кончилось бы точно так же.

Шарлотта не очень-то поняла, что он имел в виду,
Но это теперь не важно.
Главное, ей хорошо в этой комнате, рядом с Альфредом.
Сколько раз в жизни людям даруется счастье?
Единожды? Дважды? А может, и никогда?
Шарлотту трясло от холода
Так, что стучали зубы.
И он наконец подошел, чтобы ее согреть.

3

Но почему он молчит,
Тогда как, похоже, был рад ее снова увидеть?
Шли минуты, он все так же молча любовался ею,
Как будто сам пожелал этой встречи,
Как будто все сделал, чтобы ее разыскать.
Все-таки непонятно...
Шарлотта терялась в бесплодных раздумьях:
Они все равно ни к чему не приводят,
Она хочет отдаться ему, вот и все.
На сей раз он ведет себя более грубо, чем прежде:
Хватает ее за волосы с яростной силой страсти.
Раскрытые губы Шарлотты жадно блуждают
По телу ее возлюбленного.
Она всеми силами хочет доставить ему наслаждение,
Неистовствует, теряет голову,
Задыхается от сумасшедшей надежды.
Теперь она, кажется, знает, что любит Альфред.

Наконец, пресытившись счастьем, Шарлотта заснула,
А он все глядел на лицо этой юной дикарки,
истомленной любовью

Ну разве не стоило выжить ради таких мгновений?
И Альфред спрятал лицо в волосах Шарлотты.
Ему вспомнился образ с картины Эдварда Мунка:
«Голова мужчины в волосах женщины».
Альфред замер на миг, потом встал,
Подошел к столу и начал писать —
То ли поэмы, то ли бессвязные фразы,
Страницы, навеянные красотой.
Шарлотта вдруг открыла глаза,
Словно бурные мысли Альфреда ее разбудили,
И подошла к этим запечатленным мыслям.
Альфред ей сказал: это все для тебя.
Нужно, чтобы ты их читала, мысленно слушая Шуберта.

Да, да, да, отвечала она, уже думая об «Impromptus»¹.
 Она начала читать, и слова устремились к Шарлотте:
 Не всегда читатель стремится к словам, бывает и наоборот.
 Особенно если это слова Альфреда, мощные, неукротимые.
 Шарлотта мысленно отмечала самые важные фразы.
 В них он говорил о ней, говорил о себе,
 И это была история целого мира,
 Шуберт, экспромт соль-бемоль мажор.
 Они оба — бемоли отверженности. И мажор непреложных истин.

Ей хотелось оставить себе эту рукопись, но Альфред ее отобрал
 И, схватив исписанные страницы,
 Швырнул всю пачку в огонь.
 Шарлотта горестно вскрикнула.
 Почему так неожиданно,
 В одну секунду?!
 Ведь он писал их часами!
 Она плачет,
 Она неутешна.
 Никто еще не писал ей подобных слов,
 И вот их уже больше нет.

Альфред обнял ее со словами:
 Они есть и пребудут вечно,
 Но не в грубой материальной форме,
 А только в твоей памяти.
 Они будут звучать и в музыке Шуберта,
 В музыке, которая не слышна, но всегда будет петь в тебе.
 И долго еще он ей объяснял красоту своего поступка:
 Главное, что это было написано,
 Остальное совсем не важно.
 Нам больше нельзя оставлять следы для полицейских собак.
 Наши книги, наши воспоминанья нужно хранить в себе.

¹ Шуберт сочинил восемь фортепианных миниатюр под названием «Экспромты».

4

В те же минуты во Франции один человек поднялся с постели
И взглянул на себя в зеркало.

Он давно уже не узнавал собственное лицо
И с трудом выговаривал свое имя: Гершель Гриншпан.

Семнадцатилетний польский еврей, покинувший родину,
жил в Париже.

Он только что получил от сестры отчаянное письмо:

Вся их семья внезапно, без предупреждений,

Была изгнана из страны.

Их увезли в лагерь для перемещенных лиц.

Жизнь Гриншпана давно уже стала сплошным унижением.

Так живут только крысы, говорил он себе.

И вот тем утром, 7 ноября тридцать восьмого года, он написал:

Я должен протестовать, чтобы весь мир услышал мой крик.

Взяв пистолет, он проник в посольство Германии

И, под предлогом назначенной встречи, прошел
в кабинет советника.

Позже начнут говорить, что мальчик сводил с ним счеты,

Что это интимная и сексуальная связь, которая скверно окончилась.

Но так ли все это важно?

В тот момент им владела лишь ненависть.

Эрнст фон Рат, третий советник посольства, бледнеет от страха:

Намеренья юноши не оставляют сомнений.

Однако, решившись убить, он дрожит,

Его руки взмокли от пота.

Эта сцена, кажется, будет длиться вечно,

Однако это не так.

Он наконец стреляет —

Стреляет в немца в упор,

Всадив в него несколько пуль.

Советник падает головой на стол,
Ударившись виском.
Кровь капает на паркет,
Стекается в лужу у ног стрелявшего.
В кабинет ворвались офицеры.
Убийца даже не думал бежать.

Новость в момент облетела Берлин.
Фюрер впал в безумную ярость:
Мсть должна следовать безотлагательно!
Как он посмел?!
Немедленно раздавить эту гадину!
Впрочем, не так,
Не его одного, —
Их всех,
Всю эту мерзкую нацию.
Они проникают повсюду.
Фон Рата убил не один — все евреи.
К ярости фюрера примешано ликование,
Он предвкушает сладость грядущих репрессий.

Разгул этой мести был неопиcуем:
«Хрустальная» — вот как назвали ту ночь
С девятого на десятое ноября тридцать восьмого года,
Когда разоряли еврейские кладбища,
Уничтожали имущество,
Громили тысячи магазинов,
Разворовывали товары,
Заставляли евреев петь перед горящими синагогами,
А потом поджигали им бороды.
Других забивали до смерти на театральных сценах,
И трупы валялись грудями, словно отбросы.
Тысячами людей загоняли в концлагеря,
Тысячами...
Среди них оказался отец Шарлотты.

5

Семья Саломон сидела за обедом. Ели молча.

Внезапно в их дверь постучали.

Шарлотта глядит на отца.

Теперь каждый звук — угроза,

Иначе и быть не может.

Все продолжали сидеть

Не двигаясь, оцепенев от страха.

В дверь громко забарабанили,

Теперь уже бесцеремонно.

Наверное, нужно открыть,

Иначе *они* выбьют дверь.

Альберт наконец отворил.

На пороге двое в темных костюмах:

Альберт Саломон?

Да, это я.

Пожалуйста, следуйте за нами.

Куда вы меня повезете?

Не задавайте вопросов.

Могу ли я взять с собой хоть какие-то вещи?

В этом нет нужды, собирайтесь быстрее.

Паула решила вмешаться,

Но Альберт знаком велел ей молчать:

Лучше не прекословить.

При малейшем сопротивлении они будут стрелять.

Они забирают только его, и это уже хорошо.

Наверняка хотят допросить.

Это продлится недолго.

Они установят, что он ветеран и герой минувшей войны.

Что он пролил кровь за Германию.

Альберт надел пальто и шляпу,

Подошел к дочери и жене, чтобы поцеловать на прощанье.

Кончайте тянуть!
 Он быстро поцеловал их обеих
 И, не оглянувшись, покинул квартиру.
 Шарлотта с Паулой стояли обнявшись.
 Почему и куда его увели?
 И надолго ли это?
 Откуда им знать.
 Все это описано Кафкой в «Процессе».

Герой романа, Йозеф К., арестован без всякой причины.
 И, подобно Альберту, решает не сопротивляться.
Единственный разумный выход — примириться с порядком вещей.
 Вот как это зовется:
 «Порядок вещей».
 Против «порядка вещей» не попрешь.
 Но куда он ведет, сей «порядок вещей»?
 Процесс выглядит необратимым.
 В романе все это уже описано.
 Йозефа К. убьют как собаку:
Стыд должен был пережить человека.

6

Без объяснения причин Альберта бросили в концлагерь
 Заксенхаузен — к северу от Берлина.
 Его заперли в грязном бараке вместе с другими людьми.
 Некоторых из них он знал.
 Они перекинулись парой слов, чтоб успокоить друг друга,
 Изображая — довольно неуверительно — этаким оптимизмом.
 Но на благополучный исход никто не надеялся —
 Слишком уж далеко зашло это дело.
 Их оставили подыхать без воды и без пищи.
 Почему к ним никто не приходит?
 Как могут их же сограждане так обращаться с ними?

Много часов спустя двери барака открылись,
И к ним вошли офицеры.
Кое-кто начал протестовать,
И «крикунов» тут же схватили.
Их увели куда-то в дальний конец концлагеря.
Больше никто их не видел.

Арестованным объявили, что предстоит допрос,
И приказали встать в очередь.
Люди прождали, стоя много часов на холоде.
Те, кто был слишком стар или болен, чтобы выдержать эту пытку,
Падали с ног, и их уносили.
Этих тоже больше никто не увидел.
Нацисты пока еще не казнили в открытую —
Убивали строптивых или больных где-нибудь на задворках.
Альберт относился к тем, кто еще сохранял достоинство.
Именно так: это были достойные люди,
Не желавшие умножать своей болью все остальные несчастья.
Стремление устоять — только это и мог человек сохранить,
Когда ничего другого уже не осталось.

Подошел и его черед.
Он стоит перед молодым человеком, который годится ему
в сыновья.

Так ты у нас врач? — говорит тот с ухмылкой.
Да, врач.
Не удивляюсь, работка типично еврейская.
Ну ничего, здесь тебе не придется бездельничать, мерзкий лентяй!
Его, Альберта, считают лентяем?
Да он ведь всю жизнь работал как каторжный,
Чтобы продвинуть вперед медицину!
И если больные не мрут от язвы, то в этом его заслуга.
Альберт опускает глаза, это невыносимо.
Смотреть на меня! — орет молодой нацист.
Смотреть на меня, когда я с тобой говорю, слышишь, падаль?
Альберт поднимает голову, словно марионетка,

Берет протянутый ему листок.
 На листке указан номер барака и его личный номер —
 Он уже не имеет права на имя.

Первые дни проходили ужасно:
 Альберт не привык к ручному труду,
 Он был истощен, но знал, что обязан держаться:
 Упасть — это значит погибнуть,
 Отправиться на задворки, откуда никто не вернулся.
 Истощение притупило умственные способности,
 Временами мозг его отключался,
 И он начисто забывал, кто он и где находится.
 Такое бывает с людьми после кошмарного сна —
 Им нужна хоть пара секунд, чтобы включиться в реальность,
 Альберт же часами не выходил из мутного забытья,
 Где сознание затуманено.

А Шарлотта с Паулой, убитые тем, что творилось вокруг,
 И отсутствием новостей от Альберта,
 Ходили в комиссариаты, как и сотни других женщин,
 Которые обивали пороги, протестуя и добиваясь ответа:
 Где наши мужья?
 Где наши отцы?
 Сообщите о них хоть что-нибудь! — умоляли они,
 Скажите хотя бы, они еще живы?
 Шарлотта каким-то чудом попала в один кабинет.
 Она принесла с собой теплое одеяло.
 Я хотела бы передать его моему отцу, униженно просит она.
 Слушая это, нацисты едва сдерживали смех.
 Как его имя? — спросил наконец один.
 Альберт Саломон.
 Прекрасно, ты можешь идти, мы этим займемся.
 Но я бы хотела сама передать одеяло... прошу вас!
 Нет, это запрещено.
 В настоящее время свидания отменены.
 Шарлотте понятно: настаивать бесполезно.

Лучше смолчать, лишь бы отец получил одеяло.
И она покорно ушла.
А нацисты расхохотались, едва она скрылась.
Ах, до чего же трогательно!
Евреечка хочет согреть своего дорогого папашу.
Ха-ха-ха! — гоготали они,
Вытирая заляпанные сапоги об одеяло Шарлотты.

7

Так тянулись дни и недели.
О судьбе заключенных ходили самые мрачные слухи,
Говорили о сотнях умерших.
У Шарлотты с Паулой по-прежнему нет никаких известий.
Жив ли еще Альберт?
Певица пошла на все, чтобы вызволить мужа из лагеря.
В нацистской верхушке у нее еще было несколько почитателей.
Они обещали подумать, как ей помочь,
Хотя это трудно, — из лагеря пока что никто не вышел.
Я вас прошу, умоляю! —
Заклинала Паула.

В эти дни гнетущего ожидания Альфред их не покидал.
Старался как мог отвлекать их от черных мыслей.
Стоило выйти Пауле, как он обнимал Шарлотту,
Но и его самого терзала тревога.
Аресты коснулись прежде всего элиты —
Врачей и артистов, преподавателей, интеллектуалов,
Но, если возьмутся и за обычных людей,
Он окажется в первых рядах обреченных.

Все думали лишь об одном — о бегстве.
Но куда им бежать?
И как?

Границы давно закрыты.
 Однако Шарлотта могла бы уехать.
 Для тех, кому нет двадцати двух лет, это еще возможно:
 При выезде из Германии от них не потребуют паспорта.
 Ей оставалось всего лишь несколько месяцев.
 Дед с бабкой слышали о последних событиях.
 В письмах они заклинали Шарлотту приехать:
 У них здесь, на юге Франции, истинный рай.
 Она не должна оставаться в Германии,
 Это становится слишком опасным.
 Паула была согласна со стариками.
 Но разве Шарлотта могла уехать,
 Не повидав отца?
 По правде сказать, это лишь отговорка.
 Она давно для себя решила,
 Что никогда не уедет отсюда.
 Причина проста: она ни за что не покинет Альфреда.

Паула в конечном счете добила освобождения мужа.
 Через четыре месяца Альберта освободили.
 Он вернулся домой, но совсем другим человеком —
 Чудовишно исхудавшим, потерянным. Сразу упал на кровать.
 Паула задернула шторы: пусть он отоспится.
 Шарлотта потрясена до глубины души.
 Часами сидела она у постели отца,
 Борясь с охватившим ее отчаянием.

Шарлотту тревожили хрипы в груди отца.
 Она ухаживала за ним с какими-то странными чувствами:
 Ей казалось, будто она защищает его от смерти.
 Постепенно Альберт приходил в себя,
 Только все больше молчал
 И спал чуть не круглые сутки.
 А ведь прежде он так любил работать ночами.
 Как-то утром, открыв глаза, подозвал он к себе жену.
 Паула тотчас к нему подошла:

Что, мой дорогой?

Он открыл было рот, но голос ему изменил,

Не было сил сказать ей то, что хотел.

Наконец он с трудом произнес одно слово: Шарлотта...

Что — Шарлотта?

Шарлотта... должна... уехать...

Паула знала, как больно ему говорить такое, —

Сейчас отец, как никогда, нуждался в близости дочери.

Но теперь понимал: им не на что больше надеяться.

Он уже побывал в самом пекле нацистского ада,

И, пока еще это возможно, Шарлотте нужно бежать.

8

Но Шарлотта, конечно, не согласилась.

Она не хочет, не может уехать!

Родные ее убеждали: нельзя терять драгоценное время.

Нет, я не хочу вас бросать, твердила она.

Мы добудем фальшивые паспорта и приедем к тебе, уверяли они.

Нет, не хочу уезжать, не хочу!

Альберт и Паула не понимали причины отказа.

Один лишь Альфред знал всю правду,

Но считал ее поведение глупым, нелепым.

Никакая любовь не стоит смертельного риска, думал он,

Ведь нам всем угрожает здесь смерть.

Шарлотта его не слушала,

Она слушала лишь себя, то есть голос своего сердца,

И все упорней твердила: я не могу тебя бросить.

Нет ничего страшнее, пойми: я тебя так люблю!

Он брал ее руки в свои:

Да, конечно, он может ее понять.

Он любит ее, романтическую, пылкую,

За красоту ее страстной любви, заглушающей страх.

Но сейчас не об этом речь.

Наконец, исчерпав все доводы, Альфред пригрозил Шарлотте:
Если ты не уедешь, то больше меня не увидишь!

Увы, Шарлотта хорошо изучила Альфреда:

Он не станет бросать слов на ветер.

Если она не уедет, он исчезнет из ее жизни —

Вот единственный вид шантажа, который ее убедил.

Вдобавок Альфред обещал, что приедет к ней во Францию.

Но разве ты сможешь?

В ответ он заверил Шарлотту:

У меня есть свои контакты.

Только можно ли ему верить?

Шарлотта была в отчаянии.

Как ей расстаться с жизнью в Берлине?

Она ведь здесь родилась,

И теперь еще это страдание.

Лучше ей умереть, чем уехать.

И она всерьез помышляет о смерти.

Отец подозвал Шарлотту к себе,

Взял ее руку и, слабо сжимая,

Стал повторять: я прошу тебя, уезжай!

И на его глазах выступили слезы.

Шарлотта впервые увидела плачущего отца

С искаженным от горя лицом.

Она достала платок, чтоб осушить его слезы,

И внезапно Альберт вспомнил Франциску:

Эта сцена так походила на их давнишнюю встречу,

Когда она вынула свой платок и вытерла ему нос.

Он тогда оперировал раненого, рядом с передовой.

Обе сцены слились в одну.

В этом жесте Франциска соединилась с Шарлоттой,

И Альберт вдруг понял: он достиг своего.

Этот жест означал одно: Шарлотта согласна уехать.

9

Для бегства было несколько разных способов.
По просьбе Паулы дед с бабушкой прислали Шарлотте открытку,
В ней сказано: бабушка очень больна,
Находится при смерти, хочет увидиться с внучкой.
С этим фальшивым письмом Шарлотта явилась
в консульство Франции
И получила визу на несколько дней.
Итак, ее документы в порядке.

Она провела оставшиеся часы в каком-то тупом безразличии.
Подолгу сидела застыв перед своим чемоданом,
Совсем маленьким чемоданчиком — зна́ком короткой поездки.
Взять с собой можно очень немного,
И нужно выбрать самое дорогое.
Какую же книгу?
Какой рисунок?
В результате Шарлотта взяла с собой только пластинку Паулы
С «Кармен», ее любимейшей записью.
Пластинка станет напоминанием о прошлой счастливой жизни.

Потом она съездила на кладбище, чтоб попрощаться с мамой.
В детстве она долго верила, что мать ее стала ангелом,
И представляла ее парящей в берлинском небе
На крыльях любви.
Теперь с этим покончено.
Шарлотта столкнулась с жестокой реальностью,
Где небеса безнадежно пусты,
А мамино тело разлагается в этой земле,
В могиле, скрывающей только скелет.

Да и может ли вспомнить Шарлотта тепло ее рук,
Когда мама ее обнимала.
Напевая какую-то песенку?

Нет, будто и не было ничего,
 Кроме детского воспоминания о могильной плите ее тетки
 И о том, как она научилась читать свое имя на этой плите —
 Имя Шарлотты, первой Шарлотты, сестры её матери.
 Отныне здесь сестры покоятся рядом.
 Шарлотта кладет по одной белой розе на ту и другую плиту
 И уходит.

Вернувшись к отцу, она горько заплакала.
 Он еще слишком слаб, чтоб ее проводить на вокзал,
 И они утешают друг друга, твердя одно слово — «*скоро*».
 Скоро они увидятся вновь.
 Скоро все будет прекрасно.
 Отец Шарлотты — сдержанный человек,
 Всегда стыдившийся проявлений любви,
 Но в тот день он так жадно смотрел на дочь,
 Словно хотел запомнить каждую ее черточку
 И подольше хранить в душе ее образ.
 Шарлотта крепко поцеловала отца,
 Оставив след на его щеке
 Не от помады —
 От судорожно приникших губ.

10

Вокзальный перрон, на каждом шагу полицейские.
 Альфред и Паула рядом с Шарлоттой, пытавшейся скрыть
волнение.
 Чрезмерная демонстрация чувств может привлечь внимание,
 И тогда всех троих подвергнут допросу:
 Почему эта девушка плачет?
 Ведь она уезжает всего на неделю, не так ли?
 Значит, нужно держаться, чтобы не провалить свой план,
 Держаться невозмутимо, уверенно и достойно,

ДАВИД ФОНКИНОС

Скрывая улыбкой муку, терзающую сердце,
Крик, рвущийся из горла.

Этого быть не может!

Она оставляет здесь все —

Отца и Паулу, могилу матери,

Воспоминания детства и юности,

А самое главное, Его — Альфреда,

Свою вечную и единственную любовь,

Его, который стал для Шарлотты всем,

Ее возлюбленным, ее душою.

Альфред с трудом подавлял овладевшее им смятение.

Обычно словоохотливый, сейчас он упорно молчал.

Его чувства были слишком глубоки, чтобы выразить их словами.

Густой паровозный дым обволакивал толпы людей.

Вокзальный перрон, как никогда, походил на пристань —

Идеальная декорация для прощания навсегда.

Альфред собрался что-то тихо сказать Шарлотте.

Она подумала: он шепнет, что любит меня! —

Но нет.

Она услышала нечто другое, гораздо более важное —

Слова, с которыми будет жить до самого конца,

Которые станут девизом, опорой ее стоицизма:

Не забывай никогда: я верю в тебя, Шарлотта!

Часть шестая

1

Приникнув к окну, Шарлотта глядит на перрон,
Исчезающий там, позади. Ветер безжалостно треплет ей волосы.
В купе раздается сухая просьба:
Фройляйн, будьте любезны, закройте окно.
Она подчиняется и садится на место,
Глядя, как за окном мелькает пейзаж, и стараясь сдерживать слезы.
Кто-то из пассажиров с нею заговорил, она отвечала скупой,
Желая свести беседу на нет.
Вероятно, ее сочли невежливой, может быть, даже грубой,
Но ей все безразлично, пусть думают что хотят.
Это уже не имеет значения.

На французской границе у нее проверили паспорт
И спросили о цели ее путешествия.
Я хочу навестить заболевшую бабушку.
Пограничник ответил сердечной улыбкой.
Как же это легко — притвориться милой арийкой.
В этом образе все так чудесно,
Это мир, где никто не плюет вам в лицо.
Мир Барбары,
Где вас любят, где вас привечают, где вас награждают,
Где вам даже сочувствуют: держитесь, мадемуазель!

Поезд прибыл в Париж.
Шарлотта на миг поддалась магии этого слова —
Волшебного слова «Париж»
И всего, что сулила ей Франция.

Но нужно бежать, чтобы не опоздать с пересадкой,
И Шарлотта едва успела найти свой вагон.
К ней опять обратились попутчики,
Но она развела руками: простите, не понимаю!
Вот в чем преимущество иностранцев:
Люди видят, что вы не владеете их языком,
И никто уже вас не тревожит.

Ее завораживал вид полей за окном.
Как же богата красками эта страна!
Ей известно, что этот же путь проделали и другие художники
В поисках света на солнечном юге Франции,
Золотистого колдовского света.
Суждено ли и ей испытать такой же восторг,
Если перед глазами еще не растаяло черное марево ужаса?
Но тут у нее засосало под ложечкой.
Как странно, что тело ее пробудилось.
Она голодна — значит все, что вокруг, реально?
Одна из попутчиц предложила ей яблоко.
Шарлотта с жадностью вгрызлась в яблоко,
Съела его целиком, с семечками и сердцевинкой.
Женщина удивилась:
Ничего себе аппетит у этой девицы,
Даже глядеть страшновато!
С чего это вдруг она так набросилась на обычное яблоко?

Приехав в Ниццу, Шарлотта навела справки,
Назвала конечную цель — Вильфранш-сюр-Мер.
Ей указали автобус, она села поближе к шоферу,
Боясь пропустить свою остановку, выйти не там, где надо.
Показала бумажку с адресом водителю автобуса.
Тридцать минут спустя он зна́ком дал ей понять: выходите!
Шарлотта вышла, сказав напоследок: merci.
И, оставшись одна, повторила беззвучно: merci.
Как приятно сейчас говорить на другом языке,
Особенно потому, что родной язык обещен.

Изгнание — это вопрос не только одной географии:
Французское слово «терси» также сулит ей защиту.

Она спросила дорогу у первой же встречной женщины.
Та прекрасно знала, где дом Оттилии Мур,
Как знали, конечно, все здешние обитатели.
Богатая американка прославилась в этих местах:
Она приютила в доме многих детей-сирот,
Дает им уроки танцев и циркового искусства.
Вам нужно подняться вон по тому серпантину,
А дальше уж будет нетрудно найти «Эрмитаж».

Жарко. Извилистая дорога круто взбегает в гору.
Ну же, последний рывок после этого долгого странствия!
Скоро Шарлотта обнимет своих стариков.
Она не смогла сообщить им о дне своего приезда,
Для них это станет сюрпризом.
Давно же она их не видела.
Наверно, они одряхлели
И вряд ли ее узнают.
Они расставались с подростком, а она уже стала женщиной.
И несмотря на печаль, ее гонит вперед нетерпение.

Наконец-то она добралась. Перед нею стоял «Эрмитаж» —
Великолепное здание на самой верхушке горы,
В окружении сада, подобия райских кущей.
Сквозь завесу листвы Шарлотта увидела играющих ребятшек,
Услышала детский веселый смех,
Но все не решалась нажать на звонок:
Ведь здесь ее ожидала совершенно иная жизнь.
Осталось преодолеть последние метры,
Чтобы шагнуть в неизвестность.

Однако какая-то сила удерживала Шарлотту:
Ей чудилось, что у нее за спиной
Кто-то властно зовет: обернись!

Шарлотта невольно взглянула назад и застыла на месте, Ослепленная царственным блеском Средиземного моря. Она в жизни не видела ничего прекраснее.

2

Еще несколько минут, и Шарлотта уже в саду.
Ее окружили детишки, шумно радуясь новой гостье.
Но Оттилия велела им уgomониться:
Нужно дать Шарлотте покой, она совсем обессилена!
Кухарка Виттория Брави приготовила ей лимонад.
Среди всей этой суматохи недвижны лишь старики.
Бабушка утирает слезы.

А Шарлотта совсем растерялась от такой бурной встречи,
Не успевает ответить на столько вопросов сразу:
Хорошо ли доехали?
Вы не очень устали?
Как поживают родители?
Что происходит в Германии?
Шарлотта лепечет: не знаю.
За последние двое суток она почти не раскрыла рта
И теперь потеряла дар речи,
Робеет от всех этих взглядов,
А главное, чувствует себя виноватой
В том, что она оказалась здесь.

Оттилии было понятно смятение Шарлотты.
Идем, дорогая, я покажу тебе твою комнату.
И они направились к дому под удивленными взглядами.
Она все так же меланхолична, констатировал дед
И добавил: в точности как ее мать.
Бабушка испепелила его яростным взглядом:
Она не желает этого слышать,
Не хочет знать, что он имеет в виду!

Но при этом сама понимала: он прав.
 Это сходство просто сразило ее:
 Шарлотта — вылитая Франциска,
 Похожа на мать и чертами лица, и манерой держаться.
 Их связывает общее свойство — печаль.
 И встреча, сулившая радость, не обрадовала стариков,
 Она обернулась боязнью дурного исхода.

3

Шарлотта забылась сном на много часов,
 Но среди ночи проснулась, вышла из дому
 И стала бродить по саду — босиком, в белой ночной рубашке,
 Наслаждаясь чувством свободы в эту первую ночь во Франции.
 Она любовалась пылью созвездий в пепельно-синем небе,
 Гладила нежно деревья, вдыхала цветочные ароматы,
 Потом, растянувшись в траве,
 Устремила взгляд в небесную бездну:
 В контурах облаков ей привиделось лицо Альфреда,
 И ее охватило мучительное желание.

Шли дни, а Шарлотта была все так же неразговорчива.
 Ее считали здесь слишком замкнутой.
 Дети прозвали ее молчуньей,
 Им так хотелось бы с ней поиграть,
 Но пока что она соглашалась лишь их рисовать.
 Оттилия утверждала, что она чрезвычайно талантлива,
 Больше того — говорила: у нас обитает гений.

Американка все время поощряла Шарлотту к творчеству,
 Покупала ее рисунки, чтоб помочь заработать на жизнь
 (Не просто рисунки, а именно ее),
 Ухитрилась достать ей бумагу, и это в разгар войны.
 Поистине, щедрость Оттилии Мур не знала границ.
 На всех сохранившихся снимках она улыбается,
 Даром что в этой улыбке чудится что-то странное.

В Вильфранш-сюр-Мер о ней до сих пор вспоминают.
В 1968-м ее замечательный дом снесли.
Вместо него соорудили огромный «престижный дворец».
Часть сада тоже исчезла, там сделали бассейн.
Выжила только пара раскидистых пиний,
Под сенью которых висели когда-то качели.
«Палаццо» надежно укрыто за неприступной стеной,
Преграждающей вход непрошеным посетителям —
Художникам и литераторам, почитателям Шарлотты Саломон.
Как же туда пройти?
Невозможно.
Место приюта, место спасения нынче закрыто для всех.

Один человек, увидев, как я тупо торчу у стены,
Предложил мне помочь.
Мы завели беседу, я спросил его имя,
И он мне представился: Мишель Везианó.
Я объяснил ему цель своего приезда; она его не удивила.
Он сказал, что один европеец разыскивал то же, что я,
Года три-четыре назад.
Да, он так и сказал: европеец.
Значит, не я один иду по следам Шарлотты.
Значит, мы образуем тесное братство —
Братство усталых путников, коих спасает Мишель.
Никак не пойму, приятно мне это сознание или мучительно.
Как же зовут моего собрата по розыскам?
Но Мишель не смог этого вспомнить.
Да и был ли он здесь вообще?
Я хотел бы увидеть всех тех, кто любил и любит Шарлотту.

Пока я стоял, размышляя, отворились ворота
И выехала машина с женщиной за рулем.
Оставив Мишеля, я к ней подбежал:
Мадам, добрый день, я писатель...
Да, я знала Оттилию Мур, я здесь живу с шестьдесят восьмого.
Я собрался ее расспросить, но она сердито меня оборвала:

Нет-нет, вы напрасно стоите здесь,
Все равно вас не впустит сторож.
Уходите, месье, вам тут нечего делать!
Эту старую даму, глупую и боязливую, раздражало мое присутствие.
Я старался внушить ей как можно мягче,
Что хотел бы лишь пару минут прогуляться по саду.
Раскрыл перед ней альбом фотографий военного времени,
Но она не желала на них смотреть:
Уходите сейчас же, иначе я позову сторожа!
Непонятно,
Откуда в ней столько враждебности?!

Делать нечего, я отказался от своего намерения.
На самом деле не так уж это и важно —
Все равно от прошлого здесь и следа не осталось.
Но встреча с этой особой мне помогла понять
Сорок третий год. Как все-таки странно,
Что именно здесь Шарлотту вскоре настигнет ненависть.

4

Она проводила дни напролет в мечтах о приезде Альфреда,
Без конца представляя, как он тут внезапно появится,
Ее возлюбленный,
Словно бог, возникший из ниоткуда.
А он, увы, все не ехал.
Чтобы его не забыть, она вспоминала их разговоры.
Каждое слово Альфреда живо в ее душе.
Самая точная память — память влюбленного сердца.

Никто в «Эрмитаже» не мог понять отчаяние Шарлотты.
Ей приходилось в одиночку бороться с демоном страха,
Выдавливая улыбку, лишь бы ее не тревожили.
А Оттилию Мур беспокоила главным образом бабушка:
Прежде она была такой жизнерадостной,

Часто смеялась, ей было все интересно.
Оттилия попросила Шарлотту развлечь старушку,
Но могут ли серые сумерки разогнать полуночный мрак?
Внучка и бабушка хорошо понимали друг друга,
Их сердца бились в едином замедленном ритме,
Тихо, как под сурдинку, как в плотном коконе ваты.
Этот стук стал почти беззвучным —
Так беззвучно и виновато дышат избежавшие смерти.

Они вместе гуляли по берегу моря.
Рокот волн позволял обходиться без слов —
Все равно теперь лучше было молчать,
Ибо вести извне становились все хуже и хуже.
Только что пришло сообщение об аннексии Польши
И о том, что Франция с Англией объявили войну Германии.
Старуха присаживалась на скамейку,
С трудом переводя дыхание.
Долгие годы она боролась за выживание,
Каждый день после смерти своих дочерей,
Но теперь жизнь утратила смысл:
Все поглотит эта война.

К ней вызвали доктора Мориди,
Это местная знаменитость.
Все нахваливали его обаяние и человечность.
Он брал высокую плату с богатых и гроши с бедняков.
Говорили, что доктор пользовал всех заезжих звезд —
Эррола Флинна¹, Мартину Кароль² и даже Эдит Пиаф.
И он же выхаживал Оттилию после автомобильной аварии —
Это было в начале тридцатых,
И с тех пор они были друзьями.
Вот поэтому американка к нему обратилась:
Пусть попытается вылечить бабку Шарлотты.

¹ *Эррол Лесли Томсон Флинн* (1909–1959) — знаменитый голливудский актер австралийского происхождения, кинозвезда и секс-символ 1930–1940-х гг.

² *Мартина Кароль* (1920–1967) — французская актриса театра и кино.

Врач приехал к ним в «Эрмитаж».
 Шарлотта, встретив его, повела к больной.
 Каково же было первое впечатление доктора?
 Да и можно ли это узнать?
 И все-таки я попробую представить себе тот момент.
 На мой взгляд, появление доктора Мориди
 Крайне важно для этой истории —
 Он сыграет огромную роль в жизни Шарлотты.
 Я пытаюсь представить себе Мориди в саду «Эрмитажа».
 На снимках, показанных его дочерью, он выглядит великаном.
 Воображаю детишек, задирающих голову, чтоб его рассмотреть.

5

Выйдя из комнаты бабушки, он ставит диагноз — депрессия.
 Больная упорно твердит, что весь мир погибнет в огне.
 Она больше не может и не желает жить,
 Давно ей пора уйти к дочерям.
 К двум моим дочерям, к двум моим дочерям, повторяет она,
 А потом говорит: это я во всем виновата.

Мориди прописал ей успокоительные,
 Настоятельно попросив не оставлять ее ни на минуту,
 Ни в коем случае не оставлять одну.
 Шарлотте было понятно, что это ее задача,
 Кто же еще возьмет на себя такую обузу?
 Ее дед и сам крайне слаб,
 Вдобавок его не очень волнует душевный кризис жены.
 В конечном счете Шарлотта сюда для того и приехала,
 Чтобы ухаживать за ними обоими.
 За убежище чем-то нужно платить,
 Так думает дед, глядя длинную белую бороду.

Мориди пожелал Шарлотте мужества
 И под конец заговорил о ее рисунках:
 Мадемуазель, я слышал, вы очень талантливы.

Здесь у нас слухи расходятся быстро.
О, это всего лишь наброски, лепечет она,
Рисунки для малых детей.
Ну так что же? Мне интересно взглянуть и на них.
Тронутая его добротой, Шарлотта глядит ему вслед,
Когда он уходит к другим пациентам.

Шарлотта осознавала всю серьезность их положения
И решила, что здесь поможет нечто вроде электрошока.
Лучше всего им втроем уехать из «Эрмитажа» —
Слишком долго ее старики живут на хлебах у Оттилии
И в результате утратили всякую самостоятельность.
Отношения с их благодетельницей портились на глазах,
И атмосфера в доме становилась просто гнетущей.
Увы, так нередко бывает —
Человек проникается ненавистью к тем, кто ему помогает.

С финансовой точки зрения их переезд возможен,
У стариков остались еще небольшие средства.
Покидая Берлин в тридцать третьем году, они продали
все, что имели.

Шарлотта отправилась в Ниццу, чтобы найти жилье,
И нашла на авеню Нойшеллер дом под номером два.
Он называется вилла «Евгения».

Оттилия тоже считала это самым удобным выходом,
Призналась, что их отношения не столь сердечны, как раньше,
Но попросила Шарлотту приезжать почаще,
Сообщать последние новости и рисовать в саду.
Не забудь, ты должна жить и для себя, добавила американка.
Жить для себя... мысленно повторила Шарлотта.

В день переезда они встретили на дороге солдат.
Это были последние, отбывавшие на восток, —
В этих краях давно не осталось мужчин.

Люди ждали начала военных действий, спрашивали:
 Где ж возвещенный нам апокалипсис?
 Зима на пороге, а вокруг все так же спокойно.
 Трудно даже поверить, что где-то идет война.

В Ницце, в новом жилище, наоборот, воцарился хаос.
 Переезд ничего не исправил.
 Бабушка целыми днями пребывала на грани безумия,
 Все реже и реже приходила в себя,
 Одержимая мыслью о смерти.
 Шарлотта нарисовала ее именно в это время:
 Она выглядит на рисунке до ужаса истощенной.
 Скорчилась в три погибели, словно желала скрыть свое тело.

Что касается деда, его портретов не существует.
 Потерянный, отрешенный, он стал попросту невыносим,
 Вспоминал непрерывно о юных годах, прожитых здесь же, в Ницце:
 Ах, как чудесно все было тогда!
 Он записался в университет, завел столько друзей,
 И что же осталось теперь?
 Ничего.
 Жена впала в безумие, Франция объявила войну.
 Дед рвался домой, в Германию, он тосковал по родине
 И поэтому стал раздражителен, груб, деспотичен,
 Донимал Шарлотту бесчисленными приказами,
 Сам не очень-то сознавая почему и зачем, —
 Этаким генерал, возглавляющий армию призраков.

6

Шарлотта не получала вестей от родных.
 Многомесячное молчание становилось невыносимым.
 Но вот наконец письмо от отца и Паулы —
 Его доставила в Ниццу Оттилия Мур.

Шарлотта пробежала глазами письмо, ища в нем имя Альфреда.
Может, он там упомянут
И она наконец-то узнает о нем?
Для Шарлотты это важнее всего остального.
Но нет.
Ничего.
Никакого Альфреда.
Она внимательно перечитала письмо —
Вдруг он спрятался где-нибудь меж запятыми.
Нет.
О нем ни единого слова.
Никакого упоминания.
Ей, как прежде, неведомо, где он
И жив ли еще.

Шарлотта снова прочла письмо, строку за строкой.
Его написала Паула,
В нем она рассказала, как они жили последние месяцы.
Собирались съехаться с нею во Франции,
но это теперь невозможно.
Один друг, пустив в ход свои связи, достал им
фальшивые документы,
Они улетели вместе с ним в Амстердам,
Бросив на родине все — дом и имущество.
И вот так, в чем были, оказались в Голландии.
К счастью, несколько старых друзей бежали туда еще раньше.
Теперь они держатся вместе, тесной берлинской семьей.
Паула старательно избегала описания ужасов,
Но Шарлотта умела читать между строк.
Представляла растерянного отца,
Принужденного к бегству, словно он вор,
Живущего в нечеловеческом страхе —
В страхе ареста, тюрьмы и расстрела.
В лагере он уже видел, как *эти* походя могут убить.

Шарлотта всегда считала отца воплощением жизненной силы.
 Боготворила Паулу, в зените певческой славы.
 Может быть, хоть теперь они проживут спокойно?
 Но как долго это продлится?
 Слава богу, они там вместе! — с облегченьем вздохнула Шарлотта.
 Как хотелось ей их увидеть!
 Но теперешняя свобода родных ей казалась убогой:
 Выживать, а не жить — что может быть хуже!
 И письмо причинило ей боль.
 В нем было полно умолчаний,
 Говоривших о том, что она — в стороне.

Бабушка даже не стала вникать в эти вести.
 Она уловила только одно —
 Фальшивые документы и бегство.
 Они скоро умрут! — объявила она.
 Ты свихнулась! — вскричал раздраженный дед.
 Девушка очутилась меж двух огней.
 Упросив деда выйти из комнаты,
 Она попыталась унять старуху,
 Но та продолжала выкрикивать мрачные пророчества:
 Все они скоро погибнут!
 И мы все скоро умрем!
 Шарлотта ласково утешает ее —
 Так утешают ребенка, увидавшего страшный сон:
 Все будет прекрасно... теперь им ничто не грозит.
 Но старуха ее не слышит, не хочет слышать:
 Смерть бродит вокруг! Смотрите: она повсюду!
 И лучше нам умереть, пока она к нам не пришла!
 Бессвязно бормочет еще несколько фраз
 И неожиданно утихает.
 Безумие нахлынуло и ушло,
 Его хаотичные ритмы непредсказуемы.
 Утомленная этим взрывом, бабушка вдруг засыпает.
 Лишь спасительный сон ограждает ее от самой себя.

7

Через пару недель придет еще несколько писем,
Но и этой связи с родными скоро придет конец.
На дворе уже тысяча девятьсот сороковой,
И почти полгода назад Франция тоже вступила в войну.
А в Ницце все затаились и молча следят друг за другом.
Внезапно Шарлотте почудились странные звуки в ванной.
Она бросилась посмотреть, что там происходит,
Но бабушка заперлась на ключ.
Шарлотта барабанила в дверь, умоляя ее открыть, —
В ответ никакой реакции,
Только хриплые стоны,
Прерывистые... стихающие...
Шарлотта отчаянно вскрикнула,
Из последних сил выбила дверь.
Старуха висела в петле.

Внучка еле успела ее спасти.
Она вцепилась в тело, они обе рухнули на пол,
И тут появился дед.
Как всегда, первым делом начал кричать:
Что ты натворила?!
Ты не имеешь права!
Ты не должна покидать нас вот так!
А ты, Шарлотта, куда смотрела?
Чем ты занималась?
С ума ты сошла — оставить ее одну!
Если она умрет, в этом будет твоя вина!
Тебе ничего невозможно доверить, ты идиотка!

Шарлотта не слушала обвинений деда,
Первым делом ей было нужно уложить бабушку на кровать.
Та внезапно пришла в себя, приподнялась,
Провела рукою по шее.

След удушения выглядел страшно —
 Борозда багрового цвета.
 Теперь этот жуткий цвет превращался в иссиня-черный.
 Бабушка побрела к себе в комнату,
 Отталкивая Шарлотту, хотевшую ей помочь.
 Почему ты мне не дала умереть? — спросила она у внучки.
 Шарлотта пробормотала, рыдая:
 У меня только ты и осталась!

8

Целыми днями Шарлотта ухаживала за бабушкой,
 Ни на минуту не оставляя ее одну.
 Распахивала ставни в комнате,
 Описывала ей небосвод, красоту небосвода:
 Смотри, какой чистый, лазурный цвет!
 Да, отвечала старуха
 И любовалась небом, деревьями и цветами,
 Чудесными красками лета, приносящими радость.
 Скоро мы будем с тобою гулять по берегу моря.
 Обещай мне, что будем гулять! — заклинала Шарлотта.
 Каждое ее слово целительно, словно бальзам, врачующий раны.
 Они часами беседуют, не разнимая рук.

Ну а дед? Его возмущали эти «слюнявые» утешения.
 Хватит с меня, надоело! — крикнул он как-то Шарлотте.
 Она его не поняла.

Дед возбужденно шагал по комнате,
 Не силах сдержать накипевшую ярость,
 Да, именно ярость.
 И вдруг обратился к внучке с неистовым монологом:
 Довольно с меня этих самоубийств!
 Я больше не в силах сносить их, ты слышишь?

Началось это с матери твоей бабушки:
Она ежедневно пыталась покончить с собой.
Каждый день, и так восемь лет кряду, ты представляешь?
А потом тот же самый кошмар с ее братцем:
Говорили, что он был несчастлив в браке,
Но я сразу увидел, что он попросту полоумный —
Ни с того ни с сего начинал хохотать, поди знай почему!
Твою бабушку все это очень печалило.
Кто-то верно сказал: в каждом доме свой псих...
Все же я его навещал — вплоть до дня,
Когда этот помешанный бросился в воду.
У него была дочь, она отравила себя вероналом,
Вероналом —
Без всякой серьезной причины.
А был еще дядя, не будем о нем забывать!
Да, у бабушки был еще дядя,
Этот выбросился из окна!
И ее сестра... и супруг сестры!
В общем, всех не упомнишь.
Семейка самоубийц.
У меня уже сил больше нет!
Понимаешь?
А недавно все то же с ее племянником,
Последним в семье. Ты не была с ним знакома.
Как еврей, он лишился работы в лаборатории
И покончил с собой...
Самоубийство... такого не пожелаешь врагу!
Бедняга, я хорошо его помню,
Он был такой симпатичный,
Ни разу ни на кого не повысил голоса.
Ну и вот вам: теперь он гниет на кладбище,
От него осталась лишь горстка костей.

...

А наши дочери!
Дочки!

...

Ты слышишь?
Наши любимые дочки!

...

Твоя тетка Шарлотта,
Моя милая дочь...
Я ее обожал.
Она ходила за мной по пятам
Буквально как тень.
Она меня слушала.
Желая мне угодить, изображала античную статую,
И вдруг...

Конец.
Все кончилось.

В восемнадцать лет она бросилась в реку.

Вот так-то.
И я не смог...
Мы не смогли поехать на кладбище,
Иначе пришлось бы похоронить нас в той же могиле.
Твоя бабка и я — мы тогда уже умерли.

А потом твоя мать...
О, как же она горевала,
Ты даже представить не можешь!
Она лишилась любимой сестры,
С которой была неразлучна.
Их сравнивали окружающие:
Сестры были похожи как две капли воды.
Твоя мать была неутешна,
Но скрывала это от всех,
Крепилась, как только могла,
Старалась быть сильной вдвойне,
Старалась быть сразу двумя дочерьми.
Твоя мать была очень добра.
По вечерам она пела,

ДАВИД ФОНКИНОС

Это было прекрасно и грустно.
А потом вышла замуж за твоего отца,
Этого фанатика медицины.
К счастью, у них родилось дитя,
Девочка, олицетворение жизни,
Внучка моя,
Ты,
Шарлотта...

Дед на минуту умолк.
Последнее он произнес полупшепотом —
Не все можно выразить криком.
Он в упор взглянул на Шарлотту

И продолжал, повышая голос,
Срываясь на крик:
Ты...
Ты... Шарлотта!
ШАРЛОТТА!
Ты была таким прелестным ребенком.
Но тогда почему?
Почему?

У нас оставалась лишь твоя мать,
Твоя мать и ты.
Она не должна была так поступать.
Кто угодно мог добровольно уйти из жизни,
Но не она.
Это было невысказано.
Выбросилась из окна...
Из окна нашего дома!
Ты слышишь меня?

А ведь ты ночевала там — после...
Как нам было с тобой тяжело!
Мы отводили глаза, чтоб не видеть твоих.
Я помню твое тогдашнее личико:

Ты все время ждала возвращения мамы,
Высматривала ее в небесах.
Она ведь сказала тебе, что станет там ангелом,
Но нет!
Ее обуял злой демон,
И она убила себя.
Да-да, твоя мать — тоже убила себя!

А твоя бабка — она почему
Больше не хочет жить?
Ну а как же я?
Подумала ли она обо мне,
О том, что будет со мной?
Ты меня слышишь?

Я больше так не могу!

Я так не могу

Больше.

...

9

Шарлотта в ужасе кинулась прочь.
Последних слов деда она не услышала.
Он кричал ей вслед, умоляя вернуться,
Но она уже мчалась опрометью по авеню Нойшеллер.
Перекресток тюльпанов...
Куда же теперь?
Где ей найти спасение?
Она еле дышала, но, собрав все силы,
Устремилась в сторону моря.
Только к морю... только туда...
Там можно не видеть того, чего не хочешь.
Она пробежала по пляжу,
Ступила в холодную зимнюю воду

И быстро пошла вперед.
Море уже поглотило ее колени, талию, плечи...
Шарлотта почти не умела плавать.
Еще пара шагов, и она станет добычей стихии.

Одежда намокла, отяжелела
И стала тянуть в глубину,
Волны почти смыкались над нею.
Шарлотта глотала соленую воду.
Подняв глаза к небу, она различила лицо —
Это было лицо ее матери.
Неужто он там, ее долгожданный ангел?
Он так отчетливо виден.
Значит, ей предстоит умереть?
Она безвольно ушла под воду,
Как вдруг в ней ожили воспоминания:
Она, еще маленькая, ждет не дождется письма от мамы.
Господи, что за глупость — эта история с ангелом!
В сердце Шарлотты вспыхнула ярость,
Это и выбросило ее на берег:
Нет, она не умрет, утопившись!

Задыхаясь, Шарлотта бессильно упала на гальку.
Значит, вся ее жизнь стояла на этом обмане?
Я их ненавижу, они меня предали — все!
Все мне лгали!
Всегда, каждый миг.
Знали правду, а сами молчали.
Все всё знали, кроме меня! — выкрикивала Шарлотта.
Бессвязные звуки сливались в какофонию,
Она не могла облечь их в нормальные фразы.
Где найти такие слова,
Что смогли б описать этот ужас —
То, что ей довелось узнать,
То, о чем нельзя и помыслить.
Никогда, никогда, никогда

Не найти ей такие слова!
 Да и есть ли на свете слова для подобных трагедий?!

Теперь ей стала понятна странность, с рождения жившая в ней,
 Этот неистребимый ужас перед разлукой, уходом,
 Уверенность в том, что она никому не нужна.

Так что же ей делать?

Рыдать, умереть... или все же смириться?

Шарлотта приподнялась и снова упала на камни,
 Изломанной куклой лежит на пустынном пляже.
 Спускается ночь, но теперь уже все иначе:
 Эта ночь осенит своим мраком только ее.

Шарлотту трясло от февральского холода.
 На коленях она доползла до Английской набережной,
 Так, словно вплавь добиралась от судна до берега,
 И побежала обратно по улице,
 Помчалась вперед, бесшумно, как призрак, не оставляя следов, —
 Промокшей тенью, вернувшейся к жизни.

Ей казалось, что старики ее ждут,
 Но нет, они спали, и ей было странно на это глядеть.
 Окна комнаты были распахнуты,
 Лунный свет согревал их постель.
 Этот свет был так мягок, почти благодатен, —
 Какой контраст с недавними перипетиями!
 Бабушка с дедом заснули, как примерные дети.
 Шарлотта села на стул возле их кровати
 И забылась сном рядом со стариками.

10

Несколько дней прошло во вновь обретенном покое.

Если можно назвать часы и минуты мирными,
 То теперь даже их жесты — мирны.

Бабушка расчесывала волосы Шарлотты,
Такого она не делала уже многие годы,
И теперь они обе переживали мгновения радости.
Шарлотта никак не решалась задать ей вопрос:
Почему ей никто никогда ничего не сказал?
Почему?
Но Шарлотта хранила молчание —
Ей не хотелось слушать объяснения стариков.
Да и к чему они ей?

Лучше уж наслаждаться этим коротким покоем.
Похоже, что бабушка наконец-то утихомирилась,
Если, конечно, это не было очередной уловкой,
Чтоб усыпить бдительность внучки-тюремщицы.
Бабушка не забыла о своей собственной матери:
Безумие не оставляло ту ни на миг
И за будущей самоубийцей все неустанно следили.

Шарлотте хотелось надеяться, что теперь все пойдет иначе
Она сама стала матерью для собственной бабушки,
Неделями оберегала, успокаивала старуху.
Их связывало какое-то неодолимое, сильное чувство,
И девушка поддалась иллюзии безопасности.
Однажды ночью она внезапно проснулась,
Открыла глаза — рядом с ней никого.
Как же бабушке удалось, не разбудив ее, встать с постели?
Обычно Шарлотта спала очень чутко,
А тут старуха сошла с постели совершенно беззвучно,
Словно она испарилась.

И в это мгновение Шарлотта услышала жуткий звук —
Глухой и зловещий звук. Что-то упало.
Шарлотта, все вдруг поняв, рванулась к окну.
Дед тоже проснулся,
Можно сказать, мгновенно стряхнул с себя сон.
Что? Что там случилось? —

Вскричал старик.
 В его голосе редко звучал такой панический страх.
 Впрочем, как и Шарлотта, он понял, в чем дело.

Из окон квартиры они ничего не увидели —
 Внутренний двор был темен, словно глубокий колодец:
 Лунный диск, озарявший последние ночи, исчез, как назло.
 Оба выкрикивали имя пропавшей бабушки,
 Звали ее, раз за разом, сами не веря в спасение.
 Быстро найди свечу! — наконец приказал ей дед,
 И Шарлотта, дрожа от ужаса, сбегала за свечой.
 Они бесшумно спустились по лестнице.
 Во дворе на них налетел резкий холодный ветер, —
 Нужно прикрыть от него слабое пламя свечи.
 Медленными шажками они пробирались вперед.
 Шарлотта шла босиком, вдруг ступила в какую-то жидкость,
 Нагнулась, держа свечу,
 И увидела лужицу крови.
 Вскрикнула было, но тут же ладонью прикрыла рот.
 Дед тоже нагнулся.
 Но теперь он смолчал.

11

Трое суток тело бабушки покоилось на кровати.
 Странно: смерть почти не изменила бабушкино лицо —
 Она давно уже выглядела такой.

Шарлотта плакала неутешно,
 Плакала за двоих — у деда не было слез.
 Мориди им помог с организацией похорон,
 Оттилия Мур взяла на себя все расходы по погребению.
 Похороны прошли восьмого марта сорокового года.
 На них привезли всех детей-сирот, живших тогда в «Эрмитаже»,
 И это сделало церемонию чуточку менее мрачной.

ДАВИД ФОНКИНОС

Дети были так рады снова увидеть Шарлотту,
Окружили ее, горячо обнимая.

Гроб опустили в землю.
Все проходило до странности мирно,
И только сознание деда, кажется, помутилось.
Он словно не сознавал, кого они здесь хоронят.
Потом, приходя в себя, говорил:
Я не помню дня, когда б ее не было рядом,
Да и жил ли я без нее?

По окончании церемонии Оттилия их пригласила к себе,
Но Шарлотта и дед предпочли вернуться домой,
Им хотелось побыть одним.
Они медленно побрели по кладбищенским тихим аллеям,
На ходу Шарлотта читала на плитах имена ушедших людей.
Ее осаждали смутные образы, их было трудно осмыслить.

Дед, с виду подавленный, вдруг начал ворчать,
В нем просыпалась боль, переходящая в гнев,
В тот неумный гнев, что побудил его открыть правду Шарлотте
И он разразился яростными словами,
Начал вопить, впадая в полное бешенство,
Хватая ее за рукав.
Что с тобой? — спросила девушка, измученная этой драмой.
Почему дед вцепился в ее рукав?
Что еще ему нужно?
Он безжалостно стиснул руку Шарлотты.
Она попыталась вырваться, оттолкнуть его, но не хватило сил.
Это что за вопрос? — кричал ей старик. —
Что со мной? Ты это хочешь узнать?
Посмотри!
Посмотри вокруг!
И наконец произнес ужасную фразу:

Чего же ты ждешь, чтоб покончить с собой, как она?

Часть седьмая

1

Шарлотта сообщила родным о бабушкиной кончине.
Паулу очень встревожил душевный настрой ее падчерицы:
Каждое слово в письме было пронизано жгучей тоской,
Даже от запятых веяло тяжелой печалью.
Паула с трудом подбирала сочувственные слова для ответа.
Но могли ли слова заменить живое присутствие?
Нужно просто быть рядом, обнять и утешить.
Шарлотте было физически больно от разлуки с отцом и Паулой,
Она уповала на то, что это совсем ненадолго,
Но прошло уже больше года,
А надежды на встречу по-прежнему нет.

Ответ, пришедший к Шарлотте, станет последним письмом,
Больше она никогда не получит вестей от отца и Паулы.
На границах страны беспокойно; наконец они вовсе закрылись.
Живущим во Франции немцам велели пройти регистрацию.
Властям и без этого ясно, что все они только беженцы,
Однако теперь их причислили к вражеской нации,
И французское государство намерено их депортировать.

В июне сорокового года Шарлотту и деда сажают в поезд,
Идущий в район Пиренеев, а именно в лагерь Гюрс,
Этот лагерь когда-то построили для испанских беженцев.
А как же поступят с ними?
Шарлотта помнила лицо отца после лагеря Заксенхаузен.
Теперь вокруг нее лица растерянных немцев.
Переезд занял много часов,
И это усугубило панический страх неизвестности.

Неужели ее ждет смерть?

В их семье ни одна из женщин не спаслась от жестокой судьбы.

Тринадцать лет отделяют смерть мамы от смерти ее сестры,
И столько же лет пролегло между гибелью мамы и бабушки.

Да, ровно такой временной интервал

И почти одинаковый способ, что выбрали эти трое, —

Падение в пустоту.

Смерть женщин в трех возрастах —

Девушка, мать семейства, старуха...

Неужто же первый, второй или третий не стоил того, чтобы жить?!

Сидя в поезде, везущем их в лагерь, Шарлотта пустилась в расчеты:
 $1940 + 13 = 1953$.

Вот он — год ее самоубийства, 1953-й...

Если она не погибнет раньше.

2

По прибытии поезда в Гюрс семьи разъединили.

Деда отправили в группу немцев-мужчин.

Он выглядел самым старым из них,

Патриархом всех этих призраков.

Шарлотта умоляла жандарма оставить деда при ней:

Старик слишком слаб, чтобы жить без нее, и к тому же он болен.

Не положено. Вас отправят в барак для женщин, это приказ.

И Шарлотте пришлось подчиниться.

У парня дубинка в руке, а рядом сторожевая овчарка.

Шарлотте понятно, что лагерь — не место для рассуждений.

Она оставила деда и встала в шеренгу женщин.

Среди них находилась и Ханна Арендт¹.

¹ *Ханна Арендт* (1906–1975) — немецко-американский философ еврейского происхождения, политический теоретик и историк, основоположница теории тоталитаризма.

В Гюрсе ее поразило отсутствие всякой растительности,
 Как будто ее специально начисто уничтожили,
 Чтобы зеленый пейзаж сменился безжизненно-лунным.
 Тщетно она изучала местность, ища хоть какие-то краски.
 Что-то мучило девушку вплоть до физической боли.
 Ее отношение к миру стало полностью эстетическим:
 Она без конца рисовала — не на бумаге, а мысленно,
 И творческий пыл, вопреки всему, в ней не угасал.

Уродство лагерной жизни отравляло собой все вокруг.
 В их бараке вместо кроватей только груда гнилых тюфяков.
 Все бытовые условия — полная катастрофа.
 Каждую ночь узницы слышали крысиный писк и возню.
 Крысы шныряли повсюду, даже по головам,
 Но самое страшное все же было не это.
 Страшнее всего охранник, ходивший вокруг барака.
 Он мерно вышагивал взад-вперед, водя своим фонарем,
 И пленницы изнутри различали полоску света,
 Невыносимый знак его ночного присутствия.
 Это могло продолжаться и час, и гораздо больше.
 Каждая женщина знала: в конце концов он войдет.
 Да, вот он уже и вошел,
 Распахнул настежь дверь и бродит между матрасами,
 Слепя лежащих женщин своим фонарем.
 Пес обнюхивает узниц, лижет добычу хозяина,
 Виляет хвостом, радуясь их общей власти над ними,
 Чувствуя, как никогда, что он лучший друг человека.

Охранник являлся в женский барак каждый вечер.
 Это был излюбленный ритуал,
 Он искал, какую из них изнасиловать,
 А строптивую мог застрелить.
 Узницы ждали, скорчившись и содрогаясь от ужаса.
 Наметив одну из них,
 Он водил лучом фонаря по лицу и по телу женщины,
 Поколебавшись, переходил к другой.

Их ужас его распял еще больше.
Сегодня он выбрал рыжеволосую девушку:
Эй, ты, вставай и иди за мной!
Несчастливая подчинилась
И покорно ушла с ним в соседний барак.

3

Так прошло много недель
Между страхом и оцепенением.
Все говорили лишь об одном — о наступлении немцев,
О мгновенном разгроме французской армии.
Как же такое могло случиться?!
Шарлотта потрясена этой новостью.
Неужели нацисты вторглись в страну, где она обрела приют
В ту страну, где она теперь в заключении?
Значит, бедам ее не видно конца?

К счастью, южная часть страны не затронута оккупацией,
Ее называли «свободная зона»,
Но свободная для кого?
Уж явно не для Шарлотты.
Слава богу, ей разрешили хотя бы увидеться с дедом.
Старик почти целый день лежал на своем тюфяке,
Чудовищно исхудавший, совсем лишившийся сил.
При кашле у него изо рта сочилась струйками кровь.
Иногда он даже не узнавал Шарлотту.
В испуге и полной растерянности
Она взмолилась о помощи к персоналу.
Горе девушки пробудило жалость одной из медсестер,
Она обещала узнать, что для них можно сделать,
И не обманула Шарлотту: как это ни странно.
Лагерное начальство решило их отпустить.

Значит, теперь им можно надеяться на спасение!
 Она сообщила деду, что этот кошмар окончен:
 Они вновь заживут в «Эрмитаже», дедушка там отдохнет.
 Она гладит его по руке, и он наконец улыбается.
 С завтрашнего дня они могут покинуть лагерь.
 Однако французские поезда больше уже не ходили,
 И у Шарлотты остался один-единственный выход:
 Нужно пешком одолеть несколько сот километров,
 Пройти через Пиренеи с упрямым больным стариком.
 И они пустились в дорогу, чуть не плаваясь от адской жары.

Двумя месяцами позже, по другую сторону горной цепи,
 Покончит с собой философ Вальтер Беньямин.
 Он узнал, что лиц без гражданства не пропустят через границу,
 И внушил себе, что его арестуют.
 Беньямин годами скитался, как загнанный зверь, и безумно устал.
 Принял морфий и умер.

Вспоминаю его слова, в которых звучит прощание:
*«Счастье для нас представимо
 Лишь в воздухе, коим мы дышим,
 Или среди людей, живших бок о бок с нами».*
 Вот так немецких гениев разбросало по горам на чужбине.
 Ханне Арендт, к счастью, все-таки удалось покинуть Европу.
 Шарлотта очень любила Вальтера Беньямина.
 Она прочла его книги, обожала слушать его по радио.
 Одно из его изречений может выразить суть ее творчества:
«Настоящая мера жизни — это воспоминание».

4

В дороге они пытались остановиться на отдых,
 Но их, как правило, никуда не впускали.

Никто не желал давать приют «этим немцам».
Наконец им предложил помочь один молодой человек,
Беженец и, как они, уроженец Берлина,
Уверявший, что знает место, где можно найти ночлег.
Но в дороге, дождавшись ночи, он потащил Шарлотту в канаву.
Дед в это время присел отдохнуть и ничего не видел.
Шарлотта сопротивлялась, собрав последние силы,
Вцепилась ногтями в лицо своего обидчика,
И тот наконец удрал, осыпав ее ругательствами:
Идиотка! Сама не знаешь, чего тебе надо!

Приведя в порядок одежду,
Шарлотта вернулась к деду, не промолвив ни слова.
Она давно научилась скрывать от других обиды,
Даже самые свежие, самые жгучие.
Давно научилась лучше, чем кто-либо, маскировать свою боль.
Что толку от жалоб, если несчастья идут сплошной чередой.

Но вот наконец постоянный двор, куда их впустили на ночь,
Однако в комнате для ночлега есть только одна кровать.
Шарлотта решила спать на полу,
Но старик уперся: внучка и дед вполне могут спать вдвоем.
Он объявил, что это вполне нормально.
Поняла ли она?
Да, ей ясно, чего он хочет.
Дед велел ей раздеться, лечь и прижаться к нему.
Мир обрушился вокруг Шарлотты.
Куда ей теперь деваться?
Она вышла, сказав ему: я хочу подышать воздухом.
Дождалась, когда он уснет, и тогда лишь вернулась в комнату.

Села на пол в углу и, уткнувшись лицом в колени,
Предалась воспоминаниям, чтобы скорее заснуть, —
В них единственное прибежище, где еще сохранилась нежность.
Вспоминала голос Паулы, жар поцелуев Альфреда

И, зажмурившись, уходила мечтами в царство красоты.
 Пред ее мысленным взором всплыла картина Шагала,
 Она ее восстановила — усердно, во всех подробностях, —
 И долго-долго блуждала среди его теплых красок,
 Пока наконец не соскользнула в сон.

Шарлотте уже было ясно, что так продолжаться не может:
 Дед пожирал глазами тело внучки, ее движения.
 К счастью, ей указали автобус, идущий вдоль побережья,
 И через двое суток они оказались в Ницце.
 К всеобщему утешению, приехали в «Эрмитаж»,
 Где их ждал радушный прием, —
 Ведь о них так давно ничего не слыхали.
 Обессиленная Шарлотта ушла в комнату, чтобы поспать.
 Через какое-то время к ней заглянула Оттилия,
 Легонько погладила лоб Шарлотты,
 Та открыла глаза,
 И из них брызнули слезы.
 Шарлотта давно отвыкла от проявлений сочувствия.

Оттилия понимала, что девушке нужно помочь:
 Теперь ей была известна история этой семьи.
 А Шарлотта плакала безутешно, не в силах остановиться,
 Ведь она месяцами крепилась, удерживаясь от слез.
 Наконец она снова заснула,
 Но даже во сне то и дело судорожно всхлипывала.
 Оттилия видела, как по ее лицу пробегают мрачные тени —
 Тени пережитого.
 Она знала, как потрясли Шарлотту недавние испытания —
 Самоубийство бабушки, рассказ о такой же гибели матери,
 Потом пребывание в лагере и трудный обратный путь.
 Оттилию удручала эта скорбная сага изломанной жизни.
 Она всей душой стремилась хоть как-то помочь Шарлотте.
 Нужно спасти ее, исцелить, думала американка,
 Если еще не поздно.

5

По ее же совету Шарлотта пришла к доктору Мориди.
Его кабинет находился в центре Вильфранш-сюр-Мер.
Он принимал больных прямо в своей квартире.
Кика, дочь Мориди, родилась в сорок первом году.
Она проживает в этой квартире,
Поселившись там после смерти родителей.
Договариваясь о встрече, я даже представить не мог,
Что она сохранила нетронутым все в кабинете отца.

Благодаря ей я воочию увидел интерьер 1940 года
И смог описать его в этом романе.
На двери кабинета еще сохранилась табличка:

ДОКТОР Ж. МОРИДИ
Прием с 13.30 до 16.00

Я долго рассматривал каждую вещь в кабинете.
Кика и ее муж были очень любезны.
Дочь Мориди не могла, разумеется, помнить Шарлотту,
Однако ее отец часто о ней вспоминал.
Что же он говорил?
Она уверенно отвечает: говорил, что она безумна.
Меня удивляет не сам диагноз,
А то, что он прозвучал прежде всего остального,
Но Кика тотчас же добавляет: безумна, как и все гении.
Да, ее отец уверял, что Шарлотта — истинный гений.

Вслед за Оттилией Мориди тоже проникся любовью к Шарлотте.
Восхищался ею, лечил, наблюдал. Его роль в ее жизни бесценна.
Наведываясь в «Эрмитаж», всякий раз беседовал с ней,
А приезжал он довольно часто,
Ибо дети-сироты нередко болели.
Но Шарлотта, с ее творческим, тонким чутьем, его поражала.
На Рождество она рисовала поздравительные открытки,
На них ребятишки спускались с небес

Или, напротив, пытались взлететь на луну.
 Что же затронуло доктора в этих рисунках?
 Скорее всего, сочетание силы и детской наивности,
 То есть попросту благодать, — так он тогда подумал.

Мориди осмотрел Шарлотту, пощупал ее пульс,
 Расспросил о жизни в лагере Гюрс.
 Она отвечала невнятными междометиями.
 Врач был встревожен ее состоянием, но сумел это скрыть,
 Прибег к такой отговорке: ты нуждаешься в витаминах.
 Шарлотта стояла понурившись, не говоря ни слова.
 Поколебавшись, Мориди продолжал:
 Тебе нужно писать картины.
 Шарлотта вскинула голову.
 Тебе нужно писать картины! — повторил Мориди.

Врач сказал ей, что верит в нее и в ее талант.
 Он не просто ее утешал, а хотел, чтоб она встряхнулась:
 Шарлотта, ты не должна безвольно плыть по течению.
 Если чувствуешь боль, выражай ее на холсте, на бумаге!
 И эти слова глубоко ее потрясли.

Мориди продолжал ее ободрять,
 Приводя убедительные аргументы,
 Перечисляя рисунки, которые больше всего ему полюбились.
 В тебе слишком много такой красоты, которой не грех
 поделиться с другими!
 Шарлотта жадно слушала Мориди.
 Все, что он говорил, было созвучно ее ощущениям.

И вдруг перед нею возникло лицо Альфреда,
 Живое, как никогда,
 И вспомнились те слова, что он ей сказал на вокзале.
 Как могла она их забыть?!
 Да, ей нужно жить ради творчества,
 Нужно писать картины, чтобы не впасть в безумие.

6

На обратном пути ей дышалось легко и свободно.
В этот день родилась ее книга «Жизнь? Или Театр?». На ходу она собирала образы своего прошлого. Чтобы выжить, ей нужно изобразить собственную историю. Это единственный выход.

И Шарлотта твердила себе раз за разом:

Я должна вернуть к жизни умерших.

Но на этой фразе она осеклась:

Вернуть к жизни умерших...

Для этого мне придется еще глубже уйти в одиночество.

Значит, нужно дойти до последней черты, чтоб понять:
Искусство — единственный способ существования.
То, что сказал Морида, она ощущала и прежде,
Но где-то в себе, глубоко, не понимая сути,
Словно бы плотское опережало рассудок.
Прозрение есть осознание смутно известных истин,
Это дорога, которая ждет любого художника,
Путь в темноте, измеримый часами, а то и годами,
Ведущий к моменту, когда наконец-то ты сможешь
сказать себе: начинай!

Она готовилась умереть, а начала улыбаться.

Теперь ничто ее не пугало,

Ничто не было страшно!

Как редки произведения, созданные в таких условиях,

В такой глухой изоляции от внешнего мира,

Когда все предельно прозрачно и ясно!

Она уже точно знала, что и как будет делать;

И теперь ни кисти, ни карандаш не дрогнут в ее руке.

Запечатлеть воспоминания в романической форме,

В длинных текстах, с картинками-иллюстрациями,

Чтобы эту историю можно было читать и смотреть.

То есть нужно будет писать и картины, и тексты.

Их единство — вот идеальный способ выразить все *целиком*
Или, вернее, *полностью*.

Только такое единство способно объять весь мир.

Это созвучно с определением Кандинского:

«Создать произведение — значит создать некий мир».

Он и сам тяготел к синестезии¹,

К интуитивному сочетанию смыслов.

Его выбором красок руководила музыка.

«Жизнь? Или Театр?» — переключка соощущений:

Живопись, слово, а к ним еще музыка.

Вот он — союз тех искусств, что врачуют погибшую жизнь,

Выбор, необходимый для возрождения прошлого.

В этом вихре сливаются сила и творческая интуиция.

Что происходит при встрече с произведением искусства?

Рождение всеобъемлющего эстетического восторга.

И я теперь постоянно думаю о Шарлотте,

Ее жизнь превратилась в мое наваждение.

Я изучил ее краски, все места, где она бывала в реальности

и в мечтах,

И проникся любовью ко всем Шарлоттам на свете,

Хотя больше всего люблю «Жизнь? Или Театр?».

Это жизнь, пропущенная через фильтр творчества,

Чтобы создать иную, образную действительность.

Свидетели ее жизни стали ее персонажами

И, как в театре, представлены зрителю в самом начале действия:

Альфред Вольфзон выступает под маской Амадеуса Даберлона,

Семья Саломон получает фамилию Канн,

О себе Шарлотта рассказывает только в третьем лице.

Подобная отстраненность выглядит необходимой,

Так можно добиться реальной свободы повествования

И позволить фантазии развернуться в полную силу.

¹ *Синестезия* (соощущение) — двойное ощущение (*психол.*).

Таким образом, форма романа проникнута полной свободой. К рисункам и текстам приложены музыкальные дополнения — Звуковая версия этого повествования.

В качестве иллюстраций к нему — Бах, Малер и Шуберт, Или же попросту народные песни Германии.

Она окрестила свое творение немецким словом *Singenspiel*, Что означает «пьеса с музыкальными номерами».

Значит, театр и музыка, но есть еще и кино,

И «раскадровка» текста сделана в духе Мурнау¹ и Ланга².

Книга вобрала в себя все виды и жанры искусства,

Но все они растворяются в блеске ее самобытности

И образуют единый и самобытный сплав.

Однако пора начинать.

Шарлотта нам предлагает «способ употребления»³ книги, Можно сказать, мизансцену этого нового замысла.

Создание данных картин нужно представить так:

Вот женщина, она сидит на морском берегу

И занимается живописью,

Как вдруг ей на ум приходит мелодия.

Она начинает ее насвистывать

И тут понимает, что музыка эта созвучна

Тому, что она пытается выразить на бумаге.

У нее в голове возникает и текст,

И она распевает мелодию на собственные слова,

Еще и еще,

Поет во весь голос, пока не кончает картину.

Под конец она объясняет настрой своей героини:

Ей нужно было хоть ненадолго исчезнуть из мира людей,

¹ Фридрих Вильгельм Мурнау (наст. имя Фридрих Вильгельм Плумпе, 1888–1931) — немецкий кинорежиссер эпохи немого кино.

² Фриц Ланг (Фридрих Кристиан Антон Ланг, 1890–1976) — немецкий кинорежиссер.

³ Отсылка к роману Жоржа Перека «Жизнь, способ употребления».

И достаточно выйти за дверь, чтобы увидеть море.
Эта комната представлялась мне райским укромным приютом.
В действительности она больше похожа на камеру,
И стены из голого кирпича усугубляют сходство.

Марта слышала, как ее гостья работает, *напевая*.
Да, именно так она выразилась.
Шарлотта пела, садясь за мольберт.
Мелодии ей служили аккомпанементом к рисункам.

По словам хозяйки отеля, Шарлотта редко куда-то ходила,
Целые дни напролет посвящала работе.
Захваченная ураганом своих навязчивых мыслей,
Вспоминала слова Альфреда, каждое слово,
В точности повторяя его пылкие монологи.
Изводила сотни листов, рисуя его лицо
По памяти, без модели — сквозь долгие годы разлуки,
В непреходящем экстазе. Это творческое наваждение
Связывало Шарлотту с незабываемым прошлым.

Я хожу по комнате номер один под удивленным взглядом портье.
Тиссем — так зовут молодую особу — пытается мне помочь,
Хотя, скорее всего, считает меня странным типом.
Еще бы: стою, благоговейно взирая на эти облезлые стены,
И вдобавок хочу разузнать, сохранил ли отель архивы.
От нынешнего хозяина я не добился ответа.
Его величают Марен¹.
Разве нужно морское имя, чтобы стать владельцем отеля?
Но главное: будет ли памятная табличка на двери этого номера?
Даже не знаю, с чего я заиклился на табличках,
Когда для начала неврдно бы отремонтировать комнату.
Я мог бы заняться этим,
Сделать все, чтобы здесь почитали стены, помнящие Шарлотту,
И не только ее, но бесплотные тени современников гения.

¹ Моряк, морской (*фр.*).

8

Временами Шарлотта заставляла себя ездить в Ниццу.
Дед жил там совсем один,
Целыми днями сидел на стуле, перебирая воспоминания.
Как-то летом сорок второго года она увидела объявление на стене:
Новый закон предписал евреям регистрироваться в префектуре.
Вернувшись к себе в «Бель Оро», она обратилась к Марте:
Как ей поступить?
По правде сказать, Шарлотта уже приняла решение —
Она пройдет регистрацию.
Марта спросила: зачем? Ведь это полный абсурд!
Но Шарлотта не согласилась: закон есть закон.

В назначенный день она отправилась в Ниццу.
К дверям префектуры тянулась длинная очередь.
Это ее утешило: значит, все соблюдают правила.
Люди были прилично одеты, влюбленные держались за руки.
Солнце нещадно палило, ожидание затянулось.
Внезапно на площадь въехала колонна автобусов.
Все испуганно переглянулись,
Но тут же начали успокаивать друг друга:
Мол, что тут такого страшного?
А Шарлотте пришел на память ад лагеря Гюрс.
Что, если эта «невинная» перепись им угрожает арестом?
Нет ничего ужасней, чем снова туда угодить.
Говорили, что на евреев была облава в Париже,
Но разве известно, что именно там происходит,
Что творится в Германии или в Польше?
Никто ничего не знал.
Шарлотта давно не имела вестей от отца и Паулы,
Очень давно,
Ничего не знала о них.
Господи, хоть бы они были живы!
Она вспоминала о них каждый день.

ДАВИД ФОНКИНОС

И об Альфреде, ее Амадеусе, —
Ведь он не от мира сего, ему невозможно спастись.
Нет, только не это!
Ей страшно даже подумать о смерти Альфреда,
Такого не может быть!

Откуда-то вдруг появились жандармы,
В один миг они оцепили площадь,
Теперь никому не удастся сбежать.
Шарлотте все ясно: это ловушка.
Как могла она быть настолько наивной,
И она, и все остальные?!
Ведь на них ополчился весь мир,
Так с чего же сегодня должно быть иначе?!

Прозвучал приказ: садитесь в автобусы!
Все бросились к полицейским с вопросами:
Куда нас везут?
В чем мы провинились?
Спокойствие вмиг превратилось в панику.
Жандармы, стараясь ее погасить,
Держались невозмутимо:
Это просто обычный контроль.
Вам не о чем беспокоиться.
Вот так... заходите спокойно в автобус.
Как только рассядетесь, вам принесут питьевую воду.

Шарлотта села в автобус вместе с другими,
Думая лишь об одном — о своих рисунках.
А вдруг она не вернется?
Что с ними будет?
К счастью, она доверяла Марте,
Знала: Марта их сохранит.
Но все-таки... все-таки...
Они ведь еще не закончены,

Они далеко не закончены.
Можно ли было воображать, что впереди много времени?
Она же изгнанница, беженка,
Отверженная, зачумленная.
Если в этот раз обойдется, ей нужно закончить работу
Как можно скорее.
Это ужасно, если она не успеет ее завершить.

Один из жандармов поднялся в автобус.
Его взгляд упал на Шарлотту,
Он пристально посмогнул на девушку.
Почему?
Что во мне такого особенного? — спросила себя Шарлотта.
Ничего...
Я ничего плохого не сделала.
Тогда почему...
Почему он так смотрит?
В чем дело?
Сердце Шарлотты бешено заколотилось,
Того и гляди она потеряет сознание.
Что с вами, мадемуазель?
Она не в силах ответить.
Он коснулся ее плеча
И сказал, желая ее успокоить:
Не волнуйтесь, все обойдется.
Он обратился к ней лишь потому, что нашел хорошенькой.

Вставайте, идите за мной!
Шарлотта оцепенела от ужаса,
Не может пошевелиться.
Наверное, он развратник,
Как тот, в лагере Гюрс, что насилует девушек каждую ночь.
Да, конечно, именно так.
Иначе зачем бы он выбрал ее?
В автобусе все остальные — мужчины.

Он хочет ее изнасиловать,
Да, это так,
Не иначе.
Однако же взгляд у него такой мягкий,
Он, похоже, не очень уверен в себе.
На висках у него заблестели мелкие капельки пота.
Он настойчиво повторил: выходите, мадемуазель!
И добавил еще: пожалуйста!
Шарлотта не знала, что ей и думать.
Молодость парня и вежливый тон слегка ее успокоили,
Но можно ли верить сейчас хоть кому-то из них?

Наконец она встала и покорно пошла за ним следом.
Сойдя с подножки, он тихо шепнул ей: идемте!
Еще несколько метров, они уже за углом,
И вдруг он сказал ей: теперь уходите,
Идите быстрее, не оглядываясь.
Шарлотта застыла на месте, и он повторил: быстрее!
И тут до нее дошло:
Он попросту хочет ее спасти.
Она не знала, что ей сказать в благодарность,
Да и некогда подбирать слова,
Нужно спешить.
И Шарлотта пошла —
Медленно, а потом ускоряя шаг.
На какой-то улочке Ниццы она наконец оглянулась.
Позади — уже никого.

9

Шарлотта вернулась в отель, и теперь все пошло по-другому:
Она жила в лихорадочной спешке,
Нужно было работать, не тратя времени даром.
Рука Шарлотты не знала усталости:

Десятки страниц одних только текстов.
 Она должна написать историю всей семьи,
 Пока еще не слишком поздно.
 Последние иллюстрации сделаны явно наспех,
 Как будто автор не рисовал, а в панике мчался куда-то.
 Эта безумная гонка меня потрясает:
 Вторая часть книги — творчество на краю бездны.
 Загнанная, истощенная, Шарлотта не думала о себе.
 Губила, сжигала себя. До конца.

Одно из писем Шарлотта завершила такими словами:
*Я вжилась в роли всех персонажей пьесы.
 Исходила все их дороги.
 Так я стала самой собой.*

Особенно поражает меня последний ее рисунок:
 Шарлотта изобразила себя на морском берегу.
 Она видна со спины,
 На спине мы видим название: «Leben? Oder Theater?»¹
 Так, на самой себе, она завершила книгу, чьим сюжетом была
 ее жизнь.

Этот образ имеет странное сходство с одной из ее фотографий:
 Шарлотта пишет картину на самой вершине горы,
 Которая возвышается над Средиземным морем.
 Она с недовольным видом глядит в объектив,
 Словно фотограф ворует частицу ее вдохновения,
 Миг ее жизни, посвященный союзу с природой.
 Шарлотта как будто сливается с травами и цветами
 Под чарующе ясным небом,
 Чье сияние напоминает последнюю фразу Гёте.
 Поэт, в преддверии смерти, воскликнул: больше света!

Ибо, чтоб умереть, нужен сияющий свет.

¹ «Жизнь? Или Театр?» (нем.)

10

Час за часом она сортировала рисунки,
Наводя порядок в своей истории,
Нумеруя созданные недавно картины,
Добавляя последние музыкальные иллюстрации.
Все это уместится в три пакета,
На которых Шарлотта напишет: Property of Mrs Moog¹,
Ибо ее работа должна отойти к Оттилии,
Если самой ей придется бежать, если ей суждено умереть.
А пока она делала все возможное, чтобы сберечь свой труд,
Спрятать его в надежное место.

Шарлотта сложила пакеты в большой чемодан,
Окинула скромный гостиничный номер прощальным взглядом.
Ее снедало особое чувство —
Радость, смешанная с печалью.
Работа готова, и вот передышка от каторжного труда.
Перед ней вдруг возник окружающий мир, почти позабытый.
О, как он прекрасен, когда ты глядишь вокруг,
Когда можно покончить с самокопанием!

Прощание затянулось надолго.
Шарлотта крепко обнимала Марту, горячо ее благодарила,
Но им пора расставаться.
И она пустилась в дорогу, пешком, с чемоданом в руке,
Направляясь в Вильфранш-сюр-Мер.
Повстречался ли кто-то Шарлотте в тот день,
Когда она несла в чемодане труд всей своей жизни?

Два года спустя после осмотра она снова пришла к Мориди.
Он — единственный человек, которому можно довериться.
Оттилия Мур уехала в Соединенные Штаты.

¹ Собственность миссис Мур (англ.).

Перед лицом реальной опасности она покинула Францию,
 Увозя в своем большом лимузине девятерых детей,
 А также двух коз и свинью.
 Направилась в Лиссабон, чтобы сесть там на пароход.
 Как хотелось Шарлотте уплыть в США вместе с ними!
 Прошу вас, возьмите меня! — умоляла она.
 Но это никак невозможно:
 В отличие от детей Шарлотте был нужен паспорт.
 Смирившись, девушка подарила Оттилии
 Свои рисунки — на память и на прощание.
 Та не знала, как ее благодарить,
 Сказав, что эти рисунки *стоят дороже золота*.
 В жизни Шарлотты американка сыграла важнейшую роль,
 Была ей и матерью, и меценаткой,
 И Шарлотта, через Мориди, преподнесла ей свое творение,
 Посвятив Оттилии Мур.

Шарлотта стоит перед домом врача.
 Звонит в его дверь.
 Мориди открывает ей сам.
 А, это ты, Шарлотта, говорит он.
 Она молчит.
 Смотрит на него.
 Потом протягивает ему чемодан
 Со словами: *здесь вся моя жизнь*.

Благодаря Мориди до нас дошла эта фраза —
ЗДЕСЬ ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ.
 Что Шарлотта имела в виду?
 Я отдаю вам произведение, где рассказана вся моя жизнь?
 Или: я отдаю вам произведение, такое же важное, как моя жизнь?
 Или еще: это вся моя жизнь, ибо жизнь моя кончена?
ВСЯ моя жизнь...
 Эти слова не дают мне покоя,
 И, наверное, все варианты верны.

ДАВИД ФОНКИНОС

Мориди не стал открывать чемодан.
Он нашел для него надежное место,
Можно даже сказать, что спрятал.
Его дочь показала мне место, где книга хранилась.
Я застыл перед этим реальным свидетельством прошлого.
На редкость сильное ощущение.
Здесь вся моя жизнь.

Часть восьмая

И оставил на лбу чудовищный шрам.
В нем сочетались два странных свойства:
Он вел себя как покровитель,
Но в конечном счете его опекали другие.

Шарлотта считала, что он чересчур уж высок —
Приходилось задирать голову, обращая к нему,
Хотя она редко к нему обращалась:
При встречах в саду они, как правило,
Обменивались улыбками и расходились молча.
Но вот наступил ноябрь, и ситуация изменилась:
Германия оккупировала южную зону Франции,
И теперь этих двух беглецов объединяла опасность.
Они стали сближаться, иногда даже касаясь друг друга.

2

Шарлотта по-прежнему навещала деда,
Но их встречи всегда кончались плачевно:
Увидев ее, он выкрикивал непристойности,
И в конце концов она в ужасе убегала.
Увы, дед — единственный родственник, оставшийся у нее
Александр утешал Шарлотту,
А иногда и брался сопровождать.
Разумеется, дед не выносил этого самозванца,
Оставшись наедине с Шарлоттой, устраивал ей разнос:
Только не говори, что этот австриец тебе приглянулся!
Не вздумай с ним спать — это исключено!
Ты меня слышишь?
Какой-то бродяга...
Не забывай же, что мы — Грюнвальды!
Ты должна взять в мужа человека нашего круга!

Шарлотта считала это нелепым:
Дед жил иллюзорным, исчезнувшим миром,

Но она не хотела ему перечить
 И слушала все, что бы он ни сказал, —
 Ведь ее воспитали в глубоком почтении к старшим.
 Буржуазное воспитание — тоже обломок прошлого,
 А обломками прошлого следует дорожить,
 Делать все, чтоб они сохранились хоть как-то.
 Эта абсурдная кротость помогала ей помнить о детстве.

И она отвечала ему: да, конечно!
 И думала: я не люблю Александра,
 А она его очень любила,
 Он был нужен ей, нужна его жаркая преданность,
 Только вряд ли это была любовь.
 Шарлотта любила лишь одного мужчину,
 Все того же, на веки вечные,
 Но был ли он в ее жизни?!

Как-то раз дед почувствовал острую боль,
 Вышел из дому, пошел в аптеку,
 Добрался туда, но упал перед дверью
 И умер, прямо на улице.
 Узнав эту новость, Шарлотта вздохнула с таким облегчением,
 Словно тяжесть свалилась с плеч.
 Сколько раз она в мыслях желала, чтоб дед ушел...
 Неужто Шарлотта ускорила это событие?
 Позже, в одном из писем, она призналась, что отравила деда.
 Правда ли это?
 Или снова театр?
 Это невероятно и все-таки допустимо,
 Если вспомнить о том, сколько горя он ей принес, —
 Постоянные нагоняи, и презрение к ее творчеству,
 И сексуальные домогательства.

Я веду переписку с почитателями Шарлотты,
 В частности с Даной Плейс, внучатой племянницей Оттилии.

Мы обсуждаем с ней эту тему,
Вероятность этого рокового деяния,
Настоящий роман в романе.

Шарлотта стоит у могилы деда,
Где покоится и ее бабушка.
Теперь они соединились навеки,
Эти любители древних руин и праха бывшего.
На кладбище стало совсем безлюдно,
Да и кто навещает мертвых во время войны?
Наконец и Шарлотта ушла, оглянувшись в последний раз.
Так иногда поступают, прощаясь с живыми.

3

В конце сорок второго года Франция полностью оккупирована.
Бывшую «свободную зону» поделили немцы и итальянцы.
Департамент Приморские Альпы занят войсками Италии.
Они не проводят расовую политику своих немецких союзников,
Поэтому толпы евреев хлынули в район Ниццы —
Почти единственное убежище, оставшееся в Европе.
Здесь Александр и Шарлотта в сравнительной безопасности,
Но только надолго ли это?

Они без конца обсуждали ход текущей войны:
Когда ж наконец американцы решатся на высадку?
Шарлотта уже решила не тешить себя надеждами —
Ведь она с тридцать третьего года уповала на лучшее будущее,
А сбывалось все самое худшее.
Она поверит в Освобождение только тогда,
Когда здесь взвьется американский флаг.

То и дело в их разговорах возникали неловкие паузы
Или нечаянные слова, сказанные невпопад.
Не потому ли однажды они обнялись,

Чтобы заполнить молчание?

И тому и другой трудно было решиться на первый шаг,

Как же все-таки это случилось?

Дело шло к неизбежной развязке,

Однако ими руководил отнюдь не слепой порыв —

То был медленный, но неуклонный процесс.

Беседуя, они садились все ближе и ближе друг к другу,

Пока наконец их губы не встретились в поцелуе.

Теперь Шарлотта уже не девочка, ей двадцать шесть лет.

В апреле они вдвоем с Александром отметили день рождения.

В лавке старьевщика он отыскал маленькую рамку

И вставил в нее один из рисунков Шарлотты.

Ее растрогал этот подарок, незатейливый, но прекрасный.

Вот уже много лет, как никто ее не обнимал.

Шарлотта почти забыла о том, что она женщина.

Где они — те минуты, когда Альфред целовал ее, встав на колени,

Когда любимый мужчина желал ее, брал, истязал ее ласками?

Куда они канули, эти мгновения?

И отчего же ей так неприятно желание Александра?

Она отвергала порывы его возрастающей страсти,

Его ласки были почти мучительны для Шарлотты,

Она отталкивала его.

Что же с нею творилось?

Она не могла ответить,

А он думал: это моя вина, я должен уйти, исчезнуть,

Не понимая, что и Шарлотту тоже снедает желание,

Просто она инстинктивно избегает всего, что похоже на страсть.

Но вскоре это прошло, и она отдалась любви.

Наступил опьяняющий миг:

Шарлотта взяла его руку,

Большую мужскую руку, неуверенную, но сильную,

Провела ее сверху вниз,

И из ее груди вырвался стон наслаждения.

4

Отныне любовь поглощала их ночи и дни.
В одичавшем саду все служило расцвету их чувственных ласк
Ароматы, деревья, полуденный зной,
Идеальная декорация для любовного забытья,
Рай для новых Адама и Евы.
Но Шарлотту что-то обеспокоило:
Ее одолели головокружения,
Не такие, как прежде, — от любовных страстей.
Она провела рукою по животу
И застыла, ошеломленная:
Значит, вот как *это* бывает?
Думала ли она, что *такое* может случиться?
Тело казалось ей самой надежной крепостью,
Единственным рубежом, сберегающим от врагов,
Но вот непреложный факт: в нем зародилась новая жизнь.
Да, она, несомненно, беременна.
Что ж, «беременность, сберегать» — это родственные слова.

Александр не помнил себя от счастья,
Как мальчишка, ходил на руках по саду.
Ах, если бы мир был так прост, как он!
Ему непонятны чувства Шарлотты.
Как ему объяснить, что можно испытывать счастье и страх
И что счастье неотделимо от страха?
Ее неотступно терзали мысли о матери.
Давно позабытые чувства снова проснулись в ней.

Не правда ли, это чудесно? — спрашивал Александр.
Шарлотта молчала. Ей было трудно
Сразу поверить в счастье,
Свыкнуться с тем, что возможна счастливая жизнь —
Жизнь с мужчиной и с их ребенком.
Не правда ли, это чудесно? — опять восклицал Александр.
Да, конечно, это чудесно.

Часами они выбирали имя для дочери:
 Шарлотта была уверена в том, что родится девочка.
 Нина, Эрика, Анаис...
 Они оба предвосхищали жизнь своего ребенка.
 Будущее обретало конкретные очертания,
 Но своим первым долгом Александр считал их брак,
 Он хотел, чтоб они поженились.
 У меня своя шкала ценностей! — провозглашал он гордо,
 Я обязан жениться на той, что ждет от меня ребенка!

5

Мориди и его жена были свидетелями на их свадьбе.
 Это слово «свидетели» здесь имеет особый смысл:
 Свидетели необходимы, чтоб подтвердить реальность события,
 Оформить документально любовь этих двух безумцев,
 Объявить о ней на весь свет, когда лучше всего — затаиться.
 В мэрии они указали свои данные и свой адрес.
 Больше того, для вступления в брак с Шарлоттой
 Александр признал, что он тоже еврей,
 Тогда как до этого жил во Франции по фальшивому паспорту.
 Зачем они это сделали? — Наступает такой момент,
 Когда невозможно уже притворяться, что ты призрак, никто.

Я долго считал, что именно брак привел их обоих к гибели;
 Сопоставлял события, и все как будто сходилось.
 Но мне предстояло узнать и другую версию их истории:
 Этот брак никоим образом не изменил их судьбу,
 Его нельзя приравнять к общественному протесту,
 И вот доказательство: оба остались жить в «Эрмитаже»,
 Там, где их ничего не стоило разыскать.
 Ведь им не грозила опасность под итальянским протекторатом,
 Им ничто не грозило, и они настолько в это поверили,
 Что даже вступили в брак и указали свой адрес.

Тем не менее ситуация со дня на день могла измениться.
Некоторые пытались помочь евреям бежать.
Самую смелую инициативу проявил Анджело Донати¹.
Этот политический деятель разработал планы спасения,
Согласовал их и с Ватиканом и с послами других государств,
Зафрахтовал корабли для отправки людей в Палестину.
Генеральный консул Италии поддерживал Донати,
Полностью отменил все антиеврейские акции,
Приказал итальянским карабинерам охранять синагогу,
Дабы предупредить набеги французской полиции.
В Ницце Донати опирался на помощь кюре Мари-Бенуа.
Все это создавало надежный заслон для евреев
И укрепило иллюзии наших молодоженов.

Но в сентябре сорок третьего года Италия капитулировала,
И контроль над южной зоной страны теперь захватили немцы.

6

Отныне евреям придется платить за то, что они существуют.
Для этого в Ниццу прислали одного из самых жестоких
высших чинов SS,
Возможно самого беспощадного; это Алоиз Брюннер.

От его биографии бросает в холодный пот.
Алоиз был щуплым брюнетом с курчавыми волосами,
Малорослым и кривобоком — одно плечо выше другого.
Несоответствие типу арийца усугубляло его свирепость,
Он усердствовал больше других,
Чтоб доказать чистоту своей крови.
Но в остальном Брюннер был вполне банальным субъектом,
Начисто обделенным харизмой, с тонким гнусавым голосом.

¹ *Анджело Донати* (1885–1960) — итальянский банкир еврейского происхождения, филантроп и дипломат.

Поскольку со всех сторон его окружают дома.
Кто-кто из жителей Ниццы мог смотреть в этот двор из окон —
Так сказать, из первых рядов — на жуткое зрелище казней.
Брюннера наверняка возбуждало присутствие публики,
Его палаческий дух нуждался в ее восхищении.

Он сформировал бригаду из четырнадцати подчиненных,
Нечто вроде командос — охотников за евреями,
Надеясь, что в префектуре выявит всех без труда.
Однако префект Шенью уничтожил все нужные списки,
А Брюннеру заявил, что их увезли итальянцы.
Эту святую ложь никак невозможно проверить.
Шенью таким образом спас многие тысячи жизней.
В ярости Брюннер начал лично охотиться на евреев.
Некоторые бежали, надеясь пройти через горы в Италию.
Если бы не хромота Александра, они поступили бы так же,
Но ему не под силу такой переход,
А кроме того, Шарлотта уже на пятом месяце.
И они решили остаться, укрывшись вдвоем в «Эрмитаже».
Усадьба так велика, никто их тут не заметит.

Брюннер назначил большую награду за каждый донос на евреев.
Не прошло и дня, как в отель поступили первые письма,
И потекли доносы.
Немцы взялись за работу.
Лучше хватать добычу прямо в постели, пораньше с утра.
Во двор «Эксельсиора» сгоняли растерянных стариков в пижамах
И женщин, — этих подвергнут осмотру немецких врачей.
Если они красивы, их тут же стерилизуют
И увезут на Восточный фронт, в солдатские бордели.
Но Брюннер все еще был недоволен,
Он хотел все больше, и больше, и больше.
Допрашивал арестованных с невероятной жестокостью,
Заставляя их выдавать членов своих семей:
Каждый еврей на счету.
Узнал, что в сельской гостинице живет известный писатель —

Тристан Бернар, ему было уже под восемьдесят.
 Хозяин отеля негодовал, возражая против ареста,
 Но тщетно: Бернара схватили и увезли вместе с женой.
 Сначала их отправили в Ниццу, оттуда в лагерь Дранси
 И выпустили только после ходатайств Гитри и Арлетти¹.

7

В Греции Брюннеру удалось депортировать
 До пятидесяти тысяч евреев,
 Здесь же, как он ни усердствовал, далеко до таких успехов —
 Арестованных набралось всего-то чуть больше тысячи.
 К счастью, доносы исправно шли непрерывным потоком:
 Слава богу, еще хватало французов, всегда готовых к услугам.

Утро двадцать первого сентября сорок третьего года.
 На сей раз это был не почтовый донос, а телефонный звонок.

Некая молодая женщина...
 Еврейка, беженка из Германии,
 Проживает в Вильфранш-сюр-Мер, говорит аноним.

...

Дом называется «Эрмитаж».
 Эрми... как?
 «Эрмитаж».
 Спасибо, я записал. Прекрасно!
 Удачного дня и еще раз спасибо!
 Не за что, я всего лишь исполнил свой долг.

Обычный донос среди сотен других...
 Вот так оно происходило —
 Донос без всякой причины.

¹ *Cashá Gitrí* (наст. имя Александр Жорж Пьер Гитри, 1885–1957) — французский писатель, актер, режиссер и продюсер. *Арлетти* (наст. имя Леони Батиа, 1898–1992) — французская актриса театра и кино, певица, модель.

Или все же причина была?

Но какая?

Шарлотта и Александр ничем никому не мешали,
Жили тихо, словно отшельники.

Может, кому-нибудь приглянулся их дом?

Нет, эта причина абсурдна —

Никто после них не владел «Эрмитажем».

Что же это тогда?

В чем смысл такого доноса? Да ни в чем.

Как ни странно, это зовут беспричинным поступком.

Кика, дочь Мориди, вспоминает об их аресте

Семьдесят лет спустя после этих событий.

Она повторяет то, что ей рассказал отец.

Внезапно в наш разговор вмешивается ее муж,

Говорит, что, вообще-то, известно, кто выдал немцам Шарлотту

Я пораженно смотрю на него,

Переспрашиваю, и он говорит:

Да, ходят такие слухи.

У нас в городках, в деревнях

Об этом нередко толкуют.

Люди бывают разные.

Такого я не ожидал

И даже не знаю, что думать.

Он уточняет: так говорила одна старуха,

Но этому верить нельзя.

Она выжила из ума,

И ей ничего не стоит приврать.

Мне трудно ему поверить.

Кто бы стал привирать в этом случае?

В Вильфранш-сюр-Мер есть люди, которые знают.

По прошествии стольких лет об этом все еще шепчутся,

А виновные мирно живут здесь годами,

Как живут они всюду в мире.
 Донос не грозит им карой,
 Но лучше о нем не болтать.
 Еще и сегодня люди молчат о том, что все они знают.

Я часто об этом думаю.
 Может, стоит продолжить расследование,
 Разыскать здесь дочь или сына того или той, кто донес?
 Но к чему?
 Разве это так важно?

8

С наступлением ночи в Вильфранш-сюр-Мер появляется грузовик,
 Тормозит в самом центре города, перед аптекой.
 Из него выходят два немца, уточняют дорогу.
 Немцам вежливо всё объясняют.
 Поблагодарив, они уезжают, довольные этой любезностью.
 Информатор ведь мог указать им неточный адрес
 Или предупредить Шарлотту, что за ней приедут.
 Он сдал ее из боязни или честно сотрудничал с наци?
 Она ведь живет в «Эрмитаже» не год и не два,
 И все местные жители знают ее.
 Так что же им двигало, этим субъектом?
 Вообще-то, девица слегка странновата —
 Не особо щедра на слова,
 И никак не поймешь, о чем она думает.
 Нет, не нашего поля ягода.
 Ну допросят ее, так какой же тут вред;
 В худшем случае увезут.

Выключив фары, немцы бесшумно подъехали к «Эрмитажу»
 И с двух сторон незаметно прокрались в сад.
 Как раз в эту минуту Шарлотта вышла из дому
 И столкнулась с ними лицом к лицу.

Бросившись на Шарлотту, они заломили ей руки за спину.
Она закричала от боли,
Попыталась вырваться и убежать,
Но один из немцев, схватив ее за волосы,
Нанес жестокий удар в живот.
Она застонала: я беременна!
Пожалуйста, отпустите меня!
Но им наплевать на ее мольбы.

Из дому выбежал Александр,
Кинулся к ним, чтобы вырвать Шарлотту из рук солдат,
Но что можно сделать под дулом ружья?!
В него прицелились, он отступил к стене,
А Шарлотте приказано собираться.
Она стояла в оцепенении, с опущенной головой.
Один из немцев толкнул ее к двери дома,
Но у нее подкосились ноги, она рухнула на траву.
Ее пинками заставили встать.
Александр рвался ее защитить, но его держали на мушке,
И он понял: Шарлотту сейчас увезут,
Только ее одну,
Он им не нужен —
Донос касался только ее.
Но это же невозможно!
Он им не позволит ее увезти, ее и ребенка.
Нет!
Александр посмотрел на немцев и крикнул:
«Арестуйте меня, я тоже еврей!»

Александр и Шарлотта пошли на второй этаж,
Чтобы собраться в дорогу.
Она решила взять с собой книгу, но это запрещено:
Только одежду и одеяло, да поживей!
Через десять минут их швырнули в кузов грузовика,
Взвыл мотор, и машина растаяла в утренней мгле.
Брюннер должен быть очень доволен.

9

Их привезли во двор отеля, куда сгоняли всех жертв облавы.

Слухи ходили самые страшные.

В доме слышались крики, порою гремели выстрелы:

Брюннер устроил камеру пыток возле своей спальни.

Иногда он вставал среди ночи, чтоб помочиться на еврея.

Из своего окна он разглядывал арестованных,

Наслаждался их страхом, отчаянием, их убитыми лицами,

Но в то же время он понимал, что нужно их успокоить, —

От этого будет зависеть успех переправки в лагерь.

Они не должны угадать, какова развязка программы,

Ему не нужны истерики и бессмысленное сопротивление.

И Брюннер вышел во двор, чтобы лично утешить пленных,

Заговорил с ними самым умильным голосом,

Который переходил в рычание, когда он расстреливал жертву.

Признался, что иногда он нервничал, допрашивая строптивых,

Но пусть господа не думают, что он им желает зла,

Пусть ведут себя благоразумно, и все будет превосходно.

Затем объявил, что в Польше для евреев создано государство:

Сейчас вы сдадите нам деньги, получите наши расписки,

И все будет возвращено, как только приедете в Краков.

Краковская община проследит за вашим устройством

И каждому подберет работу по специальности.

Кто же поверил этому?

Может быть, все они.

Ведь отца Шарлотты и вправду освободили из лагеря,

Да и сама она вместе с дедом вышла из лагеря Гюрс.

Людам хотелось надеяться.

Ранним утром, на пятый день, им предстоял отъезд.

Их повели на вокзал, куда уже подали поезд.

Местные полицейские помогали немцам с посадкой.

В этот состав поместили несколько сот человек.

Люди уже в вагонах, но поезд стоит у перрона.

Почему же их запихнули сюда, если он не отходит?
Потому что Брюннер еще не подал сигнал:
Может, хотел продлить удовольствие?
Люди, измученные жаждой, начали задыхаться.
Александр сказал окружающим, что его жена беременна,
И пленники, потеснившись, ей уступили местечко,
Шарлотта смогла присесть, хотя и сжавшись в комок.
Никто вокруг не услышал, что она про себя поет
Немецкую колыбельную, которую пели ей в детстве.
Состав наконец-то тронулся, и всем стало легче дышать.

10

Двадцать седьмого сентября сорок третьего года
их привезли в Дранси.
Шарлотту и Александра тотчас же разлучили.
Это транзитный лагерь,
Зал ожидания смерти.

11

Седьмого октября в четыре тридцать утра
Прозвучала команда: готовьтесь к отправке!
Каждый из вас должен проставить на багаже свое имя.
Это очередная иллюзия будущего благополучия.
Чтобы не сеять лишнюю панику, семьи воссоединили.
Шарлотта увидела Александра и поняла: он страшно ослаб.

На перроне стояли новые «пассажиры» —
Мужчины с дорогими чемоданами,
Одетые так, будто собрались на праздник,
Элегантные, в модных шляпах, с непринужденной осанкой;
Такие учтиво кланяются, встретив знакомую даму.

В обстановке всеобщей паники они сохраняли выдержку,
 Не выказывали страха, считая это постыдным.
 Главное, не выдавать врагу внутреннюю растерянность,
 Лишить его удовольствия видеть испуг в глазах.

Всех их везли в составе под номером шестьсот десять.
 В вагон для сорока пассажиров затолкали не меньше семидесяти —
 Разумеется, вместе с их багажом.
 Тут же больные, безумные и старики из приютов;
 Не верилось, что их отправляют в рабочие лагеря.
 Почему вместе с ними везут сумасшедших и умирающих?
 Это недобрый признак, так никого не обманешь.
 Один молодой человек сказал: нас везут на смерть, нужно бежать!
 И попытался выломать доску в полу вагона.
 На парня тут же набросились и оттащили прочь.
 Немцы ясно предупредили: если сбежит хоть один,
 Будут расстреляны все, кто ехал в этом вагоне.

Время тянулось мучительно медленно,
 А точнее, застыло на месте.
 Как ни странно, то тут, то там вспыхивала надежда,
 Правда, на очень короткий миг и далеко не у всех.
 Шарлотта себя убеждала, что встретится там с родными.
 Может быть, и Альфред тоже находится в лагере?
 Что он скажет, увидев ее замужней и вдобавок беременной?
 Как ни странно, больше всего ей не хватало отца.
 Сколько лет от него нет никаких вестей...
 Александру уже не под силу ее утешать,
 С каждым часом ему становилось все хуже,
 Язва сжигала желудок,
 Лицо стало мертвенно-бледным.
 Некоторые шептали: нужно притвориться здоровыми!
 Выходя на перрон, держитесь уверенно,
 Разотрите щеки, чтоб выглядели румяными, —
 В рабочие лагеря набирают лишь крепких людей.
 Но попробуйте выглядеть крепким после этих трех дней в вагоне.

Шарлотта и Александр старались ободрить друг друга.
На каждой остановке он бился за глоток воды для нее.
Шарлотта безумно боялась, что ее ребенок погибнет.
Ей чудилось, что он уже перестал шевелиться,
Как вдруг она ощутила толчок.
Похоже, младенец, как мать, собирал последние силы,
Чтобы остаться в живых. Так борются умирающие.

12

Наконец их состав подошел к станции назначения.
Вокруг стоял ледяной непроглядный мрак.
Как и перед отъездом, вагоны долго держали закрытыми.
Почему их не выпускают?
Почему не позволить им подышать свежим воздухом?
Но пришлось дожидаться рассвета,
Эта пытка продлилась около двух часов.

Но вот наконец-то затворников,
Оголодавших, измученных и растерянных,
Выпустили из поезда.
Густой предрассветный туман скрывал территорию лагеря,
Пленники даже не видели злобно рычавших псов,
Различили только одно — девиз на решетке ворот:
Arbeit Macht Frei —
Работа освобождает.

Им приказали построиться.
Александр и Шарлотта знали, что их сейчас разлучат,
Что им недолго осталось быть вместе.
Скоро всем сообщат, к какой группе они приписаны.
Некоторых сегодня избавят от немедленной смерти:
Ведь накануне был праздник, называемый Йом-Киппур¹,

¹ *Йом-Киппур* — День искупления, Судный день— в иудаизме самый важный из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов.

И нацисты его «отметили» на свой, особый манер,
Отправив в газовые камеры больше людей, чем обычно.
Вот почему в бараках много свободных мест.

Очередь двигалась медленно.

Что нужно *им* говорить?

Как удачней ответить?

Шарлотта решила сказать, что попала сюда по ошибке:

Она не еврейка, ведь ясно же видно —

Она не еврейка.

И, кроме того, пятимесячная беременность...

Ей нужно прийти в себя, отдохнуть в больнице.

Они не должны оставлять ее здесь.

Подошел и ее черед,

Но она, передумав, смолчала.

Немец с ней говорил, даже не глядя в лицо,

Велел назвать имя, фамилию

И дату ее рождения.

Следующий вопрос: какая у вас специальность?

Шарлотта ответила: рисовальщица.

Вот тут он, подняв глаза, посмотрел на нее с презрением:

Рисовальщица — это что?

Я художница, пояснила она.

Рассматривая Шарлотту,

Он задержал взгляд на ее животе

И спросил: вы беременны?

Она кивнула в ответ.

Немец не проявил ни грубости, ни любезности,

Равнодушно вписал в кондуит данную информацию,

Со стуком поставил печать на карточку Шарлотты

И указал на группу, к которой ее причислил

И которая состояла в основном из женщин.

Шарлотта, держа чемодан, медленно двинулась к ним,

Шла, то и дело оглядываясь на Александра.

ДАВИД ФОНКИНОС

Наступил и его черед.
Александра оформили много быстрее, чем ее,
И отправили в группу, стоявшую против женщин.
Проходя мимо них, он взглядом искал Шарлотту
И, увидев ее, прощально махнул рукой.
Еще несколько метров, и его поглотил туман.
Шарлотта больше его не видела.

Пройдет три месяца, и Александр погибнет от истощения

13

На здании было написано: здесь принимают душ.
Перед тем как войти в душевую, женщины сняли одежду
И развесили на крючках с номерами.
Надзирательница кричит во всю глотку:
Главное, не забудьте свой номер!
И женщины запоминают эту последнюю цифру.
Их заводят в просторный зал.
Некоторые держатся за руки.
Дверь запирают. Двойной поворот ключа. Как в тюрьме.

Резкий, мертвенный свет искажает нагие тела.
Шарлотта, с ее животом, выделяется среди женщин.
Она стоит неподвижно, глядя куда-то вдаль,
Словно навек отрешается от настоящего,

Чтобы увидеть *другое*.

Эпилог

1

В мае сорок третьего года Альберта с Паулой схватили в Голландии. Они выжили в лагере Вестерборк, став помощниками санитаров. Альберту было приказано стерилизовать еврейских женщин, Особенно тех, кто родился от смешанных браков. Сначала он наотрез отказался, потом решил пойти на обман: Сказал, что должен вернуться домой со своей ассистенткой Паулой, Чтобы взять в Амстердаме нужные инструменты. Их выпустили, они бежали И до конца войны где-то скрывались.

Сразу после войны стали разыскивать Шарлотту И после месяцев неизвестности узнали о ее гибели. В отчаянии Альберт и Паула во всем винили себя: Они не должны были отсылать Шарлотту во Францию.

В сорок седьмом году они решили пройти по ее следам, Чтобы узнать, как она прожила свои последние годы, И разыскали Оттилию, вернувшуюся в «Эрмитаж». Американка с ними делилась воспоминаниями о Шарлотте, О том, как развивались события — Самоубийство бабушки, Кошмар безумия деда, Затем ее брак с Александром. Кухарка Виттория принимала участие в разговоре: Ведь это она им готовила свадебный ужин. Она старательно описала меню И атмосферу того прекрасного вечера. Шарлотта была счастлива? — спросил ее Альберт.

Мне кажется, да, отвечала Виттория.
Им побоялись сказать, что Шарлотта была беременна,
Об этом они узнали значительно позже.

Был и другой свидетель, гораздо более важный, —
Это врач Мориди.
Его взволновала встреча с Альбертом и Паулой.
Он рассказал им, сколько чудесных часов провел
в разговорах с Шарлоттой,
Но умолчал о беспокойстве, внушенном ее душевным здоровьем,
О том, как его тревожило ее состояние.
Я так восхищался ею! — сказал под конец Мориди
Дрогнувшим от волнения голосом.

Несколько месяцев назад он отдал ее чемодан Оттилии:
Она сейчас съедит за ним в «Эрмитаж».
Мориди повторил слова, сказанные Шарлоттой:
Здесь вся моя жизнь.

Жизнь через призму искусства.
Альберт и Паула увидели «Жизнь? Или Театр?»,
И книга их потрясла до глубины души.

В ней явственно зазвучал голос их юной дочки.
Им почудилось, что Шарлотта здесь, сейчас, рядом с ними,
Их Лотта, потерянная многие годы назад.
Благодаря этой книге ожили воспоминания.
В ней история всей их семьи — и жизнь их обоих тоже.
Часами они разглядывали рисунки из этой книги,
В которой все они выступили как персонажи пьесы,
Вот веское доказательство, что они действительно жили.

2

Они вернулись назад, в Амстердам, город их новой судьбы.
После долгих раздумий Оттилия им уступила наследие дочери,
И теперь они изучали его долгими вечерами.

Кое-что в ее книге их насмешило, другое обидело,
 Но это была правда Шарлотты —
 Непреложная правда художника.
 Они не могли угадать ее тогдашние мысли
 И уж конечно не знали о страстной любви к Альфреду.
 Позже Паула скажет: это всего лишь фантазии.
 По ее словам, они встречались только несколько раз.
 Она не может поверить, что Шарлотта с Альфредом виделись тайно.

В том-то и заключается вся красота ее замысла:
 Где тут реальная жизнь?
 Где тут театр?
 И кто может знать всю правду?

Так протекали годы.

В Голландии Паула завела себе новых друзей из мира искусства,
 Вновь стала петь, жизнь постепенно наладилась.
 Некоторым гостям показывали рисунки Шарлотты,
 Вызывавшие неизменное изумление и восторг.
 Один любитель искусства дал совет: организуйте выставку.
 Почему такая идея до сих пор не пришла им в голову?
 Это будет достойная дань памяти ее таланту.

На подготовку ушло много времени: нужно было создать каталог.
 И вот, в 1961 году, выставка наконец открылась.

Произвела фурор.
 Картины не только будили эмоции, они поражали
изобретательностью,
 Невиданной оригинальностью формы,
 Их теплые краски притягивали взгляд.
 Известность Шарлотты мгновенно пересекла границы:
 В последующие годы в Европе и даже в Штатах
 Проходило множество выставок.
 «Жизнь? Или Театр?» издали отдельной книгой

И перевели на несколько языков.

Альберт и Паула давали интервью телевидению.

Смущенные и трогательные, они сидели перед камерой,
Рассказывая о Шарлотте,

Говоря о ней как о живой.

Журналисты целыми группами устремились на юг Франции,
Чтоб расспросить очевидцев, в их числе и Марту Пеше.

Местных жителей не удивлял такой интерес к Шарлотте.

Хотя прошло уже два с лишним десятка лет,

Они как будто предвидели, что Шарлотту ждет слава.

Но у славы короткий век, и творчество — не исключение.

Со временем ретроспективы станут все более редкими,

Очень редкими, даже слишком, незаслуженно редкими.

Альберт и Паула старели, уже не могли заниматься

наследием дочери

В 1971 году они решили его передать

В Еврейский музей Амстердама.

Коллекция там и поныне, но не в постоянной экспозиции —
Большую часть времени она хранится в запасниках.

В 1976 году скончался Альберт.

Гораздо позже, в 2000-м, ушла из жизни Паула.

Их обоих похоронили на кладбище под Амстердамом.

3

А что же Альфред?

Один из учеников помог ему бежать из фашистской Германии.

В 1940-м он перебрался в Лондон и больше его не покинул.

После войны он снова начал преподавать.

Очень скоро его методика завоевала успех.

С ним считались, его уважали,
Словом, он жил полной жизнью.
Начал писать роман, опубликовал его.
Изжив в себе прошлые страхи, здравствовал до шестидесятых годов,
Больше не ощущая себя мертвым среди живых.
Прошлое виделось очень далеким, почти уже нереальным,
И ему не хотелось слышать о родине — о Германии.

Но вот, через общих друзей, Паула нашла Альфреда
И написала ему подробное дружеское письмо.
Ну и сюрприз — после стольких-то лет!
В ответном письме он ее заклинал не расставаться с пением,
Снова твердил, что она — величайшая из великих,
Но ни единым словом не помянул Шарлотту,
Словно предчувствуя худшее.

Спустя несколько месяцев снова пришло письмо.
Собственно, даже и не письмо,
А каталог выставки произведений Шарлотты.
К нему приложена и брошюра с ее биографией,
И то, что он знал, не зная, нашло свое подтверждение:
Шарлотта погибла в 1943 году.
Он начал листать ее книгу,
И ему стало ясно все значение этой жизни.
Вот рисунки, посвященные детству, матери, ее ангелам,
Затем появляется и Паула.
А дальше...

Альфред внезапно увидел себя —
На одном рисунке,
На двух,
На трех...
На каждой странице он обнаруживал свое лицо,
Свое лицо и свои слова,
И свои теории,
И все их беседы.

ДАВИД ФОНКИНОС

Он и представить себе не мог, что имел на нее такое влияние.
Похоже, Шарлотта была одержима и им самим,
и их общей историей.

Альфреда пронзила жестокая боль,
Похожая на ожог или страшный удар в затылок.

Он упал на диван
И пролежал в прострации несколько дней.

Год спустя, в 1962-м, Альфред в одиночестве умер.
Его нашли на кровати,
Он лежал одетым
И выглядел как человек, собравшийся уезжать.
Похоже, он знал куда и когда состоится встреча,
И это ему придавало спокойный и мирный вид,
Безмятежное выражение, столь редкое для него.
Женщина, что нашла умершего, провела рукой по его груди
И нащупала что-то в кармане,
Во внутреннем левом кармане, со стороны сердца.
Она бережно вынула то, что он там хранил,
И удивилась: всего лишь брошюра, буклет экспозиции.

Картины художницы... как ее там?

Шарлотта Саломон.

38041 пошл 27 рго 5 370
11154

Фонкинос Д.

Ф 77 Шарлотта : роман / Давид Фонкинос ; пер. с фр. И. Волевич. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 192 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-09929-6

Давид Фонкинос (р. 1974) — писатель, сценарист, музыкант, автор тринадцати романов, переведенных на сорок языков мира.

В его новом романе «Шарлотта» рассказывается о жизни Шарлотты Саломон, немецкой художницы, погибшей в двадцать шесть лет в газовой камере Освенцима. Она была на шестом месяце беременности. В изгнании на юге Франции она успела создать удивительную автобиографическую книгу под названием «Жизнь? Или Театр?», куда вошли 769 ее работ, написанных гуашью. Незадолго до ареста она доверила рукопись своему врачу со словами: «Здесь вся моя жизнь».

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

**ДАВИД ФОНКИНОС
ШАРЛОТТА**

Ответственный редактор Галина Соловьева
Редактор Дарья Мудролюбова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Светлана Федорова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.02.2016. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 10,08. Заказ № 7089/16.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
OCR Давид Титиевский, октябрь 2019 г., Хайфа
Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YAUM1795601R

Автор «Нежности» воссоздал жизнь Шарлотты Саломон, художницы, которую он обожает, в неожиданной литературной форме, напоминающей песнь-сагу. Это победа!

Culturebox

Судьба Шарлотты Саломон производит настолько сильное впечатление, что Давид Фонкинос, по собственному признанию, был не в состоянии писать две фразы подряд. Мы же читаем это произведение на едином дыхании, на одной эмоциональной волне.

Les Échos

Эта книга меня совершенно потрясла. Конечно, история жизни Шарлотты Саломон сама по себе производит завораживающее и трогательное впечатление. Но то, как Давид Фонкинос ее написал, — это просто фантастика!

MrsFoxy. www.amazon.fr

Фонкинос, сам замороженный этой судьбой, делает и нас участниками сообщества поклонников юной художницы Шарлотты Саломон, убитой в двадцать шесть лет. Обещание на рассвете...

Франсуа Бюнель. L'Express

Это трюк канатоходца. Это чудо!

Оливия де Ламбертьере. France 2

Давид Фонкинос бродит вокруг Шарлотты Саломон, будто она была его сестрой, матерью, его любовью. Будто и по сей день она является маяком его творчества, его жизни.

Жан-Поль Энтховен. Le Point

Виртуозная форма необычного повествования отлита чувством автора, в ней ощущаешь пульс бьющегося сердца. Прекрасная дерзость создателя романа «Нежность».

Мари Шоде. La Vie Maxim

КЛАПАНЫ СУПЕРОБЛОЖКИ

Азбука
PREMIUM

Давид Фонкинос (р. 1974) — писатель, сценарист, музыкант, автор тринадцати романов, переведенных на сорок языков мира. В детстве он много путешествовал благодаря матери, работавшей в компании «Эйр Франс». Учился в парижской джазовой школе, основал собственную группу, но в конце концов сделался писателем, так как для группы не удалось подыскать контрабасиста. Ныне это один из наиболее популярных французских романистов. Фонкиноса обожают читатели, собратья по перу, журналисты и книготорговцы. Он писал сценарии для таких французских режиссеров, как Седрик Клапиш и Жак Дуайон, а в 2011 году он вместе с братом режиссером Стефаном Фонкиносом поставил по своей книге «Нежность» одноименный фильм с обворожительной Одри Тоту в главной роли. В новом романе Д. Фонкиноса, получившем премию Renaudot, юношескую Гонкуровскую премию и Хрустальный глобус за лучший роман-эссе 2015 года, рассказывается о жизни Шарлотты Саломон, немецкой художницы, погибшей в двадцать шесть лет в газовой камере Освенцима. Она была на шестом месяце беременности. В изгнании на юге Франции она успела создать удивительную автобиографическую книгу под названием «Жизнь? Или Театр?», куда вошли 769 ее работ, написанных гуашью. Незадолго до ареста Шарлотта доверила рукопись своему врачу со словами: «Здесь вся моя жизнь».

Cover Art © Collection Jewish Historical Museum, Amsterdam
© Charlotte Salomon Foundation
Charlotte Salomon®

ISBN 978-5-389-09929-6

01

9 785389 099296